

84.4 нпн
П 67

БВІ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ПОЭТА

ПОЭЗИЯ
ИСПАНСКОГО
БАРОККО

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ПОЭТА

ГОД ОСНОВАНИЯ СЕРИИ
2005

Редакционная коллегия серии
В. Н. Андреев, Б. В. Дубин,
М. Ю. Коренева, Г. М. Кружков,
И. М. Михайлова, М. Д. Яснов (*председатель*)

ПОЭЗИЯ ИСПАНСКОГО БАРОККО

Перевод с испанского

Составители

В. Н. АНДРЕЕВ, А. Ю. МИРОЛЮБОВА

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2006

УДК 82-1

ББК 84(4)

Д67

Поэзия испанского барокко / Сост. В. Н. Андреев и А. Ю. Миролюбова. — СПб.: Наука, 2006. — 567 с.

ISBN 5-02-026913-1

Поэзия испанского барокко — одно из самых ярких и значительных явлений мировой литературы XVII века. В России еще ни разу не выходили поэтические антологии, посвященные барокко Испании, поэтому данный сборник поистине уникален для русского читателя.

Основную часть книги составляет поэтическое творчество двух гениев XVII века — Луиса де Гонгоры и Франсиско де Кеведо. Кроме этого, в книге представлена поэзия их последователей и учеников: графа де Вильямедианы, Луиса Каррильо де Сотомайора, Педро Сото де Рохаса, Антонио Энрикеса Гомеса и других. Сборник дополнен фрагментами из пьес двух великих испанских драматургов — Тирсо де Молины и Педро Кальдерона де ла Барки, а также прозаическими материалами, в которых отражена литературная борьба и полемика испанских поэтов XVII столетия.

Ряд переводов публикуется впервые.

- © Издательство «Наука», серия
«Библиотека зарубежного поэта»
(разработка, оформление), 2005
(год основания), 2006
- © В. Н. Андреев, составление, ком-
ментарии, 2006
- © А. Ю. Миролюбова, составление,
вступительная статья, 2006

ТП-2006-II-№ 287

ISBN 5-02-026913-1

ИСКУССТВО ОСТРОГО УМА

Самая расхожая ассоциация, которая возникает при слове «барокко», — Зимний дворец или, в крайнем случае, сонаты Вивальди: архитектура, музыка или какое-то другое искусство, созданное в пышном, изобильном, роскошном и праздничном стиле. Европейское барокко XVII века, ярчайший образец которого наряду с немецкой, нидерландской и английской представляет собой и испанская поэзия, — стиль совсем другого рода: его драматизм и предельная напряженность связаны с драматическим, переходным характером «века без названия», стоящего между двумя великими эпохами: Возрождением и Просвещением.

Уже Шекспир и Сервантес, последние великие писатели Возрождения, открыли иллюзорность гармонии человека с миром и самим собой. «Я знаю, кто я есть», — говорит Дон Кихот, но мир его не понимает и отвергает. Шекспир испытывает на прочность все основные человеческие чувства, все типы отношений между людьми — и заставляет нас прийти к выводу, что «мир расшатался», что его привычный приветливый облик претерпел необратимые изменения; выражаясь языком истории, Возрождение с его утопизмом и оптимизмом, с его верой в человека как меру всех вещей и центр Вселенной, потерпело крах. Во-первых, итальянский Ренессанс, самый ранний по времени, оказавший решающее влияние на все национальные культуры тогдашней Европы, захлебнулся в войнах. Концом его явилась совер-

шенно определенная дата — разгром Рима в 1527 году, к которому, кстати, приложили руку и испанцы: император Священной Римской империи и испанский король Карл Габсбург, враждуя с папой Климентом VII, осадил Вечный город, захватил его и разрушил, не щадя ни боготворимых Ренессансом античных памятников, ни произведений блистательного нового искусства. (Заметим в скобках, что Якопо Понтормо, первый художник-маньерист, то есть творящий в своей *манере*, с этой даты и до конца своей жизни так и не спустился с чердака, где прятался от распаленных грабежом наемников.) Во-вторых, наступает идеологический крах Ренессанса, которому способствовало движение за реформу католической церкви: именно так выражалась борьба за новые ценности в Северной Европе, более удаленной от античных традиций и тем самым более связанной с традицией христианской. Когда раскол между католичеством и протестантизмом полностью обозначился, в странах Южной Европы началось движение Контрреформации: была усилена роль инквизиции, вышел первый «Индекс запрещенных книг»; в 1540 году бывший рыцарь, испанец Игнатий Лойола основал орден иезуитов. И в-третьих, как это ни парадоксально, крушению ренессансного антропоцентризма способствовало развитие науки, новая концепция мироздания, новый образ Земли, сложившийся в ту эпоху благодаря трудам Коперника, Джордано Бруно, а более всего — Кеплера, установившего эллиптическую природу вращения планет и тем самым закрепившего децентрализованное видение мира. Со сменой модели мира изменилось и место человека в нем: он уже не в центре, а, по словам Паскаля, «затерян в этом глухом углу Вселенной и, выглядывая из чулана, отведенного ему под жилье»,¹ должен уразуметь, что Человек в бесконечности ничего не значит. Естественнаучные открытия человек XVII столетия не просто усваивает, осмысливает, но драматичнейшим образом переживает: на смену ренессансному антропоцентризму приходит осо-

---

¹ Паскаль Б. Мысли. СПб.: Азбука, 1999. С. 31.

знание ничтожности человека перед лицом Вселенной, зыбкости его бытия.

На все это накладываются перипетии политической жизни с их непредсказуемыми и неоднозначными последствиями: межгосударственные и гражданские войны (прежде всего разорительная, кровопролитная, потрясшая всю Европу Тридцатилетняя война в Германии), революции в Голландии и Англии, оппозиционные движения, такие как французская Фронда. Хаос войн ощущается как космический хаос; войны и разрушения видятся горькими плодами железного века, «века-оборотня». Меняется концепция смерти: раньше смена человеческих поколений воспринималась как закономерность; в великом карнавальном романе Рабле смерть была всегда чревата новым рождением; теперь же человек насильственно вырывается из жизни, его кончина жестока, кровава и преждевременна, то есть трагична.

Отчаяние, идея непостижимости и хаотичности всего сущего заставляют воспринимать пространство и время как универсальные, идеальные формы организации жизненного материала. Не случайно в XVII веке появляется картезианство: единственная ценность, не подверженная сомнению, заключена в знаменитой максиме Декарта — *cogito, ergo sum*. Для рационалиста XVII века разум — это прежде всего этическая опора; важна не абсолютность человеческого знания, которой, впрочем, и не достигнуть, а нравственный смысл разумного начала в человеке. «Постараемся же, — говорит Паскаль, — мыслить благопристойно, в этом — основа нравственности».² Вся дисгармония, все диссонансы, на которые столь щедрым оказался тот век, — не что иное, как тоска по гармонии.

Стиль барокко царил в XVII столетии не безраздельно, был еще и классицизм — стиль иной, но типологически сродный. Их объединяет преемственность по отношению к Ренессансу, открытие сложного взаимо-

---

² Там же. С. 93.

действия личности с обществом и сугубый рационализм. А главное — театральность, момент разорванности между внутренним и внешним, между «есть» и «кажется»; слово любого художественного жанра несет функцию представления, а писатель любого направления ставит перед собой задачу «нравиться» — либо тем, что поучает читателя, вовлекая его в процесс напряженного нравственно-психологического анализа (классицизм), либо тем, что удивляет и волнует его (барокко). Одинаков для той и другой художественной системы и драматизм психологического рисунка: выбор составляет основу как барочного, так и классицистского психологизма; человек, его душа — это великое борение добра и зла, чувства и долга, вынесенное на подмостки, расчлененное на составные части.

Происхождение термина «барокко» не вполне ясно: то ли это слово происходит от португальского *perrola baroca* (раковина причудливой формы), то ли от наименования витиеватого схоластического силлогизма — *baroco*. Первоначально так обозначали архитектурный стиль — вычурный, напряженный, изобилующий декором, а затем, уже в XX веке, это название перенесли и на другие виды изобразительного искусства, и на литературу. Сами писатели той эпохи несказанно удивились бы, узнав, что они «барочные»: направления, возникавшие тогда, спорящие между собой, противоборствующие, но в целом в исторической перспективе практически сливающиеся, назывались по-другому: культизм, концептизм, прециозная поэзия, маринизм, метафизическая школа... Названия — разные, предпосылки — одинаковые: пессимизм, ощущение дисгармоничности, непостижимого хаоса жизни; горькое, выстраданное убеждение в том, что человек не всесилен. Он не способен побороть зло, которое господствует и в мире, и в нем самом, в его «внутреннем человеке», калеча и уродуя его. Мир предстает лишенным устойчивости и гармонии; он находится в состоянии постоянных перемен, закономерности которых в силу их хаотичности уловить невозможно. Однако из этих одинаковых предпосылок можно сделать

разные выводы: либо, отвергая уродливую реальность, творить новую, невиданную, рукотворную красоту для избранных, либо, при всей иррациональности мира, обращать свой взор к древним идеалам стоицизма и прославлять внутреннюю независимость человеческой личности, признавая разум силой, способной противостоять фатальному злу в мире и порокам внутри самого человека. На фоне хаоса человек должен быть стойким: такковы идеальные герои барокко, появляющиеся в испанской драме (например, в драмах Кальдерона «Стойкий принц» и «Жизнь есть сон»). Но сознание трагизма и неразрешимости противоречий мира порождает также пессимизм, сарказм, жестокую карикатуру на человека; это — реальные антигерои, изображенные в испанском плутовском романе.

Искусство Возрождения ставило на первое место мимесис, подражание природе; искусство мыслилось как зеркало, воспроизводящее мир не только достоверно, но и понятно для всех. Но для барокко мир непознаваем, и место подражания занимает воображение, то есть речь идет уже не о мимесисе, а о генезисе, новом творении мира. Только воображение, дисциплинируемое и направляемое разумом, способно из хаоса явлений и предметов сотворить мозаичную картину мира, ее субъективный образ: сущность, объективная данность, все равно остается неведомой и загадочной. Контуры размываются, появляется большое число живописных и ярких самодовлеющих деталей, не складывающихся в цельный образ. Конкретно это выражается в смешении мертвого и живого, в одушевлении любых, даже самых абстрактных, понятий, которым вдруг придается невиданная, отдающая гротеском динамика. Излишне говорить о сложной, на первый взгляд избыточной, метафоричности, о сопряжении далеких явлений и предметов часто не по основным, а по второстепенным и неявным признакам: это — лицо стиля («Гонгора показывает мифы в профиль», — говорил Федерико Гарсиа Лорка в своей лекции «Поэтический образ у дона Луиса де Гонгоры», прочитанной в 1926 году). Но субъективизм ба-

рокко далек от личностного произвола романтиков или сюрреалистов — самые сложные метафоры имеют под собой четкое логическое обоснование. Барочное искусство ценит не «гений», а «остромыслие»; барочные метафоры, построенные на рациональных схемах, представляют собой не прихотливый полет воображения, а эмблемы и аллегории. Ощущение недостоверности знаний об окружающей реальности заставляет воспринимать мир, как большую сцену, где природа — декорации, общество — подмостки, а люди — актеры; эта всеобщая театрализованность жизни и искусства приводит к появлению броской детали, гиперболы, гротеска.

Язык сочиняется, он служит средством отталкивания от безобразной действительности, но писатель исходит не от эмоции, не от ощущения полноты жизни, а от интеллекта. Он не вчувствуется, но и не вдумывается; скорее, он надумывает: ренессансная ясность сменяется нарочитой усложненностью, но изощренные метафоры строятся по жестким, рационалистически строгим схемам формальной логики.

«Остромыслие, или Искусство быстрого ума» — так называется трактат одного из основных теоретиков барокко Бальтасара Грасиана (первоначальный вариант — 1642 год, окончательный — 1648 год). Это программное произведение для эстетики барокко, сопоставимое с «Трактатом о поэтическом искусстве» Буало. Суть «остромыслия» — сочетание, гармоничное сопоставление двух или нескольких далеких понятий, связанных «единым актом разума». При прямом сближении, непосредственном их сопоставлении рождается новая истина, доступная «изоощренному уму». Красота, собственно, и заключается в самой мысли, ее новизне. Грасиан учит не только писать, но и мыслить по-барочному: в первой части трактата приводятся «анalogии», простые сопоставления, переосмысленные ситуации, каламбуры, парадоксы; во второй — фабулы, аллегории, метаморфозы, параболы, притчи, эмблемы. Главная ценность — новизна, необычность, изобретательность; ак-

цент переносится с объекта на субъект, на единый акт разума творческой личности. «Нерв стиля, — пишет Грасиан в своем трактате, — кроется в напряженной глубине слова».

Барокко — по преимуществу стиль испанский, ни в одной из европейских стран он не господствовал столь безраздельно. Тому есть свои причины. XVII век в Испании — эпоха глубочайшего экономического упадка, политического кризиса и идеологической реакции. Когда в 1492 году одновременно была завершена Реконкиста и открыт Новый Свет, ничто не предвещало столь близкой катастрофы. Абсолютизм покончил с раздробленностью страны, колонизация новых огромных территорий поначалу послужила импульсом для развития экономики. В состав испанской империи входили в то время не только колоссальные владения за океаном, но и земли на севере Африки и в Европе (Сицилия, Неаполь, Нидерланды, позднее Португалия).

Но золото Америки сослужило Испании дурную службу: оно не задерживалось в стране, не способствовало развитию отечественной промышленности и торговли. Наоборот — деньги обесценивались, началась инфляция, сельское хозяйство пришло в упадок. Нищета подавляющего большинства населения составляла резкий, поистине барочный, контраст с непомерной роскошью знати. Но главная проблема, «черная дыра», куда уходили «все богатства Потоси», — это бесконечные, чуждые национальным интересам войны с протестантскими государствами, которые до крайности изнурили страну. Испанская империя возглавляет Контрреформацию, мнит себя во главе нового крестового похода (это сознание национальной избранности еще долго не исчезнет). Такие непомерные, воистину имперские претензии и привели фактически к национальной катастрофе. В 1588 году у берегов Англии погиб почти весь испанский флот, Непобедимая армада; в 1609 году обрела независимость Голландия, северная часть Нидерландов. К концу века, утратив свои позиции в Европе, Испания была низведена до положе-

ния второстепенного, чуть ли не захолустного государства.

Тяжелый драматизм, даже трагизм, эпохи, жестокие контрасты в обществе, взлеты и падения в политике — вот что определило безраздельное господство барокко в испанской литературе. Сознание несоответствия гуманистических идеалов Возрождения реальности, неверие в возможность осуществления этих идеалов даже в отдаленном будущем породили особое, чисто испанское, отношение к жизни, выражаемое емким словом *desengaño*, — не разочарование, а прозрение, отрицание лжи, иллюзий всякого рода.

Все жанры испанского барокко можно назвать основными, среди них нет ни одного периферийного: и исполненная мрачного величия барочная драма, и поздний плутовской роман, с невероятной яркостью и выпуклостью повествующий об изнанке жизни. Но особую, не сопоставимую с другими европейскими литературами роль играет поэзия, представленная двумя поэтическими школами — культизмом и концептизмом.

Создателем школы культизма, которую называли также культеранизмом и гонгоризмом, явился **Луис де Гонгора-и-Арготе** (1561—1627). Происхождение его не слишком завидно: уроженец Кордовы, сын обедневшего дворянина, распорядителя имуществ, конфискованных инквизицией; правда, мать принадлежала к более знатной семье Гонгора, поэтому, согласно распоряжению дяди, оставившего Луису и его брату Хуану наследство, поэт поменял отцовскую и материнскую фамилии местами — Гонгора-и-Арготе. Жизнь его не богата событиями: учился в Саламанке, принял духовное звание, разъезжал по делам прихода, постигая неприглядную испанскую действительность; бывал и при дворе, даже добился должности королевского капеллана, хотя уже на закате дней, в 1617 году. Старость не была милосердной к поэту — его настигла болезнь, сопровождавшаяся потерей памяти, обмороками, головными болями.

По его стихам о фактах биографии и эмоциональной жизни догадаться невозможно, они совершенно импер-

сональны. Над реальностью надстраивается совершенный мир искусства, постижение красоты которого доступно лишь избранным. Гонгора осознавал отличие поэтических пейзажей от природы; он и не стремился запечатлеть природу, а трансформировал ее радикальным образом, выстраивая ее элементы в совершенно необычных сочетаниях: естественный порядок природы сознательно представляется в поэтическом мире испанского поэта отрывочно, фрагментарно. Причина такой фрагментарности кроется в несовпадении конечного человеческого времени с временем природным, бесконечным, в невозможности слияния с ним, и от этого ощущения возникает грусть — но не отчаяние, потому что новая гармония, вечная, неподвластная времени, творится в стихе. Творится заново не только мир, но и язык, с помощью которого этот мир описывается: Гонгора, помимо обильной метафорики, перифраз, гипербатона, усложненного, запутанного синтаксиса, известен прежде всего своими неологизмами, построенными на заимствованиях из классической латыни. Эти слова современники называли *voces cultas* («культурные», «заумные») — отсюда и название школы. И Гонгора не просто так занимался словотворчеством: то была попытка утвердить испанский язык как язык империи, сравнимой с Римской; вот почему за образец он берет классическую латынь, вплоть до калькирования лексики и синтаксиса, — в итоге должен был получиться универсальный язык, богатый, благородный и звучный. Отчасти попытка увенчалась успехом: существует издевательский сонет Кеведо, полный подобных «речений», и большинство из них вошли в современный испанский язык. Современникам же Гонгоры они казались дикими. Синтаксис, при всей его умопомрачительной сложности, производит впечатление не косности, а гибкости и свободы: поэт стремится и к эвфонии, благозвучию, и к прояснению смысла: ключевое слово путем инверсии ставится на самое ударное место, прием подчеркивается. Мало того, Гонгора пытается достичь имитативного эффекта; классический пример тому, цитируемый всеми исследо-

вателями его творчества, это описание жилища Полифема из мифологической поэмы «Предание о Полифеме и Галатее»:

Этого-то чудовищного земли
Зевка меланхолическая пустота
Полифему, ужасу здешних гор
Дикой хижиной служит...

Поэтический синтаксис здесь нарушен, искорежен, как искорежена полостью пещеры гладкая поверхность земли; гипербатон, на первый взгляд излишнее затруднение, мучительное препятствие речи, оказывается средством построения стиха. Испанский поэт Хорхе Гильен, один из тех, кто в 1927 году поднял Гонгору на щит и вызволил из долгого забвения, сказал: «Ни один поэт не был архитектором в большей степени. Неумолимой волей он возводит здание из слов».³ Поэзия, как и музыка, — искусство временное, а стих Гонгоры выстроен в пространстве; он осязаем, он стоит перед глазами; при чтении созданный поэтом мир буквально вырастает, воспроизводится, причем не только архитектурно, но и живописно: поэт различает множество цветов и оттенков во всей их чистоте, точности, ясности. Парафразы и метафоры — не украшения, а сама ткань поэзии, ее мрамор; они придают плотность, стеклянный блеск вещам; и то и другое — не декоративный, а конструктивный элемент: план реальный, преходящая, брменная действительность, с ее случайными, порой безобразными, чертами подменяется вечно сияющим, неподвластным ни времени, ни случаю, ни чьей-то злой воле метафорическим планом. «Сотри случайные черты — и ты увидишь: мир прекрасен...» Но Гонгоре мало дела до реального мира, над ним он выстраивает свой мир, искусственно созданный, а значит, неподвластный распаду.

Гонгора-человек — герметичная личность; жесткий, несгибаемый, он не раскрывает себя, не проявляет

---

³ Guillén J. Lenguaje prosaico. Gongora // Lenguaje y poesía. Madrid, 1962. P. 51.

чувств. По-видимому, не испытывает вдохновения. По свидетельству современника, он «над одной строкою зачастую работал по множеству дней». Для него важно не собственное «я», а красота мира; вернее — идея, идеал красоты; субъект полностью пропадает в любовании объектом. Нет рассуждений о Боге, душе, судьбе; отсутствует религиозное, метафизическое, моральное направление — остается прекрасное зрелище Природы, всегда одной и той же, цельной в ее космическом величии. Стихи Гонгоры дегуманизированы, их автор — эстет, сверхчеловек. (У его антагониста Кеведо тоже присутствует космизм, но космизм пристрастный, личностный: человек в философских стихах Кеведо — микрокосм, малая модель мироздания, макрокосма: все беды большого мира живут в человеке потому, что он — малый мир.) Искусству Гонгоры не требуется соприкосновения с жизнью, оно живет и действует само по себе; это один из первых в истории литературы и, может быть, самый яркий пример искусства для искусства. Его стихи — сверкающие кристаллы; слово, очищенное от цели и порыва, превращено в чистый кусочек стекла или в неподвижный, блистающий самоцвет. Сохраняя все грани и все оттенки, Гонгора кристаллизует образы, намеренно лишая их какой бы то ни было связи с реальностью: они должны быть чистыми, светящимися, безучастными и спокойными, как звезды. Из слов, кусочков смальты, творится стихотворение, большое или малое; вернее, не творится в едином акте вдохновения, а складывается, как мозаичная картина. И эти кусочки, или камешки, пригнаны так плотно, что мир, полностью сотворенный мыслью, не имеет щелей, как идеальный, герметичный роман, к созданию которого призывал своих современников испанский философ XX века Ортега-и-Гассет. Никогда больше в истории литературы не было такой веры в виртуальность чистого поэтического творения.

Особенно это относится к большим поэмам Гонгоры, таким как уже упоминавшееся «Предание о Полифеме и Галатее» (1612—1613) — мифологической поэме по мотивам «Одиссеи» Гомера и «Метаморфоз» Овидия.

Циклоп Полифем, тот самый, которому Одиссей выколол единственный глаз, влюблен в нимфу Галатею, но та предпочитает прекрасного Акида. Полифем в припадке гнева убивает счастливого соперника, однако Галатея превращает юношу в поток. Тема чисто барочная, полная светотени, контраста, непреодолимых противоречий между гротескным безобразием гиганта и нежной, преданной любовью идеально прекрасных существ. Гонгора добавляет внутренний контраст: его циклоп — нежное чудовище, гиперболизированный буколический пастушок, страдающий от неразделенной любви. Собственно, основным поэтическим приемом, заданным темой, и является гипербола; другой прием — контрастное сопоставление двух миров, которые пересекаются, взаимодействуют, но никогда не сливаются.

Центральным произведением Гонгоры, типичным для гонгоризма, является уникальная поэма «Одиночества». В других произведениях либо фабула, либо требования твердой поэтической формы (сонет, октава) ставили предел словесным и синтаксическим экспериментам. Здесь сюжет свободный: история юноши, покинувшего родину из-за несчастной любви, потерпевшего крушение и выброшенного на берег, — это всего лишь канва повествования. Размер — силва, неравносложный, с прихотливой рифмовкой, с произвольным количеством строк в строфе, настоящий верлибр XVII века; все это позволяет свободно манипулировать синтаксисом. Здесь и происходит окончательное преодоление пропасти между реальной материей, брэнной и преходящей, и созданием искусства, вечным и абсолютным. Одиночество, уединение — уход от времени и его власти в воображаемый, но во всех деталях выписанный золотой век.

Восприятие творчества Гонгоры современниками тоже являло собой своеобразный барочный контраст: яростное неприятие со стороны, например, Кеведо соседствовало с безудержным восхвалением и подражанием. Как ни странно, но «заумный» Гонгора, творивший на пределе возможностей поэтического слова, имел

многочисленных последователей. Он создал сильную, прочную, долго существовавшую стилистическую инерцию, разрушить которую стоило труда классицистам XVIII века. Видимо, это определялось не только обаянием мощного таланта «испанского Гомера», как он был поименован составителем посмертного сборника его стихотворений, но и требованиями времени. У Гонгоры был предшественник, рано умерший, — Каррильо де Сотомайор, который, в частности, первым обратился к сюжету о Полифеме и Галатее, а также составил манифест культистской поэзии — «Книгу поэтической эрудиции». Были у Гонгоры и единомышленники — например, граф Вильямедиана, талантливый и яркий поэт, человек необычайной судьбы, не только автор прекрасных стихов и больших поэм, но и герой многочисленных новелл и драм: влюбленный, кажется не без взаимности, в королеву Изабеллу Бурбон, супругу Филиппа IV, он был убит неизвестным на пороге собственного дома. Или Педро Сото де Рохас, канонник из Гранады, певец фонтанов и садов, которым позже восхищался его земляк Гарсиа Лорка. Сложную метафорику Гонгоры восприняли и Боканхель-и-Унсуэта, и Поло де Медина, и Трильо-и-Фигероа. За пределами Испании, в Амстердаме, Антонио Энрикес Гомес, преследуемый инквизицией, писал искренние, полные неподдельного, живого чувства стихи, насыщенные теми же самыми «культистскими» образами. Прославился своими лирическими стихами в духе гонгоризма и Антонио Солис-и-Риваденейра, знаменитый историк и комедиограф. Не без влияния Гонгоры творили и такие своеобразные поэты, как Франсиско де Риоха, певец природы, обращавший свои философские размышления о бренности жизни к виноградным лозам, цветам и деревьям, а также Эстебан Мануэль де Вильегас, через римлян обращавшийся к древним грекам, пытавшийся привнести в испанское стихосложение античные логазды — сапфическую и алкееву строфу.

Но то же самое обаяние «ангела и Люцифера» (как назвал Гонгору Херардо Диего, еще один его апологет, принадлежавший к поэтическому поколению 1927 года),

«принца света и принца тьмы» (как именовал его классик испанской филологии Менендес-и-Пелайо) вызвало к жизни пышный и трескучий, богато орнаментированный, но утративший логику, лишенный внутреннего содержания «высокий» стиль, который продержался около полутора веков как в поэзии и драме, так и в ораторском искусстве, особенно в церковных проповедях. Безраздельное господство этих по существу банальных изысков, против которых просветители XVIII века вели упорную, в конце концов увенчавшуюся полным успехом борьбу, бросило тень и на славное имя Гонгоры: в XVIII веке поэт был заклеимен как темный и вычурный, и даже романтики, воздавшие должное многим барочным писателям, не реабилитировали его. Уже упоминавшийся Менендес-и-Пелайо вынес безжалостный приговор: он назвал произведения Гонгоры, особенно его большие поэмы, «чудищами без головы и ног». Зато французские символисты превознесли его до небес. Верлен, который едва знал испанский язык и вряд ли был в состоянии понять до конца сложнейшую поэзию Гонгоры, пробудил к нему интерес поэтов своего поколения. Эстафету подхватил никарагуанец Рубен Дарио, модернист, преобразователь испаноязычной поэзии в Новое время. И символистам и модернистам импонировала герметичность Гонгоры, его непонятность, неприемлемость для официальной академической критики — в их глазах он тоже представлял своего рода «проклятым поэтом». В 1927 году, через 300 лет после смерти Гонгоры, началось бурное движение в его защиту; выходили интереснейшие монографии, альманахи, журналы, посвященные творчеству поэта. Он оказался близок современному дегуманизированному искусству с его культом формы, техники, с концепцией художественного произведения как самодовлеющего, герметически замкнутого мира, живущего по своим законам. Целое поколение испанских поэтов выросло под влиянием этого гонгоровского юбилея: Хорхе Гильен, Дамасо Алонсо, Педро Салинас, Луис Сернуда, Гарсиа Лорка, Рафаэль Альберти — они так и вошли в историю испанской литературы как «поколение

1927 года», и практически каждый из них внес свою лепту в изучение богатейшего и сложнейшего наследия великого культиста.

Создатель поэтической школы концептизма **Франсиско де Кеведо-и-Вильегас** (1580—1645) во многом, если не во всем, являлся полной противоположностью Гонгоре — не зря вражда между ними вышла далеко за рамки литературной полемики. Жизнь его, динамичная и богатая событиями, обросла легендами. Он родился в самом центре империи — в Мадриде, в семье придворных: отец был секретарем дочери Карла V, потом — Анны Австрийской, жены Филиппа II; мать была фрейлиной королевы. Кеведо рано завоевал славу поэта-сатирика и не скрывал своих симпатий и антипатий: Гонгору преследовал, зато дружил с Лопе де Вегой и Сервантесом. Несмотря на хромоту, он был отличным фехтовальщиком, подлинным героем комедии «плаща и шпаги»: якобы убил на дуэли человека, оскорбившего женщину, совершенно ему не знакомую; бежал на Сицилию, где добился покровительства герцога Осуны, был его правой рукой, ездил с дипломатическими поручениями, в частности, в Венецию, где фактически шпионил в пользу Неаполитанского вице-королевства, подчиненного Испании. Этот период жизни поэта — настоящий авантурный роман: слежка, интриги, переодевания... Но венецианцы пустили ложный слух, будто Осуна собирается отделить Неаполь от Испании; Кеведо, доверенное лицо герцога, отправился в Мадрид, но не сумел переубедить двор. Осуна сместили, бывший вице-король умер в тюрьме, а Кеведо был изгнан в свое имение. Впрочем, вскоре он примирился с Филиппом IV и его фаворитом, графом-герцогом Оливаресом; в 1623 году участвовал в празднике в честь принца Уэльского в Мадриде; состоял в королевской свите во время путешествия Филиппа в Андалусию — на одну ночь король даже остановился в имении Кеведо в Торре-дель-Абад (по тем временам — высокая честь!). Трудно понять, почему в 1639 году Кеведо внезапно, среди ночи, арестовали, не дав ему как следует одеться, отвезли в Леон и заключили в мо-

настырь. Там, в темной сырой камере, писатель провел пять лет и совершенно расстроил здоровье. Самая пространенная версия, которой придерживались еще современники поэта, такова: однажды король, садясь за стол, нашел под своей салфеткой знаменитый «Мемориал его величеству королю Филиппу IV», и это послужило причиной королевского гнева и жестокой опалы. Сам Кеведо никогда в этом не признавался — но так или иначе, он вышел на свободу, чтобы умереть: ко двору поэт так и не вернулся и прожил остаток дней в своем имении.

В отличие от Гонгоры, отношение к Кеведо менялось мало: его не отвергали и не превозносили, ему воздавали должное. Его никто не «открывал», поскольку традиция, заданная его творчеством, никогда не прерывалась. Она всегда подспудно существовала, время от времени выходя на поверхность — то в «Капричос» Гойи, то в романтическом гротеске, то в «эсперпенто» модерниста Валье-Инклана, то, наверное, и в холодноватых, рассудочных кошмарах Сальвадора Дали.

Итак, похоже, Кеведо — и создатель концептизма, и самый мощный, без соперников и почти без соратников, его выразитель в поэзии. Название этого направления происходит от слова *concepto* (концепт). Концепт — не гонгоровская «заумь»; концепт, пишет уже знакомый нам теоретик барокко Грасиан в своем трактате об остроумии, — акт понимания, который выражает связи, обнаруживаемые между объектами. Таким образом, цель поэзии состоит в раскрытии глубинных и неожиданных связей между различными объектами через слово и мысль. Стиль Кеведо — тоже «трудный», но трудность происходит не от попытки выстроить идеальный, лишенный «случайных» черт мир, а от внутренней сложности формулируемой мысли. Для стиля Кеведо характерны не узлы метафор, в сущности с очень простым, даже тривиальным, реальным планом, а сочетание максимальной выразительности с предельным лаконизмом и возможно большей смысловой насыщенностью каждого слова и каждой фразы. Концептизм не придумывает

новые слова, а играет на многозначности слов привычных; для этого стиля характерны каламбуры, пародийное воспроизведение и снижение словесных штампов, прохождение по всем регистрам речи, их смешение и столкновение, высекающее искру и порождающее новый концепт. «Кеведо, — пишет испанский эссеист Эухенио д'Орс, — каждую минуту творит язык, на котором выражает себя... Под пером истинного писателя каждое слово должно казаться неологизмом. Таков Кеведо».⁴

Кеведо — человек широкой культуры, страстный книголюб; по свидетельствам современников, он покупал все вышедшие издания и всюду, куда ни забрасывала его бурная и неустроенная жизнь, возил с собой чемодан с книгами. Кроме того, живя при дворе, он ясно видел не только упадок страны (Гонгора, хотя и видел частности, отторгал их от себя, почитая случайными), но и его причины. Горькое разочарование Кеведо, его пессимизм, сарказм и насмешка — все это маски усталости. В его творчестве тоже абсолютно отсутствует спонтанность; его произведения — «сделанные», «умные». Умудренный опытом «лукавый царедворец» совершенно нечувствителен к нежному и сентиментальному — скорее, он привержен бесстыдному и непристойному. Кеведо считают полной противоположностью Сервантесу с его светлым взглядом на мир и мягкой иронией. Стиль Кеведо напряжен; он любит мрачный гротеск, гиперболу — но не гонгоровскую, воспевающую мироздание, а деформирующую, карикатурную. Его персонажи (и в плутовском романе «История жизни пройдохи по имени дон Паблос», и в памфлетах «Сновидения», ибо Кеведо, в отличие от Гонгоры, был не только поэтом) — куклы с плохо прилаженными частями: прихотливые силуэты, несомые ураганом острословия, полностью находящиеся во власти безжалостного автора, который мнет своих героев, как глину. В конечном итоге мир Кеведо — такой же умственный, дегуманизированный, как и

---

⁴ D'Ors E. El valle de Josafat. Buenos Aires, 1944. P. 35—36.

мир Гонгоры, в нем точно так же нет щелей и зияний, но только в нем доведена до своего предела не красота, а, скорее, безобразие. Грубая реальность беззастенчиво вторгается в сферу идеального: происходит, как пишет поэт и филолог Дамасо Алонсо, «проникновение тем, синтаксических оборотов, лексики из плана простонародного, обыденного в план высокий, из бурлеска — в самую возвышенную лирику, в самые чистые уголки ренессансной традиции».⁵ Это — отнюдь не формальный прием, а систематическое, страстное отрицание безобразия жизни: оно всюду, ему нечего противопоставить, оно отравляет все — даже мечту, даже утопию, которые с таким тщанием лелеет и пестует Гонгора (быть может, к тому остервенению, с каким Кеведо относился к своему антагонисту, примешивалась и толика зависти). У Гонгоры прекрасный рукотворный мир неподвластен времени, а в мире Кеведо любая ипостась красоты, едва явившись, мгновенно блекнет, ветшает, распадается или, еще хуже, превращается в свою противоположность, деформируется, теряет свой образ, обезображивается.

А главное — этот уродливый и тленный мир интегрирован, помещен внутрь личности, — весьма условной личности автора, человека вообще, и это придает поэзии Кеведо особую страстность, непередаваемый драматизм. Главная тема его моральной и философской поэзии, его основная, самая тяжкая мука — ежечасный, ежеминутный процесс исчезновения земного мира: время каждый миг влечет к небытию, разлагает и мнимое величие, и подлинные ценности. Природа для Кеведо — не убежище, ибо сама природа (биологическое время) в человеке показывает его ограниченность и является причиной отчаяния. Временность посюстороннего, его трагическую изменчивость Кеведо ощущает и подчеркивает с большей силой, чем какой-либо другой

---

⁵ *Alonso D. El desgarrón afectivo en la poesía de Quevedo // Poesía española. Ensayo de métodos y límites estilísticos. Madrid, 1962. P. 573—574.*

современный ему писатель: он разлагает существующее, показывает нам среди живого тление и гниение, чередует объекты мертвой и живой природы. Этот процесс изменчивости не был бы трагическим, если бы он происходил вне человека, если бы человек ощущал его только как игру, как раблезианский карнавал, — но Кеведо-человек ощущает эту бренность всем своим индивидуальным существованием.

Это-то и порождает в поэте глубочайший, прямо-таки глобальный, пессимизм: вечная красота недоступна, а доступная, тленная, красота достойна только презрения и насмешки. Все, чем довольствуется заурядный человек, для максималиста Кеведо неприемлемо. Но это — не христианский аскетизм; испанский литературовед Америко Кастро верно подметил: «Аскет знает, что жизнь — дорога к Богу, и тратит ее, чтобы показать эфемерность ее прелестей. Он не хочет, чтобы жизнь была другой; Бог создал мир так, а не иначе, чтобы подвергнуть испытанию волю человека и проявить свое божественное милосердие. Аскет не привержен к жизни, но не питает к ней ненависти и не сомневается в ее реальности. А в случае Кеведо происходит и то и другое».⁶ Кеведо не равнодушен и не смиренен: он страстен. И поэтому неудивительно, что этот мизантроп и женоненавистник (друзья и покровители неоднократно пытались сосватать поэту какую-нибудь девицу или вдовушку, но единственный брачный опыт очень быстро закончился скандальным разрывом) был признан автором самых проникновенных и самых возвышенных стихов о любви во всей испанской литературе — в 65-ти сонетах к Лиси отражена длившаяся 20 лет идеальная, безответная любовь поэта к Луисе де ла Серда, принадлежавшей к знатному роду Мединасели. В постоянстве и высоте своей страсти Кеведо — последний трубадур, а барочный контраст любви и смерти, концепт постоянства в тлении и пламени в прахе, придает его любовной лирике невиданную и, пожалуй, никем не превзойденную силу.

⁶ *Castro A. Escepticismo y contradicción en Quevedo // Semblanzas y estudios españoles. Princeton, N. J., 1956. P. 213—227.*

Особое место в системе жанров испанского барокко занимает драматургия. Испанская драма золотого века — это драма поэтическая, написанная стихами. Трагедии французского классицизма тоже сочинялись в стихах, но классические поэтики требовали ритмического единства; оно и сложилось в «двойною рифмою оперенном стихе» александрин, стройность которого подчеркивала невероятную крепость рамки, невиданную концентрацию действия. В испанской же драме используются разнообразные поэтические размеры: Лопе де Вега в своем стихотворном послании «Новое искусство сочинять комедии в наши дни» рассуждает о стихотворных размерах и строфах, об их роли в структуре драмы. Выбор размеров и строфики должен соответствовать сюжетным ходам: например, десимы, строфы из десяти строк, «хороши для жалоб» (это действительно изощренный, затрудненный, эпический размер); сонет подходит тем, кто ждет развязки (благодаря его четкой логической структуре: теза—антитеза—синтез); романсы, старинная эпическая форма стиха, как нельзя более подходят для диалога или длинного рассказа о свершившихся событиях, хотя и октавы, широко известный в европейской поэзии эпический размер, тоже пригодны для этой цели; в терцетах (вспомним Данте) выражается нечто важное, величественное; любовная тема раскрывается в редондильях, четверостишиях с кольцевой рифмовкой. Таким образом, поэтическая ткань драмы составляется из отдельных клеточек, парцелл, но при этом произведение не утрачивает единства. Наоборот, стихи из драм Лопе де Веги, за исключением песенных вставок, самостоятельной жизнью не живут: недаром Гонгора, антагонист Лопе и в литературе и в жизни, говорил, что его стихи, извлеченные из пьесы, похожи на пончики, снятые со сковородки. Несмотря на формальное совершенство, они полностью подчинены интриге, исходят из уст какого-то персонажа, а не автора.

В художественной системе барокко место миметического «подражания» занимает «воображение», причем этой способностью «остромыслия» должен обладать не

только творец, но и читатель (или зритель), которого писатель (или драматург) приглашает к сотворчеству. Природа эстетического наслаждения меняется: удивление — вот основная его черта. «Рамка», ограничивающая поданный в драме отрезок действительности, расширяется вплоть до полного ее снятия, исчезновения; местом действия становится весь мир; время стремится стать вечностью. Малое (сцена) вмещает несоизмеримо огромное (Вселенную), поскольку Вселенная — тоже театр: театр природных стихий и человеческих страстей. Барочная драма — и под пером Тирсо де Молины (псевдоним Габриэля Тельеса, 1579—1648), драматурга-монаха, который в драме «Севильский озорник, или Каменный гость» создал первого в мире Дон Жуана, и в ее окончательном, исполненном мрачного великолепия оформлении, которое ей придал Кальдерон де ла Барка (1600—1681), автор таких шедевров, как «Жизнь есть сон» и «Стойкий принц», — тоже сугубо поэтическая; при этом она субъективна: в ней отражается специфический, глубоко личностный взгляд драматурга на происходящие события. Единство барочной драмы — не только единство интриги, но и единство личностного восприятия всего того, что в драме происходит. Поэтому в каждом поэтическом отрывке, в каждом образе отражается общая концепция произведения — вот почему многие стихи из драм Тирсо и Кальдерона могут быть извлечены из общего контекста и представлены как самостоятельные поэтические произведения высочайшего лирического накала. Причем драматурги барокко используют достижения обеих поэтических школ — и культизма, и концептизма: яркость описаний соседствует у Тирсо, и в особенности у Кальдерона, с непревзойденной логикой и остротой мысли.

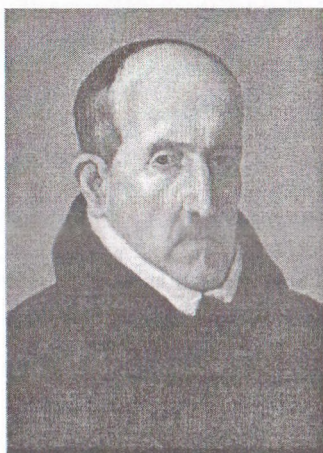
Иногда считают, и не без основания, что и стиль, и мировосприятие барокко, отвергнутые трезвым веком Просвещения, восприняли романтики, вернувшие искусству безмерность обзора и крайний, яростный субъективизм. Но ими была утрачена важнейшая черта этого великого искусства — дисциплина мысли. Романтик, по

словам Ортеги-и-Гассета, «не видит, а вслепую нащупывает неведомо какие таинственные реальности». ⁷ Все чувства барочного поэта отточены до остроты клинка, но и разум не покидает его, не тонет в восторгах вдохновения. В этом сочетании ясной, трезвой мысли и чувственного очарования и состоит непреходящая притягательность «искусства острого ума» — как для поэтов последующих веков, так и для всех любителей поэзии.

А. Миролюбова

---

⁷ Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. С. 159.

*А маи́ра с найменшым чести́м
Терзаны́и спорады́чи́и ро́да.*

Луис де Гонгора-и-Арготе

1561–1627

*А маи́ра с найменшым чести́м
Терзаны́и спорады́чи́и ро́да.*

*Так башня гаснет с угроз
Где-то ее зовут укрою,
Но так далека свобода,
Далеко-далеко вкорми.*

интерьер Ортеги-и-Кастеля, как и любой, в котором индивидуальность человека — такая фундаментальная реальность. Все чувства барочного поэта отточены до остроты: каждая деталь сразу не покидает его, не уходит в историю — в забытие. В этом сочетании зримой, осязаемой формы и чувственного описания и состоит исключительная оригинальность искусства ортегистского поэта — поэта XVIII столетия позднейших веков.

Handwritten signature

Émile de Lamoignon

1561-1627

* * *

Где башня Кордовы гордой,
По пояс в реке и в небе,
Купает в Гвадалquivире
Короны гранитный гребень,
Там правит в стремнине синей
Челном Алкион влюбленный,
Пуская в пучину невод
И ввысь испуская стоны.

*А нимфа с надменным взглядом
Терзаньям страдальца рада.*

В пожаре любви и страсти
Сгорают жалкие стоны,
А тонкие сети с плеском
В бездонном затоне тонут.
Как весла взрезают воду,
Так душу стенанья режут,
И частые вздохи чаще
Тончайших рыбачьих мрежей.

*А нимфа с надменным взглядом
Терзаньям страдальца рада.*

Так близко глядят с утеса
Глаза ее злым укором,
Но так далека свобода,
Плененная этим взором.

Как весла с размаху рубят
Волны голубые грани,
Так светом очей прекрасных
Печальный гребец изранен.

*А нимфа с надменным взглядом
Терзаньям страдальца рада.*

И он, из сил выбиваясь,
Торопится к ней, как будто
Взметнулись над сердцем крылья
И парус над лодкой утлой.
А нимфа ничуть не дальше,
И нимфа ничуть не ближе...
В пяти шагах недоступна,
Она его песню слышит:

*«Развернись, прими, пучина,
Меня и мою кручину.*

Взвиваясь на крыльях ветра,
Взгляните, стенанья, сверху,
Как вами пронзает смертный
Небес голубую сферу.
Ступайте, милые сети,
На дно голубого плеса,
Где вас в тишине отыщут
Страдальца скупые слезы.

*Развернись, прими, пучина,
Меня и мою кручину.*

И тем отомсти жестокой,
К которой взывал я тщетно,
Хотя и служил всем сердцем
Ей верно и беззаветно.
У вас узелков так много,
Мои любимые сети,
И все же отныне больше
Причин у меня для смерти.

*Развернись, прими, пучина,
Меня и мою кручину».*

* * *

Поет Алкиной — и плачет.
И плач потому так горек,
Что радости скоротечны,
Зато вековечно горе.
Поет Орфей Гвадианы;
Рокочут на цитре струны,
И в лад им вершины тают,
И стынет поток бурунный.
Как сладко он славит счастье!
Как горько клянет невзгоды!
И слушают заворуженно
Вершины его и воды.

*«И брезжит надежда,
Да время не ждет:
Добро за горами,
А смерть — у ворот...»*

Добро — цветок-однодневка;
Распустится он под утро,
Да в полдень уже увянет,
Совсем и не цвел как будто.
А горе могучим дубом
Упрямо вздымает крону;
Его бороды зеленой
Века сединой не тронут.
Жизнь мчится, как лань-подранок,
А смерть ей под сердце метит...
Удача ползет улиткой —
Успеть ли ей раньше смерти?

*«И брезжит надежда,
Да время не ждет:
Добро за горами,
А смерть — у ворот...»*

* * *

Он Первый Знамённый мавров,
А в сечи он — смерч разящий.
И храбр он, и благороден,
Галантен он и изящен.
Его и чернь, и дворяне
За сто шагов замечают;
Ему подражает войско,
В нем дамы души не чают.
Любимец судьбы и славы,
Слуга эмиру и чести,
Трофеями боевыми
Украсил он все мечети.
И все заселил темницы
Плененными кабальеро,
И дважды, вооруженный
Одной отвагой и верой,
Отбил он свирепый натиск
Отборной испанской рати...
Не знал он, какою платой
За службу эмир заплатит.
Не ведал и не гадал он,
Что ждет его наказание,
И вдруг по воле владыки
Он приговорен к изгнанию.
Так в чем же Абенсулема
Прославленный провинился?
Влюбился он в мавританку,
Которой эмир пленился.
Она цветы ему дарит,
Даря его нежным взглядом;
И дар этот сладок мавру,
Эмиру же — горше яда.
Примнилось ему, что витязь
Нарушил монарху верность.
Чернит он Абенсулему,

Свою обеляя ревность.
...Сегодня опальный рыцарь
Исполнит волю эмира.
С утра напоил коня он
Водой из Гвадалквивира.
Звеня марокканской сбруей,
Отделанной филигранью,
Скакун его горячится,
Копытами землю рая.
Танцует нетерпеливо,
Сердясь, головой поводит, —
Но властною дланью всадник
Натягивает поводья.
Весь в черном, а плащ — как пена!
И ветер сливает вместе
Цвет безутешного горя
И цвет безупречной чести.
Узором из сотен копий
Свою накидку украсил
И надпись «Вот мое войско»
Он выткал арабской вязью.
Но веря, что не оружие,
А доблесть — залог победы,
Он взял с собой только саблю,
Кованную в Толедо.
Над шлемом белые перья
Трепещут в жемчужной пряжке:
Они окрыляют сердце,
Когда на душе так тяжело.
На крыльях мечты вернется,
Быть может, он в край родимый —
С надеждой он неразлучен,
Хотя разлучен с любимой.
Он едет в кольцо алькальдов
Архоны и Мармолехо,
И вслед ему город плачет
И вздохи разносит эхо.
Прощаются с ним дворяне,
Прощаются простолюдины,

И дамы глядят из окон,
Не пряча своей кручины.
Кропили душистой влагой
Они его, а сегодня
На рыцаря льются слезы,
Увы, а не благовонья.
...Невеста Абенсулемы,
О скорой узнав разлуке,
Рыдала в девичьей спальне
И в горе ломала руки.
Услышав крики, метнулась
Она к перилам балконным
И молча сказала взором,
Отчаянным и влюбленным:
«Ступай со спокойным сердцем,
Мой витязь, и знай: покуда
Живу я на белом свете,
Тебя я не позабуду!»
«Любимая, будь же твердой, —
Ответил ей рыцарь взглядом, —
Разлучник наш просчитался:
Мы даже в разлуке рядом!»
И с этим прощальным словом,
Невнятным чужому слуху,
Он выехал на дорогу,
Ведущую на Андухар.

ИСПАНЕЦ В ОРАНЕ

Королю служил в Оране
Шагаю один испанец,
А душой служил и сердцем
Он прекрасной африканке,
Столь же гордой и прекрасной,
Сколь любимой и влюбленной.
Ночью на любовном ложе
Был он с ней, и вдруг: «Тревога!»
Приближение берберийцев —
Вот что вызвало тревогу;
Их щиты сияньем лунным
Были выданы дозору.
Под луной щиты сверкнули
Искрой для костров сигнальных,
Молния огней тревожных
Породила гром набатный,
И в объятиях любимой
Был возлюбленный разбужен:
Он услышал гул набата,
Конский топот, лязг оружия.
Долг в него вонзает шпоры,
Страсть удерживает повод:
Не пойти в сражение — трусость,
Женщину покинуть — подлость.
Только он за меч свой взялся,
Как к нему она метнулась,
Шею обвила руками,
Телом трепетным прильнула:
«Что ж, иди! В слезах бессильных
Утоплю я это ложе,
Без тебя оно, любимый,
Мне страшней, чем поле боя.
Одевайся, что ж ты медлишь?
Ждет тебя военачальник,
Ты его приказам внимлешь,

Глух к моим мольбам печальным.
Для чего тебе кираса?
Сердце ведь твое — из стали,
Скорбью мне его не тронуть,
Не смягчить его слезами!»
Но, в доспехи облачаясь,
Так испанец ей ответил:
«О любимая! И в страсти
Ты прекрасна и во гневе.
Движим долгом и любовью,
Ухожу и остаюсь я,
Плоть моя идет в сражение,
Но душа с тобой пребудет.
О властительница сердца,
Не печалься и не сетуй:
В честь твою пойду на бой я,
В честь твою вернусь с победой».

* * *

Посреди коней быстроногих,
У берберов в бою отбитых,
Что искали живую зелень
На равнинах, кровью залитых,
Выбирает коня оранец,
Предводитель испанской рати,
Выбирает за звонкое ржанье
И за крепость поджарой стати.
На коня испанец садится
И сажает с собою вместе
Предводителя сотни неверных,
Полоненного им по чести.
И летит скакун быстроногий,
Подгоняем двумя седоками,
И четыре звонкие шпоры
Четырьмя обернулись крылами.
Закручинился мавр полоненный,
Подавляет он вздох глубокий,
Низко голову опускает,
Проливает он слез потоки.
И дается диву испанец,
Сострадательным глядя оком, —
Отчего безутешно плачет
Мавр, бесстрашный в бою жестоком?
И тогда он пленника просит,
Просит скромно и благородно,
О причине горя поведать,
Если только тому угодно.
И ему повинуется пленник,
Словно боль свою облегчает,
На участливые расспросы
Он испанцу так отвечает:
— Ты не только храбр, предводитель,
Но и столь же учтив, без сомненья,
Ныне ты полонил меня дважды —

И ору́жьем, и обхожде́ньем.
Ты желаешь знать, отчего я
Одержим тоской беспокойной,
И мой долг — открыть тебе правду
С прямо́тою, тебя достойной.
Я родился на Гельвах, когда вы
Потерпели там поражение;
Я — сын турка и берберийки
Благородного происхожде́нья.
Рос я с матерью в Тремесене,
Испыта́нье послала судьба нам:
Мы тогда отца потеряли,
У корсаров он был капитаном.
И жила по соседству с нами —
На погибель моей свободы —
Дева юная из Мелионы,
Мавританка знатного рода.
Всех красавиц она прекрасней,
Но тирана злейшего злее, —
И поистине дочь пустыни,
В чьих песках рождаются змеи.
*(И была она столь прекрасна,
Что цветы ее уст румяных
Были ярче, душистей, свежее,
Чем гвоздики на вешних полянах.)*
А чело у нее сияло —
Словно солнца двойник явился;
Каждый волос в тяжелых косах,
Словно яркий луч золотился.
С ней росли мы друг подле друга,
И Амур, подшутив над нами,
Поразил сердца наши с детства,
Но различными остриями.
В моем сердце стрела золотая
Обожанья сковала звенья,
А свинцовая в ее сердце
Утвердила вражду и презренье.
*(И она, смеясь над безумцем,
Повелела забыть о награде*

*И терпеть любую жестокость
Красоты ее дивной ради.)*
Лишь недавно поколебалась
Непреклонность змеиного нрава;
Вдруг — я в плен к тебе попадаю!
Как же мне не казниться, право?
(Такова, господин, причина,
Омрачившая сердце и разум;
Сам суди, достойны ли горя
Столько зол и несчастий разом.)
Потрясен рассказом испанец,
Осадил он коня лихого —
Если б так же ему покорились
Беды пленника молодого!
— Благородный мавр! — восклицает. —
Если дама тобой любима
Точно так, как ты мне поведал,
То страдаешь ты нестерпимо.
И, твои злключения видя,
Не дивиться нельзя — ужели
Ты хранишь столь нежную душу
В столь могучем и крепком теле?
Что ж, поскольку ты пленник Амура,
Возвращайся в его владенья;
Что считал я своей добычей,
То чужое, вижу, именье.
И от дамы твоей не приму я,
Как велит обычай старинный,
Ни цветных ковров драгоценных,
Ни ярчайших сортов кармина.
Так ступай — люби, и терзайся,
И живи, Господь тебе в помощь!
А когда ты ее увидишь,
И меня тогда, верю, вспомнишь! —
И с коня предводитель сходит,
Тотчас мавр коня покидает,
Он испанцу падает в ноги
И губами к ним припадает.
— Сотню лет живи, — восклицает, —

Рыцарь храбрый и благородный!
Пленный, дал бы тебе я выкуп,
Свою душу отдам — свободный!
Да пребудет Аллах с тобою
И победу даст над врагами,
Чтобы множил ты свою славу
Столь же доблестными делами!

* * *

Каторжной прикован цепью
Накрепко к скамье галерной,
Руки положив на весла,
Очи устремив на берег,
Раб турецкого корсара
Жалобы свои и пени
Изливал под скрип уключин
И бряцанье ржавой цепи:
«О мое родное море,
О родной испанский берег,
О театр, где разыгрались
Тысячи морских трагедий!
Белым языком прибоя
Ты подобострастно лижешь
Горделивые, крутые
Берега моей отчизны.
Ты мне истину поведай
О судьбе моей супруги.
Вправду ль, проливая слезы,
Обо мне она тоскует?
Коль правдивое об этом
До меня дошло известье, —
Перлы слез ее пополнят
Жемчугом твои глубины.
Но письма напрасно жду я,
Может, нет ее на свете?
Если так, тогда зачем же
Я сопротивляюсь смерти?
Вот уж десять лет влачу я
Жизнь в неволе, без подруги,
Лишь с веслом своим тяжелым
И тоскою неразлучен.
Если истинно сужденье,
Что волна красноречива, —
О божественное море,

Дай мне, дай ответ правдивый!»
Тут мальтийская эскадра
Выросла у горизонта,
И галерникам начальник
Приказал налечь на весла...

А

* * *

Невольника злая доля,
И удачливость вражьего судна,
И немалое расстояние,
А вернее, прихоть Фортуны,
Что дыханьем предателя-ветра
Отогнала крест христианский,
Чтоб уйти в свой порт от погони
Полумесяц мог оттоманский, —
Вот что пленника отлучило
От всего, чем владел он прежде, —
От родных парусов и башен,
От Испании, от надежды.
И следит он, как море грабит
Все добро его постепенно, —
Милый берег скрывает тучей,
Белый парус сменяет пеной.
И, когда утих ненадолго
Крик надсмотрщика за гребцами, —
С тяжким вздохом воскликнул пленник,
Обливая щеки слезами:

— Кого же мне винить? Я гибну поделом —
Я сам себя гублю услужливым веслом!

И мои злосчастные очи
Никогда не увидят снова,
Как оставлю я эти весла,
Как собьют с моих ног оковы.
Мне Фортуна открыла тайну,
И беда моя в том порукой:
Сколько в мире лет проживу я,
Столько лет не расстанусь с мукой.

Кого же мне винить? Я гибну поделом —
Я сам себя гублю услужливым веслом!

Паруса собратьев по вере.
Возвращайтесь в свои владенья,
Вам меня не догнать, я знаю:
Неудачнику нет спасенья!
Враг уходит от вас с добычей,
Помогает ему погода —
Верно, ради моей неволи,
А не ради его свободы.

*Кого же мне винить? Я гибну поделом —
Я сам себя гублю услужливым веслом!*

Так вернитесь в родную гавань,
Что на том берегу приветном,
И оплачьте мои несчастья,
И не спорьте напрасно с ветром,
Ну а ты, мой вздох безнадежный,
Полети сквозь простор эфира,
Долети до жены моей милой
И вернись к берегам Алжира!

*Кого же мне винить? Я гибну поделом —
Я сам себя гублю услужливым веслом!*

* * *

Белую вздымая пену,
Мчат алжирские галеры
За майорским галеотом,
Словно гончие по следу.
В нем с женой — валенсианкой
Благородной и прекрасной —
От Испании к Майорке
Плыл счастливый новобрачный.
Он, любовью окрыленный,
На двойной стремился праздник:
Праздновать хотел он свадьбу
Вместе с празднованьем Пасхи.
Весело плескаясь, волны
К веслам ластились бесшумно,
К парусам с лобзаньем нежным
Ветерок прильнул попутный.
Но предательская бухта,
Давшая приют корсарам,
Выпустила вдруг на волю
Их — грозу морей испанских.
Галеот вперед рванулся,
Но четыре вражьих судна
Мчатся по волнам — о горе! —
За добычей неотступно.
Их подстегивает алчность,
А преследуемых — ужас...
Жемчуг слез роняя в волны,
Молит юная супруга:
«О зефир, о вольный ветер,
Взысканный любовью Флоры,
В час опасности ужели
Не поможешь ты влюбленным?»
Если только пожелаешь,
Ты в своем всеильном гнев
Дерзновенные галеры

Паруса Сможешь выбросить на берег.
Ветры Ведь не раз, могучий ветер,
Вам же Вняв молениям беззащитных,
Неудач Утлые челны спасал ты
Прямо От флотилий горделивых.
Помни Не отдай наш бедный парус
Верно, В руки извергов бездушных,
А не руг Из когтей их ястребиных
Вот так Вырви белую голубку!»

* * *

Веселую свадьбу
Сыграли едва,
И вот уже, мама,
Я полувдова.
Горючие слезы
Могу ли сдержать,
Когда мой желанный
Уходит на рать?

*Пустите меня: я к реке убегу
Печаль свою выплакать на берегу!*

Зачем я, любимый,
Венчалась с тобой?
Короткое счастье
И вечная боль!
В каком тридевятом
Постылом краю
С собой похоронишь
Ты долю мою?

*Пустите меня: я к реке убегу
Печаль свою выплакать на берегу!*

Уходит на гибель
Мой милый, мой свет!
Теперь уже света
В очах моих нет.
На всем белом свете
Лишь черная мгла...
Сожгите же, слезы,
Мне очи дотла!

*Пустите меня: я к реке убегу
Печаль свою выплакать на берегу!*

Пустите, пустите!
Моя ли вина,
Что с горем отныне

Я обручена?
Держите, коль худа
Желаете мне:
Рыдать, не рыдая,
Больнее вдвойне.

*Пустите меня: я к реке убегу
Печаль свою выплакать на берегу!*

И кто не рыдал бы
На месте моем,
Будь сердце не сердцем,
А твердым кремнем?
И кто не оплакал бы
Долю мою?
Весне моей, мама,
Увясть на корню!

*Пустите меня: я к реке убегу
Печаль свою выплакать на берегу!*

Когда-то всю ночь
Не до сна было мне:
Светили мне очи
Его при луне.
Но сгинь и ослепни
Отныне, луна!
Постель моя вдовья,
Как снег, холодна.

*Пустите меня: я к реке убегу
Печаль свою выплакать на берегу!*

* * *

*Ах, девушки, что ни делай —
А Пасха-то пролетела!*

Девчонки мои, землячки,
Глядите в оба, гордячки,
Обманет вас ваша гордость,
Накажет беспечных!
Вы молодостью прекрасной
Не обольщайтесь напрасно —
Гирлянды сплетает Время
Из роз недолговечных.

*Ах, девушки, что ни делай —
А Пасха-то пролетела!*

Крылатые годы мимо
Проносятся неуловимо
И лучшую нашу радость,
Как гарпии, похищают.
Спросите у чудоцвета —
Он вам подтверждает это:
Ведь что ему дарит утро,
То ночь назад забирает.

*Ах, девушки, что ни делай —
А Пасха-то пролетела!*

Нам вешние зорьки любви,
Но Времени злые трубы
Не зорю уже играют,
Трубят нам сигнал к отбою;
А значит — погаснут глазки,
Поблекнут на щечках краски,
И юная ваша прелесть
Исчезнет сама собою.

*Ах, девушки, что ни делай —
А Пасха-то пролетела!*

Я знаю одну старуху:
Когда-то она, по слуху,
Была белокурой, нежной,
Меж девушками блистала;
А нынче самой ей гадки
Былой красоты остатки,
Обвисли на щеках складки,
Как мантия кардинала.

*Ах, девушки, что ни делай —
А Пасха-то пролетела!*

Знавал я еще старуху,
Угрюмую вековуху,
Единственный зуб имела —
Да в киселе утопила;
Она над ним причитала
И так его называла:
«Жемчужинка дорогая,
Прощай, мой дружок милый!»

*Ах, девушки, что ни делай —
А Пасха-то пролетела!*

Так помните же, девчонки,
Упрямые головенки:
Всё прахом пойдет под старость,
Что в молодости не растратишь.
Любите, пока вас любят,
Пока вас Время голубит!
Опомнитесь вы, да поздно —
Судьбу за подол не схватишь.

*Ах, девушки, что ни делай —
А Пасха-то пролетела!*

* * *

Праздники, Марика!
Праздники, сестрица!
Значит, нам с тобою
Завтра не учиться!

Ты корсаж наденешь,
Будешь в тонкой токе,
Новенькая юбка,
Воротник высокий.

Я же покрасуюсь
В выходной рубашке,
В курточке из шерсти,
В башмаках на пряжке.

Будет ведро, выйду
Я в суконной шапке —
Это мне подарок
От сеньоры бабки;

Образок подвешу
С алою тесьмою,
Дядей привезенный
Прошлою весною.

Если мессу в храме
Простоим мы тихо,
Даст нам полпесетки
Тетушка портниха.

И тайком мы купим
На те полпесеты
Бобов два кулечка
И по две конфеты.

Мы пойдем с тобою
Вечерком на угол,
Я — играть в корриду,
Ты — понятно, в кукол,

С сестрами — Хуаной
И малышкой Росой;
Выйдут и кузины:
Линда с длинноносой.

Мама кастаньеты
Даст, и ты немного,
Их красиво вскинув,
Спляшешь у порога,

И Андреа с бубном
Выйдет и споет нам:
«Я не верю, мама,
Зельям приворотным».

Мантию я ловко
Из бумаги склею
И покрасить соком
Тутовым сумею;

Смастерив, надену
Шлем в зубах узорных
И его украшу
Парой перьев черных —

Их на огороде
Мне петух подарит;
Пост пройдет, беднягу
Все равно зажарят.

На высоком древке
Подниму я знамя
И шнурок крученный
С белыми кистями;

Из тисненой кожи
Голова гнедого;
Взял кусок веревки —
И узда готова;

А потом пройдем мы
Улицею в марше —
Все, кому тринадцать
Или чуть постарше,

И турнир устроим —
Пусть Барбола выйдет
И меня в сражение
На коне увидит.

Эта Барболилья,
Пекарева дочка,
Жаренного в масле
Даст мне пирожочка,

И вчера давала;
Мне она соседка,
И мы с ней за дверью
Возимся нередко.

* * *

Здесь, в зеленых копьях осоки
(Словно лебедь вод белоснежный,
Что прощается с жизнью счастливой
В пеленах гармонии нежной),
В пеленах погребального плача,
Распрошусь я с жизнью несчастной
И тогда разочтусь с тобою —
Столь холодной, сколь и прекрасной.
Дам покой я отныне луку,
Истомленному тетивой,
Им украшу древо Алкида,
Чтоб висел он веткой живою,
И у горлинки одинокой
На вершине старого клена
Украду тишину, о которой
Умоляет она монотонно.
О прекраснейшая из лучниц,
Ты дика, словно лань лесная,
За которой ты мчишься следом,
Мой тиран, моя мука злая!
Красота твоя и жестокость
Столь безмерны, что мир дивится,
Лес и поле в недоуменье:
Кто ты — нимфа или тигрица?
Ты возносишься тем надменней,
Чем покорней мое смирение,
Все ловцы лишь о нас толкуют,
И выходит по их суждению,
Что мы оба подобны дубу,
Уцелевшему под ураганом,
Оба мы себя показали:
Ты — устойчивой, я — постоянным.
Только этим ты дубу подобна —
В остальном ты схожа с лозою,
Что трепещет от дуновенья

И сгибается под грозою.
С той поры, как ты меня гонишь,
У тебя уже нет желанья
Гнаться в поле за грозным вепрем,
Ни в лесу за быстрою ланью;
И в приюте твоём счастливом
Не висят на стенах непокрытых
Ни рога, ни шкуры животных,
Словно я, тобою убитых.
Не к ловитве ты охладела,
Но терзает тебя досада —
Вдруг тебя на охоте встречу,
Твоего удостоюсь взгляда.
По тебе любой истомится,
Кто увидит тебя однажды;
Если ты не пройдешь по лесу,
Даже лес иссохнет от жажды.
Вслед тебе расцветают розы,
Рассыпаются птичьи трели;
Для полян твои быстрые ноги —
Животворные два апреля.
Я хотел бы тебе в угодую —
Не того ль ты сама хотела? —
Отпустить истомленную душу,
Что ещё живит мое тело;
И на этом закончим распрю,
Каждый честно дошел до края:
Ты — до края вражды, ненавидя,
Я — до края любви, умирая.
О Сегура, всех рек царица,
Что, покинув горные страны,
Пробегаешь тучные земли,
Достигая вод океана,
Ты, приявшая в полное лоно
Столько слез из очей моих сирых,
Что отныне впадают в море
Два горючих Гвадалквивира, —
Сделай так, чтоб ее жестокость
И великой верности сила

Стали всем известны в том мире,
Где владычицей — мать Ахилла,
Чтоб не только лесные дебри,
Но и все водяное царство
Знали правду о верном Далисо
И о Нисе, полной коварства.

* * *

Рыдала девица,
Стирая белье:
Ее ненаглядный
Оставил ее.
В ту пору ей было
Четырнадцать лет;
Но весны проходят,
А милого нет.
Сияет ли солнце,
Горит ли луна,
О горькой измене
Все плачет она.
И множит ей памяти
Едкая соль
На слезную муку
Сердечную боль.

Милая, плачь:

Вылечит плач.

Но мать ее просит:
«Дочурка моя,
Утешься, иначе
Не выдержу я».
А та отвечает:
«Ах, матушка, нет.
Мне горя не выплакать
За десять лет.
Не хватит очей мне,
Не хватит мне слез —
Такую обиду
Мне милый нанес!
Пусть слезы струятся
Соленым ручьем,
Смывая с души моей
Память о нем.

Я петь разучилась,
А если пою,
Зовут все рыданием
Песню мою.
Мой милый с собою
Мой голос унес,
Оставив молчание,
Полное слез».

Милая, плачь:

Вылечит плач.

* * *

И плюхнулся глупый отрок
С разбега в садок тунцовый,
Как будто пролив не шире
Лужи у дома отцова.
Вдали, на прибрежном камне,
Его штаны голубели —
Те, из-за коих десятки
Юниц абидосских млели.
Он не заметил даже,
Как отмахал полпролива,
Видя свечи далекой
Трепетные призывы;
Но вдруг аркебузы неба
Открыли огонь трескучий,
И ночь совсем взбеленилась,
И стали мочиться тучи.
Ветры, узды не чуя,
Пустились наперегонки,
Выпущены из меха
Греком одной побасёнки.
Гордое море когда-то
Ксерксовых весел сносило
Удары — его, однако,
Дерзость юнца бесила.
Но правильный курс находит
Пловец, дерзновенья полный, —
Глазами, когда всплывает,
Душой, уходя под волны.
Среди огонь охранявших
Не было нимф у Весты,
Чтобы равнялись рвением
С прекрасной дамой из Сесте.
Стоя на башне, в страхе
Хочет спасти она пламя:
То заслоняет подолом,

То прикрывает руками.
Все бесполезно — бессильны
Руки ее и одежды:
Ветер, дохнув, кончает
И с пламенем, и с надеждой.
Тогда по тыще жемчужин
Излив из звезд своих, Геро
Жертвы и воскуренья
Сулит Амуру с Венерой.
Но голый Амур страшился
Ливней и был простужен,
Тогда как Венера с Марсом
Делила скоромный ужин.
Пловец, огонька не видя,
Слабел от каждого маха,
Все меньше в ударах сердца
Любви и все больше страха.
И вот он совсем слабеет,
Все чаще воду хлебает,
Вот смерть свою видит рядом,
Идет ко дну, погибает.
Когда почти не дышал он,
На мощных плечах подъемля,
Его носильщики-ветры
Вытряхивают на землю,
Близ вожденной башни,
Где, изнуряя силы,
Геро одну за другою
Звезды кляла и винила.
И в свете громадных молний
Увидев мертвое тело,
Когда оно на мгновенье
Среди камней забелело,
К милому без раздумий
Телом она устремилась,
А нежной своей душою
Туда, где сера дымилась.
Едва, озарив вершины,
Солнце успело выйти,

Девушка бедной Геро
Пришла на место события,
И, видя цветок достоинств
Раздробленный о камень,
Она нарыдала слезок
Пригоршни две, не мене.
После взяла свой гребень
И грустно на камне белом
Его зубцом начертала,
Точно резцом неумелым:
«Лежат здесь Леандр и Геро.
Всегда мы, глупые, людям
Служить образцом высоким
Любви и верности будем.
Как два яйца, наши жизни
Расхлопал Амур в безлунье:
Одно — вареное всмятку,
Другое — как для глазуни.
Родителей наших молим,
Чтоб траура не носили.
И пусть нас, погибших вместе,
Положат в одной могиле».

* * *

Звезды теплились в хрустальной
Чаше полночи, к которой
Устремляется Уэльва
Светлостенною опорой;
И безмолвие царило
Без предела, без конца,
Но смутили сонный берег
Плеск весла и плач пловца.

Как поют и как плачут в уключинах,
Подгоняя челнок,
Эти весла, к которым, измученных,
Приковал нас крылатый божок!
Заглушить бы их пенья не смог
Предрассветный рожок.

А пловец в рыбацкой лодке
О любви своей смиренной
Напевал скале прибрежной —
Неприступной, несравненной;
И, казалось, парой весел
Пишет он свою тоску
По соленому прибою,
По горючему песку.

Как поют и как плачут в уключинах,
Подгоняя челнок,
Эти весла, к которым, измученных,
Приковал нас крылатый божок!
Заглушить бы их пенья не смог
Предрассветный рожок.

Океан седой лаская,
Лился голос в темноте
Укоризной равнодушью,

Славословьем красоте;
И отзывчивое эхо,
Наспех выхватив у моря
Этой песни отголоски,
Берегло их, чутко вторя:

*«О любовь моя, живи!
Я любви
Буду верен бесконечно,
Вечно.*

Белоснежный риф прибрежный,
Светишь ты издалека мне,

— *О любовь моя, живи!* —

У подножья блеск хрустальный,
А сама, увы, из камня,

*Но любви
Буду верен бесконечно,
Вечно.*

На уступах скал окрестных
Я писал рукою твердой

— *О любовь моя, живи!* —

Имя самой неприступной,
Ослепительной и гордой!

*Я любви
Буду верен бесконечно,
Вечно.*

Посвети мне напоследок,
И пускай в пучину вод

— *О любовь моя, живи!* —

Все мечты Ликида канут
Иль он сам на дне уснет,

*Но любви
Будет верен бесконечно,
Вечно».*

Вышла Хлорис, позлатила
В море каждую волну,
Разбудила блеском злата
Спящую голубизну;
Сеть плела она, мечтая
О добыче небывалой,
И, вверяя песню ветру,
За работой напевала:

«Ты, Амур, — дитя морей,
Так плыви, а я на ловлю
Сеть рыбацкую готовлю;
Ты хитер, а я хитрей.

Друг Эола, друг Нерея,
Приплывай скорее;

Ты, чешуйчатый, пернатый,
Приплывай скорее;

Ты, уловками богатый,
Приплывай скорее;

Друг Эола, друг Нерея,
Насидишься в клетке птичьей;

Ах, никто с такой добычей
Не бывал из рыбарей!

Ты, Амур, — дитя морей,
Так плыви, а я на ловлю

Сеть рыбацкую готовлю;
Ты хитер, а я хитрей.

Друг Эола, друг Нерея,
Приплывай скорее!»

Без Леды и без надежды,
Носом ладьи непрочной
Грустный рыбак рассекает
Гребень воды полночной.
Валенсианские бухты
От андалусских не дале,
Чем от него, бедняги,
Причина его печали.
Он вышел закинуть сети,
Но, прыток и злонамерен,
Его приковал к раздумьям
Крылатый сынок Венерин.
И мысли уносятся в небо,
Памятью сердце лаская,
И ветер колышет сети,
А весла — вода морская.
*Лодочник, можешь остаться без весел,
Что ж ты их бросил!*

Глупо ему страшиться
Летучей вражеской шхуны,
Грека-отступника или
Пирата с дальней лагуны.
Ибо представить даже
Такого корсара трудно,
Чтоб захватить пытался
Ко дну идущее судно.
Так, в снах наяву витая,
Не ждя от судьбы защиты,
Он жив лишь душой упорной,
Рыбак, любовью убитый.
И вздохами, не скрываясь,
Слезами, лица не спрятав, —
Он платит морю и ветру
Галерников и пиратов.
*Лодочник, можешь остаться без весел,
Что ж ты их бросил!*

* * *

— Кто ко мне стучится ночью?
Кто мне шепчет: «Отвори»?
— Я, сеньора, благородный
Рыцарь, дьявол побери!
Четырем громадным грандам
Я роднею довожусь,
Да и сам почти что *светлость*:
Аж без света спать ложусь.
Щит мой — вот мое именье;
На щите том тридцать тыщ
Нарисованных дукатов —
Кто же скажет, что я нищ?
Моему гербу, пожалуй,
Позавидовал бы луг:
Девять лилий, плюс репейник,
Две ромашки и латук.
Лишь бы только конь мой верный,
Собираячись в поход,
Сослепу не унавозил
Этот чудо-огород.
Благородного я роду
И болтать не стану зря:
Все исколесил я страны,
Все избороздил моря.
Но не встретился с мошною;
Не обидно ль, рассуди:
Столько раз я *маре види*
И ни в жизнь — *мараведи*!
Кровь во мне урчит, клокочет,
Благородство так и прет...
Но манеры нас подводят,
Коль живот нам подведет.
Потому к моей недоли
Снисходили иногда
И участливо делились
Кошельками господа.

В час, когда все кошки серы,
С парой дюжих молодцов
Мы удили у дороги —
И случался знатный клев!
Выйду из лесу, бывало,
Хлопну дона по плечу,
Будто бы в Мальтийский орден
Посвятить его хочу,
И, почище Сан Мартина,
Он без звука отдавал
Мне свой плащ, а то и шпагу,
Ну а шпаги нет — кинжал.
Словом, что мне слава Сиды,
Откровенно говоря?
Пусть он даже первый ратник,
Обиравший первый — я!
Мой тесак острее тисоны,
А рубаха — та тверда,
Словно латы Сиды, ибо
Не стиралась никогда.
От ее железной хватки,
Как от вражеской руки,
У меня не то, чтоб шрамы —
Волдыри и синяки,
Потому как я, сеньора,
Нежно-голубых кровей.
Чтоб совсем не посинел я,
Отвори мне дверь скорей!

* * *

Не свою верность, пастушка,
Ты стадо беречь должна,
Ведь ранее, чем пастушкой,
Ты женщиной создана.
Пусть чистота горностая
Славой своей бела;
С нею ты, как с овчинкой:
Надела — потом сняла.
Твердость оставь гранитам
И поуступчивей стань,
Ведь даже в суровом камне
Гранило делает грань.
Ствол крепкостопой ивы
Ветры колеблют едва,
Зато покорна зефирам
Податливая листва.
Видишь — лоза упруго
Обвила красивый вяз,
А простодушной ветвью
С соседним лавром сплелась.
Жалобно горлица стонет,
Приманивая самца,
Но прячет второе ложе
В густой листве деревца.
Разве гвоздика раскрылась
Для одного шмеля?
Цветет она, среди многих
Гнет красоты деля.
Верная отраженью,
Ручья прозрачная гладь
Лишь образ того, кто рядом,
Будет волной ласкать.
Непостоянство дало
Сыну Венеры крыла
И перья, чтобы точнее

Разила его стрела.
И всякого интереса
Лишится его игра,
Если своею волей
Ты лишь с одним добра.
Так сбрось дорогие пути —
Не златом узда ценна —
Крепость шнура шерстяного
Обуздывает скакуна.
Знаю: злосчастной и трижды
Злосчастной ты родилась,
Если, подобно орлице,
С солнца не сводишь глаз
Или же, в простодушной
Прихоти естества,
Подобна голубкам пенно-
Рожденного божества.
А вспомни, как поплатилась
За неприступный свой нрав
Нимфа лесная, однажды
Голоса тенью став!
Но если хочешь, пастушка,
Чтоб огласился весь край
Твоею красой жестокой —
Слова мои презирай.

* * *

Из-за черной сеньориты
В горе черный воздыхатель,
Из очей его из черных
Слезы черные струятся.
Чернотой ночной укутан,
Черною объят печалью,
Черную он серенаду
Ей поет о черной страсти.
Черная в руках гитара,
Черные колки и струны,
Словно черная досада
Их одела в черный траур.
«Черный день Господь послал мне!
Если бы я не был черным,
Почернел бы я, увидев
Черную неблагодарность.
Ах! Меж нас, мой ангел черный,
Черная шмыгнула кошка, —
В черном теле меня держишь,
Белое зовешь ты черным».
Чернокожей сеньорите
Надоел вздыхатель черный,
И чернить беднягу стала
Черными она словами:
«Что ты ходишь, черномазый,
Вслед за мною черной тенью?
Ты достоин, черный дурень,
Только черного презренья».
Став чернее черной тучи,
Черный кавалер с поклоном
Черным помахал сомбреро
И пропал во мраке черном.

* * *

Разочарованье,
Неба дар бесценный,
Ты открыло клетку,
Где сидел я, пленный!
Я твой храм украшу
В честь освобожденья
Тяжкими цепями
Злого наважденья,
И ярмом железным,
Что сорвал я с шеи,
Разрешая узы
С помощью твоею,
И разбитой лодкой,
Символом крушенья,
Что привел я в гавань,
Хоть не ждал спасенья, —
Пусть они украсят
Храм тебе во славу,
Злобного Амура
Устыдив по праву,
Пусть мальчишка-лучник
Пред тобой смиритсЯ,
Ты влачишь трофеи,
Стоя в колеснице:
Глупые надежды,
Тщетные мечтанья,
Вздорные поступки,
Пылкие желанья,
Жгучие тревоги,
Ревность горше яда,
Райские мученья
И блаженства ада.
Пусть тебя восславят
Песни, гимны, оды,
Ты слепцу — прозренье,

Узнику — свобода;
Пусть лампы теплят
Твоему кумиру
И пред ним в кадилах
Возжигают мирру!
Кто ж вернул мне разум,
Снял безумья бремя,
Чтоб сумел сказать я
Правду в наше время,
Если только шутки
Ныне в обиходе
И одни фигляры
Неизменно в моде?
Это ты, сеньора,
Что со мной свирепа,
Но желанна, словно
В пост великий — репа!
Приклони вниманье,
Слушай, недотрога,
Как свои безумства
Сам сужу я строго.
Сколько раз ночами
Мерз я и томился —
Пес твой, верно, думал,
В столб я обратился,
И, задравши лапу,
С наглою простотою
Башмаки страдальца
Серебрил росой!
Сколько раз ночами
Я в тоске безбрежной
Камешки с дороги
Подбирал прилежно,
Чтобы бросить в ставень,
Знак тебе давая!
Знать бы, что напрасно
Руки я мараю!
Сколько дней бродил я,
Облаченный сталью!

От нелегкой службы
Высох и устал я,
Погремку пустому
Я подобен ныне:
Скорлупа стальная,
Кости в середине!
Сколько лет я прожил —
Чахлый, жалкий, бледный —
Скорбным Амадисом
На Стремнине Бедной!
Сколько дней несчетных
Я вкушал при этом
Собственные ногти,
Мучась над сонетом!
Сколько глупых бредней —
Многие страницы!
Ты теперь смеешься —
Каюсь я сторицей.
Эту писанину
Мы считали вместе:
Я — великой правдой,
Ты — великой лестью.
Сколько раз о полночь
Пел я под гитару:
— Дай воды, сеньора,
Гибну от пожара! —
Ты не помогла мне,
Черствое создание;
Лишь сосед на помощь
Подоспел с лоханью...
Что ж — прощай, сеньора,
Ты добра со мною:
Обогреешь летом,
Снега дашь зимою,
А мою печенку
Наливаешь желчью —
Чтоб свое безумье
Сам решил пресечь я.

АНДЖЕЛИКА И МЕДОР

В той пастушеской лачуге,
Что войны свирепой сила
Не заметила в чащобе
Иль за бедность пощадила,

Там, где вместе с пастухами
Кроткий мир, надев овчины,
Гонит коз высоко в горы,
А овечек — с гор в долины,

Там нашел приют счастливец,
От гибели спасенный,
Благосклонностью Амура
До небес превознесенный.

...Он лежал на поле битвы,
Взор затмился соколиный,
А по полю проезжала
Дева — жизнь и смерть мужчины.

Вмиг с коня она слетает —
Не затем, что знает мавра,
А затем, что слишком ярко
Расцветают кровью травы.

Кровь с ланит ему отерла —
И Амура ненароком
Зацепила: он таился
В розах, осужденных роком.

В бледных розах он укрылся
И надумал, своенравный,
Ограничь Алмаз Китайский
Ради этой крови славной.

Он околдовал ей очи —
И непрошенная жалость
В сердце черствое вонзила
Нежных скорпионов жала.

Раненый кремь смягчился,
Гордость боле не сражалась,
Засверкали слезы-искры —
О предательница-жалость!

Дева рвет лесные травы
И прикладывает к ране —
Но врачует не лекарство,
А целительные длани.

Дал Амур ей с глаз повязку,
Но, покров с кудрей срывая,
Грудь она бинтует мавру,
Блеском солнце затмевая.

Затянув последний узел,
Видит: небо, не иначе,
Шлет ей в помощь селянина,
Что верхом трусит на кляче.

Пастуха остановили
Девы жалобные крики,
Что деревья клонят долу
И смягчают камень дикий,

И, поскольку здесь ютится,
Глушь дворцам предпочитая,
Милосердьё, — к ним на помощь
Он спешит, душа простая.

Спешивается крестьянин,
Уступив седло учтиво
Обескровленному телу,
Что двумя сердцами живо,

И ведет их в дом убогий;
Солнце между тем садится,
Но дымок над скрытой кровлей
Не дает с дороги сбиться.

Там встречает их хозяйка —
Эту тень, едва живую,
Но зато с двумя сердцами,
И — в заре двух солнц — слепую.

Не периной пуховою —
Им постель застлали сеном;
Быть ей вскоре брачным ложем,
Быть Медору здесь блаженным!

О божественные руки,
Чудодейственно и скоро
Новой силой и здоровьем
Одарили вы Медора!

Он от вас приемлет ныне
И любовь, и трон в придачу,
И двойную ревность Марса,
И Адониса удачу.

Над лачугой резвым роем
Вьются крошки-купидоны,
Словно над лесною бортью
Пчелы с ношей благовонной.

Как шипит, в узлы свиваясь,
Аспид ревности злосчастной,
Счет ведя любовным стонам
Голубков в истоме страстной!

Как его Амур нещадно
Хлещет плетью-тетивою —
Пусть Амура не позорит,
Место не сквернит святое!

Сарацин шелками блещет,
Дышит миррой ароматной,
Брошен полумесяц лука,
Позабыт и меч булатный;

Барабаны в его войске —
Рокот горлинок влюбленных,
Рой крылатых чад Венеры —
Верные его знамена.

И она, полунагая,
В буйных кудрях золотистых,
То подобранных жасмином,
То в венке гвоздик душистых,

Шествует в златых сандалях,
Дабы ножка отдыхала
И красу земного мира
Пыль земная не пятнала.

Всё вокруг влюбленным служит:
Птичьи крылья — опахалом,
Легковейные зефиры
Сон несут очам усталым,

Им ковры дарит поляна,
А дубрава — балдахины,
А лесной родник — дремоту,
Песню — голос соловьиный,

Им дарят кору деревья,
Чтоб они на ней писали
Долговечней, чем на камне
Иль на бронзовой скрижали.

Здесь на каждом клене имя,
Вензель каждый тополь метит;
Лес окликнет: — Анджелика!
— Анджелика! — дол ответит.

Даже мрак пещер зловещих,
Где царит теней заклатье,
Святотатственно тревожат
Двух любовников объятья.

Сих свидетелей безмолвных —
Ложе, дом, дубравы, логи —
От безумного Орlando
Да спасут благие боги!

* * *

Ты, что целишься так метко,
Озорной слепец-стрелок,
Ты, меня продавший в рабство,
Древний маленький божок,
Мстишь за мать свою, богиню,
Что должна была свой трон
Уступить моей любимой?
Пощади! Услышь мой стон:
*Не терзай меня, не мучай,
Купидон!*

Преданно тебе служил я,
А какой был в этом толк?
Ветреный военачальник,
Покидаю я твой полк.
Хоть давно завербовался
Я под сень твоих знамен —
До сих пор ничем за службу
Не был я вознагражден.
*Не терзай меня, не мучай,
Купидон!*

Войско горемык влюбленных
Верит в разум твой и мощь,
Но беда солдату, если
У него незрячий вождь.
Где у полководца стойкость,
Если с крылышками он?
Разве с голого получишь
Свой солдатский рацион?
*Не терзай меня, не мучай,
Купидон!*

Труженик любовной нивы,
Жил я только для нее,
Десять лучших лет ей отдал,

Все имение свое.
Я пахал морские волны,
Засевал песчаный склон —
Урожай стыда и скорби
Я собрать был обречен.
Не терзай меня, не мучай,
Купидон!

Башню в пустоте возвел я
Из неисполнимых снов;
Кончилось, как с Вавилоном,
Страшной путаницей слов:
Стала желчь там зваться «медом»,
«Стрекозою» — скорпион,
Зло преобразилось в «благо»,
Беззаконие — в «закон»...
Не терзай меня, не мучай,
Купидон!

* * *

Нынче песне подыграю
На бандуррии веселой;
Предпочел бы на виоле —
Усыпить боюсь виолой.
Прочь, серьезность! Шутка, ты
Слушателей поприветствуй,
Ведь впадает мир в забавы,
Как иной впадает в детство.
Жил я некогда, Амур,
Не стеснен твоим призором,
Небу пел свои хвалы
Вместе с деревенским хором;
Или, в замшевой одежде, —
Бархат быстро б истрепался, —
Взяв собаку и хоря
На охоту отправлялся;
Уставал — в траву валился,
Растирал листочек клейкий,
Слушал птиц; ручьи бежали,
Как серебряные змейки;
Камешки швыряя в воду,
Пел над мчавшимся потоком:
Так порой, на зайца идя,
Встретишь Музу ненароком.
Возвращался только к ночи,
Спал без снов и без печалей.
Не будили меня беды —
Только блохи докучали.
А порой, ища триумфов,
Я, аптеки завсегдатай,
Повергал алькальда в спорах,
Плел отцу святому маты;
Я оттуда миром правил
И побед испанских ради
Дыхом слал попутный ветер

Католической армаде;
Там, второй Алкид, однажды,
Затмевая подвиг старый,
За Японию столпы
Перенес я с Гибралтара;
После, Фландрии достигнув,
Посетил войну ленивых
И привез оттуда лавры,
Где добыв, а где купив их;
В паре с доктором Осуной,
Что пивал со мною вместе,
Мы Антонио Лебриху
Опровергнули раз двести;
Но, войдя в глубины спора,
Не решили в одночасье:
Допустимо ль спаржу есть
Без высокого согласия.
А хотелось прогуляться,
Побеседовать с народом, —
Кур — себе, грибков — соседкам
Покупал я мимоходом.
Много их ко мне ходило,
Всяко, кстати и некстати,
Называли меня кумом,
А их маленькие — тятей.
Приберут и наготовят,
Обстирают втихомолку,
Обошьют — про их наперсток
Я всегда имел иголку.
А когда в Эстремадуру
Отправлялся я, бывало,
Та из них, что побогаче,
Мне коня с седлом давала.
Я изведаль с ними счастье
И любил их всех как надо;
Для меня все были ровней,
Как для ножниц ветки сада.
Так, Амур, я жил когда-то
И в довольстве, и в почете,

Но в один злосчастный день
Дичью стал в твоей охоте.
Ты подсунул мне, предатель,
В утро на Луку Святого
Серо-синий взор и косы —
Золотистые оковы.
Я уверен, что, глазами
В красоте такой увязнув,
Даже немощные старцы
Молодеют от соблазнов.
Так и я узнал коварство,
Что любого пересилит:
Пир задашь глазам, а после
Вскинешь лук и в грудь — навывлет.
Знаю: от твоих забав
Нет убежищ и лазеек;
Беглеца ты ловишь прытче
Инквизиторских ищек.
Знаю: нрав твой — нрав Иудин;
Ради свар поешь о мире
И любой ценой победу
Добываешь на турнире.
Знаю: сам — с копьем алмазным,
Нам же копьями — тростинки;
Против наших лат стеклянных
Сталь обрушишь в поединке.
Знаю: стол царя Финея
Ждет нас, мягкая перина
Жечь нас будет, как жаровня;
Сон твой — точно журавлиный;
Знаю: для добра ты — соня,
А для зла тебе не спится;
Посулишь щедрее гранда,
А заплатишь как ослица.
Знаю: даже вид сутаны
Не внушит тебе почтения.
За моей спиною — церковь!
Ох, дождешься отлученья!
Лучше, мальчик, перед теми

Ты выхаживай в героях,
Тех подстреливай, чья доблесть
И цена — одно перо их.
А вот тех, кто при оружьи,
Берегись, покрытый пухом!
На своих крылах курячих
Ты б летел к... распотаскухам.

* * *

*Жизни радуюсь земной,
Смейтесь надо мной!*

О политике, о власти
Любит толковать народ;
Я же разеваю рот
Лишь на лакомства, на сласти,
А взгрустнется — от напасти
Влагой я лечусь хмельной.
Смейтесь надо мной!

С дичью золотое блюдо
Стольник принцу подает,
Но у принцев — тьма забот;
Так что я живу не худо,
Хоть частенько сыт покуда
Колбасой лишь кровяной.
Смейтесь надо мной!

Не боюсь январской стужи:
Сев поближе к камельку,
Я каштанов напеку;
Если под рукой к тому же
Книга есть — пускай снаружи
Свищет ветер ледяной.
Смейтесь надо мной!

Вдохновлен далекой целью,
Бороздит купец моря;
Я же трачу время зря,
Предан праздному веселью —
Тешусь соловьиной трелью
Больше, чем тугой мошной.
Смейтесь надо мной!

Что ни ночь, Леандр влюбленный,
Не страшась ни волн, ни скал,
Геллеспонт переплывал;
Мне же с дамой благосклонной
Любо в лодке плоскодонной
Плыть излучиной речной.
Смейтесь надо мной!

Шутки Купидона грубы —
Горьким в том примером нам
Служат Тисба и Пирам.
Мне другие игры любви.
Меч в себя? Нет, лучше зубы
В окорок вонзить свиной.
Смейтесь надо мной!

* * *

Коль сеньоры станут слушать,
Воспою без промедленья —
Не великий подвиг Сида,
Не Саиды злоключенья, —
Воспою четыре дела,
Что свершают, без сомненья,
Иль, напротив, не свершают, —
Убоясь людского мненья.

Появляется охотник —
Родамонт на мелколесье,
Бравонель, гроза всех зайцев,
Полный глупостью и спесью,
И, поскольку пес героя
Еле жив от утомленья,
Тот стреляет дичь... в трактире,
Убоясь людского мненья.

Из ножен не вынет шпаги
Щеголь, робкий в деле чести,
Он что сокол быстрокрылый:
Миг — и нет его на месте!
Но в укромном закоулке
Сталь он зубрит о камня,
Трижды плащ себе дырявит,
Убоясь людского мненья.

Перед нами дон Такой-то,
Утешающий обедней
От двенадцати до часу
Свой желудок безобедный, —
Он, не проглотив ни крошки,
Простакам на обозренье
Ковырять в зубах выходит,
Убоясь людского мненья.

Секретарь суда златыми
Фердинандом с Изабеллой
(За приписку иль подчистку)
Кошелек наполнит целый;
Если ж вы ему внесете
По закону поступенье —
Сдаст вам грошик с золотого,
Убоясь людского мненья.

Вот юрист — вдвойне премудрый
И в двойной игре примерный —
Двери настежь для клиента
(Если даже год холерный).
Морит голодом он мула
И со вздохом сожаленья
Напрокат берет он платье,
Убоясь людского мненья.

Я пою со слов правдивых
Знаменитого поэта,
Что ночной увенчан вазой
Над рекою, им воспетой;
Пусть разинет рот пошире
Всяк, мое услышав пенье,
И до плеч развесит уши, —
Убоясь людского мненья.

ФОРТУНА

Фортуна дары
Раздает как придется:
Когда улыбнется,
Когда отвернется.
По-быстрому делит,
И всё — шито-крыто:
Кому — кучу денег,
Кому — санбенито.

Дает — и не знает,
Кого награждает:
И верно, и скверно,
И всяко бывает.

Лишит козопаса
И стада, и крова,
Захочет — с лихвою
Вернет ему снова.
С лихвой — не с лихвой,
А такое случится:
У хромой козы
Два козленка родится.

Дает — и не знает,
Когда награждает:
И густо, и пусто,
И всяко бывает.

Бродяга яйцо
Из курятника свистнет,
И вот он, как персик,
На солнышке виснет.
А этот — почище
Любого бандита —

Ворует и грабит,
И всё — шито-крыто.

Фортуна на это
Глядит как придется:
Когда улыбнется,
Когда отвернется.

* * *

Каждый хочет вас обчесть.

Так и есть.

Баба дому голова.

Черта с два!

«Кто без денег — тот бездельник;

Без эскудо — скудоум», —

Судит толстый толстосум.

Богу мил богатый мельник,

А не богомол-отшельник.

Деньги купят рай и честь.

Так и есть.

Но поверить сдуру крале,

В чье окно стучится рать

Ухажеров, и считать,

Что помянутая краля

Изменяет вам едва ли:

Зря-де злобствует молва, —

Черта с два!

Продается все на свете!

Кто с мошною — тот сеньор.

Распродал дворянство Двор;

Может пень, в магистры метя,

Степень в Университете

За дукаты приобрести, —

Так и есть.

Потаскушки из столицы

В Ронде дамами слывут...

Призадумаешься тут.

Но поверить, что девицей

Стала ты, успев проститься
С повитухою едва, —
Черта с два!

Просит милостыню нищий,
А в ответ он слышит: «Прочь!»
И не вздумают помочь
Ни грошом ему, ни пищей,
Пусть в кармане даже тыща,
А в кубышке и не счесть, —
Так и есть.

Но считать, что тверже стали
Дух у дона Размазни,
Оттого что искони
Он при шпаге и кинжале,
Воротник его в крахмале
И в помаде голова, —
Черта с два!

Сможет опытный сутяга,
Будь он даже казнокрад,
Выплыть по реке *Дукат*
(Если только он не скряга)
Из болота *Передряга*
В море под названьем *Честь*, —
Так и есть.

Но чтоб верная супруга
Разноглазых дочерей
Понесла вдруг, хоть убей,
От законного супруга,
Если год уже округа
Знает, что она вдова, —
Черта с два!

* * *

*Что несет Эсгевы ток?
Я скажу вам, дайте срок.*

Он несет, к приходу лета
Разливаясь напоказ,
То, что льется всякий час
Из иного кабинета;
И, пополнив свой запас
Из амбаров дона Пузо,
Дань, взимаемую с груза,
Он для судей приберег.

*Что несет Эсгевы ток?
Я скажу вам, дайте срок.*

Он несет хрусталь бесценный,
Излиянье милых дам, —
Тот хрусталь, скажу я вам,
Льет источник полуденный;
Но топаз и фимиам
Также изливает дама,
Ибо дама — дочь Адама,
А никак не ангелок!

*Что несет Эсгевы ток?
Я скажу вам, дайте срок.*

Он несет в волнах бурливых
Слез потоки проливных
Ухажеров отставных,
Отвратительно слезливых;
Я скажу, что есть у них
Третье око; даже тучи
Не дождливей, не гремучей,
Чем докучный сей глазок.

*Что несет Эсгеvy ток?
Я скажу вам, дайте срок.*

Он несет морские дива
(Хоть товар не ко двору),
Что плывут метать икру
В Писуэргу из пролива;
Приплывают не к добру:
Стоит здесь побыть немного
Лососю иль осьминогу —
Глядь, уж он — морской конек!

*Что несет Эсгеvy ток?
Я скажу вам, дайте срок.*

Он несет не стаи водных
Птиц, не лодку их ловца —
А знатнейшего птенца
Из пеленок благородных;
Ульи, соты без конца
Он приемлет, неустанный;
Улей между тем — стеклянный,
Воск — новейший, видит Бог!

*Что несет Эсгеvy ток?
Я скажу вам, дайте срок.*

Он несет, преград не зная,
Ствол, что пахнет и гниет,
Желтый и осклизлый плод,
Косточек вишневых стаи;
Не вода — сплошной компот!
И в Кастилии от века
Не найдется человека,
Кто б не пил сей дивный сок.

*Что несет Эсгеvy ток?
Я скажу вам, дайте срок.*

* * *

Куль я видел у менялы,
Полный спелых фиг и дуль.
Разошелся быстро куль:
Знать, на дули спрос немалый.
«Но тебе, — сказал он, — малый,
Буде в чем соврешь хоть раз,
Дулю я одну припас!»

Дурень есть один в Мадриде;
Верно, он и вам знаком:
Тлю узрит в глазу чужом,
У себя слона не видя!
Чтобы не был он в обиде,
Я бы дал ему за дурь
Пару дуль.

Старый хрыч, собою горд,
Под венец идет с девицей.
Простофиле и не снится,
Что невеста-первый-сорт
Трижды делала аборт.
Поделом его надули!
Три дули.

Вышел порох весь в расход
У преклонного супруга,
А исправная супруга
Каждый год дает приплод.
Может быть, она дает,
Как предписано ей браком?
Дуля с маком!

Дон Безродный ходит франтом,
Самомнением томим:
Дескать, обращайтесь с ним,

Словно он рожден инфантом,
Хоть по крови маркитант он,
По уму же — круглый нуль.

Пять дуль.

Хвастал дон Бахвал досужий
Зубочисткою с утра:
Мол, фазана ел вчера.
По усам же обнаружил
Я, что дичь ему на ужин
Поставляет зеленщик.

Шесть фиг.

Спеленал себя шелками
Хлыщ, собравшийся на рать,
Так что и не разобрать,
Ратник это или знамя,
И куда идет он: к даме,
На бульвар ли, на войну ль?

Семь дуль.

Расфуфыренные хваты
Разодеты в прах и дым:
Предков, мол, не посраим.
Те и впрямь — аристократы,
Но носили чаще латы,
Чем крахмальный воротник.

Восемь фиг.

В битве с одного удару
Сей храбрец сражает трех.
Только этот пустобрех
Брешет с винного угару:
Мастер петь он под гитару,
Но не слышал пенья пуль.

Девять дуль.

Дон Обманутый Вздыхатель
Не получит ни черта.

Вроде б истина проста,
Но не внемлет ей мечтатель.
Не задаром, зная, приятель
Заработал целый куль

Дуль.

* * *

*Жить бы мне в покое,
Да с мошной тугою,
Да поест в обед —
А до прочего, признаться,
Мне и дела нет.*

Не кадить бы лестью робкой,
Не лобзать вельможных рук,
Завести бы свой бурдюк
Да горшок с простой похлебкой;
Мне стрелять бы только пробкой,
Воевать бы только с жаждой,
Чтобы множил выстрел каждый
Череду моих побед,

*А до прочего, признаться,
Мне и дела нет.*

Мне подальше бы от знати
Век в глуши прожить, как предки:
Где блага земные редки,
Там простор для благодати;
Не вступать бы мне некстати
В спор, где смыслу не добиться,
И суждениям тупицы
Не поддакивать в ответ,

*А до прочего, признаться,
Мне и дела нет.*

Мне б в интриги не мешаться,
Коим нынче несть числа,
У обильного стола
Мне б на Пасху угощаться
И в постели утешаться

С Паскуалой до рассвета;
Ведь налога нет на это —
Знай резвись хоть сотню лет,

*А до прочего, признаться,
Мне и дела нет.*

К докторам, случись беда,
Не ходить бы за советом,
А лечиться фляжкой летом
Да жаровней в холода;
Мне б до полудня всегда
Отсыпаться даже в будни
И в четыре пополудни
Подкрепляться невпроед,

*А до прочего, признаться,
Мне и дела нет.*

* * *

*Поутру в дуброве
Птичья трель встречает зорю;
Откликается источник,
Лепеча и вторя.*

И когда сомненья
Я перемогаю,
Боль перелагая
В горестное пенье,
И когда весь день я,
Раненный любовью,
Истекаю кровью
В неизбывном горе, —
*Откликается источник,
Лепеча и вторя.*

Но не лечит боли
Этот лепет нежный,
Лишь тоской безбрежной
Душу поит вволю;
Днем свою недолю
Силюсь превозмочь,
А заплачу ночью,
Сам с собой в раздоре, —
*Откликается источник,
Лепеча и вторя.*

* * *

*Мысль моя, дерзанья плод,
Внемли доброму совету:
Не ищи чудес по свету,
Не вверяй ветрам полет.*

Мысль моя, небесной дочерью
Ввысь не вздумай заноситься —
Ты, что метишь выше птицы
Да роняешь наземь перья;
Тот, кто внял высокомерью
И взлетел в слепой отваге, —
Он хлебнул соленой влаги
В глубине Эгейских вод.

*Мысль моя, дерзанья плод,
Внемли доброму совету:
Не ищи чудес по свету,
Не вверяй ветрам полет.*

Не ищи тайком дороги
В сердце, полное презренья, —
Лучше водами забвенья
Утоли свои тревоги;
Тот охотник быстроногий,
Что взалкал запретной дичи, —
Псов своих он стал добычей,
Жертвой собственных тенет.

*Мысль моя, дерзанья плод,
Внемли доброму совету:
Не ищи чудес по свету,
Не вверяй ветрам полет.*

* * *

*Не одни лишь соловьи
Чувства трогают мои:
Перезвон и колокольцев,
Что, сзывая богомольцев,
Серебро по небу льют,
И золотые трубы,
Чей гремит салют
Солнцам, — мне не меньше любви.*

*Не к одним сиренам в плен —
Я попал и в плен к аллеям,
Ими сладостно лелею
В пухе тополевых пен.
Ветви шепчут: «Мы навею
Сон блаженства. Миг лови».*

*Не одни лишь соловьи
Чувства трогают мои:
Перезвон и колокольцев,
Что, сзывая богомольцев,
Серебро по небу льют,
И золотые трубы,
Чей гремит салют
Солнцам, — мне не меньше любви.*

*Есть диковинка такая,
От которой вне себя я:
Лира не сравнится с ней,
Скрипки мне она милей,
Будоража, увлекая,
Возбуждает жар в крови.*

*Не одни лишь соловьи
Чувства трогают мои:
Перезвон и колокольцев,*

Что, сзывая богомольцев,
Серебро по небу льют,
И золотые трубы,
Чей гремит салют
Солнцам, — мне не меньше любви.

* * *

Голубка, ты умчалась
От нежного супруга,
Разлукой ранив друга.
Вернешься ли со стоном —
Он ласками встречает,
Воркуя, привечает;
Счастлива ты стократ,
Неверное творенье,
В любовной сладкой битве и сладком примиренье!

Любовнику свидетель —
Густая эта крона,
Сень сладостного стона;
Она и твой свидетель —
Густая крона эта,
Твоих утех примета:
Здесь бой кипел любовный
В приюте неги страстной —
Столь редкостному древу и пламя не опасно!

Моя печаль считала
Стенанья голубицы —
Блаженные вы птицы!
Считала моя зависть
Лобзанья сокровенные —
О птицы вы блаженные!
Их насчитал я боле,
Чем слез я пролил в мае,
Чем звезд я видел в небе, по лучику считая!

Неблагодарный к людям,
Амур один виновник,
Что слезы льет любовник, —
Он внемлет лишь голубке,

Но глух к людским рыданиям
 И слеп к людским страданиям.
 Он, верно, любит перья,
 Поскольку сам пернатый, —
 Пером и улещаю тебя, божок крылатый!

НА НЕСНОСНЫЕ КРИКИ ЛАСТОЧКИ

В висячей колыбели
Ютишься ты, незваная, как дома;
Крикунья, в тесной щели
Устроилась под кровлей из соломы —
Затем, что роща в ревности своей
Лишает гнездышко дневных лучей.

Не будь же столь крикливой,
Меж певчих птиц докучное создание!
Найдя приют счастливый,
Зачем пронзаешь ты покой молчанья?
Что думать мне о посвисте твоём?
Иль это зависть обросла пером?

Писк жалоб неуместных
Пусть раздирал бы в залах позлащенных
Слух госпожей прелестных.
Зачем ты мне меж этих ив склоненных
Мешаешь наслаждаться соловьем
На мураве, вспоенной хрусталем?

О злобная пустыня,
Какого аспида ты породила
И мне прислала ныне!
Ты скромной хижины покой смутила,
Где жизнь моя блаженна, хоть бедна,
Где уст не размыкает тишина.

Заботу и досаду
Я не впущу, попасть им невозможно
В мой садик, за ограду
Сребра живого спрятанный надежно, —
И аромат не излетит отсель,
С чужих лугов не залетит и шмель.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ ПО НАИВОЗМОЖНЫМ ЧАСАМ

1. ПО ПЕСОЧНЫМ

Время, Время, тиран бесстрастный,
Что тебе сей полон стеклянный,
Для того тебе нами данный,
Чтобы сжать тебя дланью властной,
Хоть ловить тебя — труд напрасный,
Как бы длань ни была крепка,
И всегда от тебя далека
Наша жизнь, под ропот которой
Истекаешь ты, Время, скорой
И беззвучной струйкой песка.

2. ПО БАШЕННЫМ

Что тебе рычаги, спирали,
Шестерен огромных когорта,
Если ты, в их зубьях истерто,
Невредимым несешься дале?
Что стопам твоим груз сандалий
Из свинца, если ты летаешь
Вместе с ветром и отбиваешь
Тяжкозвучною медью час,
Тем добром одаряя нас,
Что и молча не отнимаешь?

3. ПО СОЛНЕЧНЫМ

О, какой рукой многомочной,
Пусть железом отягощенной,
Миги жизни, нам отведенной,
Отмеряешь ты мерой точной!
Ты уводишь нас в час урочный
От прельщений — стезей прозрений;

Ограждая от заблуждений
Нашу жизнь, ты ей, как слепому,
Солнцем путь указуешь к дому —
И стрелою смертельных теней.

4. ПО КАРМАННЫМ

Из слоновой кости оправа,
Время, твой портрет заключила, —
Ты затем его мне вручило,
Что он — хрупок, а ты — лукаво.
Беспокойного стрелка нрава,
Светел циферблат неизменный;
Это образ твой совершенный,
Милой жизни моей двойник, —
Тонкой нити, рвущейся вмиг,
Перед ходом твоим — смиренной.

5. ПО ЖИВЫМ

Слышу ль я петушиное пенье,
Полевую ли тварь вопрошаю —
В диких кликах не различаю
Твоего я, Время, биенья
И теряюсь в недоуменье,
Ибо зори возглашены
Глупой птицей в миг тишины;
Но не эти ль часы причастны
Нашей жизни и с ней согласны,
Хоть порою и не точны?

6. ПО ЧАСАМ, ОТБИВАЮЩИМ ЧЕТВЕРТИ

О злосчастной жизни поток,
Где тебя всегда не хватает!
Что за прихоть тебя толкает
Четвертями нам мерить срок?
Но скажу тебе не в упрек:

Опыт нам дает убежденье
(Бденье жизнь или сновиденье),
Что не должно мерой великой
Мерить нашей жизни безликой,
Неприметной жизни течение.

7. ПО ВОДЯНЫМ

Сколько способов хитрый гений
Изобрел, чтоб тебя исчислить!
Только все, что он смог измыслить, —
Тщетный труд, ты вне измерений:
Ухвачу рукой горсть мгновений —
Ты же, Время, ушло вперед!
Из самой воды сумасброд
Сотворил часы, и я верю,
Что, хотя тебя не измеряю,
Прослежу по каплям твой ход.

8. ПО ЧАСАМ-МЕДАЛЬОНУ

Скорлупа золотого плена
Ставит, Время, тебе пределы;
Ты нацелило в сердце стрелы,
Хоть оно тебя чтит смиренно:
Время, ты всегда драгоценно!
Но скажи, есть ли прок какой,
Что тебя в медальон златой
Заточили, если всечасно
Ты бежишь, и бежит напрасно
За стрелой твоей род людской?

9. ПО ЗВЕЗДНЫМ

Если, Время, тебя отыскать
Я хочу меж звездами ночными —
Вижу, как ты уходишь с ними
И уже не вернешься вспять.
Где незримых шагов печать?

За тобою тщетно слежу!
Я обманут, как погляжу:
Не бежишь, не кружишь ты, не льешься —
Время, ты всегда остаешься,
Это я навсегда прохожу.

ДАМЕ, КОТОРОЙ ПОЭТ ПРЕПОДНЕС ЦВЕТЫ

Жасмин я рвал на склонах —
Чуть жемчугом заря их заткала, —
Чтоб из цветов сплетенных
Гирлянду свить для твоего чела,
Хотя признать готов:
Соседство слишком лестно для цветов.

Стерег их от покражи
Летучий эскадрон дозорных пчел.
Сей неподкупной страже
Я отдал плоть свою на произвол
И куст ограбил вмиг,
Терпя мученья от алмазных пик.

Твоей гирлянды ради
Я, Хлорис, разогнал охрану злую.
Не откажи в награде:
За каждую пчелу — по поцелую!
Мне мил такой расчет:
Тебе — цветы, а мне — душистый мед.

* * *

Как зерна хрустала на лепестках
Пунцовой розы в миг рассветной рани
И как пролившийся по алой ткани
Искристый жемчуг, светлый и впотьмах,

Так у моей пастушки на щеках,
Замешанных на снеге и тюльпане,
Сверкали слезы, очи ей туманя
И солоня стенанья на устах;

Уста же были горячи, как пламень,
И столь искусно исторгали вздохи,
Что камень бы, наверно, их не снес.

А раз уж их не снес бы даже камень,
Мои дела и вовсе были плохи:
Я — воск перед лицом девичьих слез.

* * *

Пока руно волос твоих течет,
Как золото в лучистой филиграни,
И не светлей хрусталь в изломе грани,
Чем нежной шеи лебединый взлет,

Пока соцветье губ твоих цветет
Благоуханнее гвоздики ранней
И тщетно снежной лилии старанье
Затмить чела чистейший снег и лед,

Спеши изведать наслаждение в силе,
Сокрытой в коже, в локоне, в устах,
Пока букет твоих гвоздик и лилий

Не только сам бесславно не зачах,
Но годы и тебя не обратили
В золу и в землю, в пепел, дым и прах.

* * *

О влага светоносного ручья,
Бегущего текучим блеском в травы!
Там, где в узорчатой тени дубравы
Звенит струной серебряной струя,

В ней отразилась ты, любовь моя:
Рубины губ твоих в снегу оправы...
Лик исцеленья — лик моей отравы
Стремит родник в неизвестные края.

Но нет, не медли, ключ! Не расслабляй
Тугих поводьев быстрины студеной.
Любимый образ до морских пучин

Неси неколебимо — и пускай
Пред ним замрет коленопреклоненный
С трезубцем в длани мрачный властелин.

* * *

Зовущих уст, которых слаще нет,
Их влаги, окаймленной жемчугами,
Пьянящей, как нектар, что за пирами
Юпитеру подносит Ганимед,

Страшитесь, если мил вам белый свет:
Точно змея меж яркими цветами,
Таится между алыми губами
Любовь, чей яд — источник многих бед.

Огонь пурпурных роз, благоуханье
Их бисерной росы, что будто пала
С сосков самой Авроры — всё обман;

Не розы это, нет, — плоды Тантала,
Они нам дарят, распалив желанье,
Лишь горький яд, лишь тягостный дурман.

**ДАМЕ
С ОСЛЕПИТЕЛЬНО БЕЛОЙ КОЖЕЙ,
ОДЕТОЙ В ЗЕЛЕНое**

Ни стройный лебедь, в кружевные всплески
Одевший гладь озерного стекла
И влагу отряхающий с крыла
Под золотистым солнцем в перелеске,

Ни снег, в листве соткавший арабески,
Ни лилия, что стебель в мирт вплела,
Ни сливки на траве, ни зеркала
Алмазных граней в изумрудном блеске

Не могут состязаться в белизне
С белейшей Ледой, что, зеленой тканью
Окутав дивный стан, явилась мне;

Смирило пламень мой ее дыханье,
А красота умножила вдвойне
Зеленый глянец рощ и рек сиянье.

* * *

Я пал к рукам хрустальным; я склонился
К ее лилейной шее; я прирос
Губами к золоту ее волос,
Чей блеск на приисках любви родился;

Я слышал: в жемчугах ручей струился
И мне признанья радостные нес;
Я обрывал бутоны алых роз
С прекрасных уст и терний не страшился,

Когда, завистливое Солнце, ты,
Кладя конец любви моей и счастью,
Разящим светом ранило мой взор;

За сыном вслед пусть небо с высоты
Тебя низринет, если прежней властью
Оно располагает до сих пор!

* * *

Взойди, о Солнце, вспыхни, расчерти
Узором пестрым вздыбленную гору,
Сменяя в небе белую Аврору,
Спеши по алому ее пути;

Своей привычке верное, впусти
В рассветный мир Фавония и Флору,
Веселые лучи даря простору,
Зыбь серебри и ниву золоти;

Чтоб, если Флерида придет, цветами
Был разукрашен дол, но если зря
Я жду и не придет она, то пламя

Не расточай, в вершинах гор горя,
Вслед за Авророй не спеши, лучами
Луг золотя и воды серебря.

* * *

В хрустальной чаше ласковых ладоней
Ты поднесла мне сладкий яд любви;
С тех пор огнем горят уста мои,
И тот огонь не ведает агоний;

Чем дальше ты, тем пламя исступленней,
И властен столь твой взор ворожей,
Что я лечу, забыв пожар в крови,
Как мотылек, в костер, зажженный доньей.

Звенят не мне печальным звоном звенья
Твоих цепей, но вечно я готов
В темнице злой разлуки ждать мгновенья,

Когда, услышав мой беззвучный зов,
Твоих хрустальных рук прикосновенье,
О серафим, расколет сталь оков.

* * *

Рои печальных вздохов, ливни слез,
Исторгнутые сердцем и глазами,
Качают ветви, льются меж стволами
Алкидовых дерев и влажных лоз;

Но ветер, заклиная силы гроз,
Туманы вздохов гонит с облаками,
Деревья слезы жадно пьют корнями —
И вздохи тают, и мелеет плес.

И на моих ланитах слез потоки —
Несчитанную глаз усталых дань —
Благого мрака отирает длань;

Поскольку ангел, по-людски жестокий,
Не верит мне, — где сил для слез возьму?
Напрасны вздохи, слезы ни к чему.

* * *

Едва зима войдет в свои права,
Как вдруг, лишаясь сладкозвучной кроны,
Свой изумруд на траур обнаженный
Спешат сменить кусты и деревья.

Да, времени тугие жернова
Вращаются, тверды и непреклонны;
Но все же ствол, морозом обожженный,
В свой час опять укутает листва.

И прошлое вернется. И страница,
Прочитанная, снова повторится...
Таков закон всеобщий бытия.

И лишь любовь не воскресает снова!
Вовеки счастья не вернуть былого,
Когда ужалит ревности змея.

* * *

Вы, сестры отрока, что презрел страх,
В долине По укрывшие на кручах
Колонны стройных ног — в стволах могучих
И косы золотистые — в листьях,

Вы зрели хлопья пепла, братний прах
Среди обломков и пламен летучих,
И знак его вины на дымных тучах,
Огнем запечатленный в небесах, —

Велите мне мой помысел оставить:
Не мне такую колесницей править,
Иль солнце равнодушной красоты

Меня обрушит в пустоту надменно,
И над обломками моей мечты
Сомкнется безнадежность, словно пена.

* * *

Вы, о деревья, что над Фазтоном
Еще при жизни столько слез пролив,
Теперь, как ветви пальм или олив,
Ложитесь на чело венком зеленым, —

Пусть в жаркий день к тенистым вашим кронам
Льнут нимфы любострастные, забыв
Прохладный дол, где, прячась под обрыв,
Бьет ключ и шелестит трава по склонам,

Пусть вам целует (зною вопреки)
Стволы (тела девические прежде)
Течение этой вспененной реки;

Оплачьте же (лишь вам дано судьбой
Лить слезы о несбыточной надежде)
Мою любовь, порыв безумный мой.

* * *

Нет ни в лесу, ни в небе, ни в волне
Такого зверя, рыбы или птицы,
Что, услышав мой голос, не стремится
С участием и сочувствием ко мне;

Нет, не пришлось в полдневной тишине
Моей тоске без отклика излиться —
Хоть в летний зной живая тварь таится
В пещере, в чаще, в водной глубине, —

Но все же, скорбные заслыша стоны,
Оставя тень, и ветвь, и глубь ручья,
Собрались бессловесные созданья;

Так собирал их на берегах Стримона
Певец великий; верно, боль моя
Влечет, как музыки очарованье.

* * *

Где кость слоновая, где белоснежный
Паросский мрамор, где сапфир лучистый,
Эбен столь черный и хрусталь столь чистый,
Серебро и золото филигрانی нежной,

Где столь тончайший бисер, где прибрежный
Янтарь прозрачный и рубин искристый
И где тот мастер, тот художник истый,
Что в высший час создаст рукой прилежной

Из редкостных сокровищ изваянье, —
Иль все же будет плод его старанья
Не похвалой — невольным оскорбленьем

Для солнца красоты в лучах гордыни,
И статуя померкнет пред явленьем
Кларинды, сладостной моей врагини?

* * *

О дьявольское семя! Род напасти!
Ехидна, скорпион, осиный рой...
О подлая змея в траве густой,
Пригревшаяся на груди у счастья!

О яд, примешанный к нектару страсти,
В любовном кубке гибельный настой!
О меч на волоске над головой,
Лишающий Амура сладкой власти!

О ревность, раю вечный супостат!
Коль сможет эту тварь вместить геенна,
Молю, сошли туда ее, Господь!

Но горе мне! Свою снедая плоть,
Она растет и крепнет неизменно,
И, значит, мал ей сам бездонный ад.

* * *

Как трепетно, на тысячу ладов
Рыдает надо мною Филомела —
Как будто в горлышке у ней запело
Сто тысяч безутешных соловьев;

Я верю, что она из-за лесов,
Алкая правосудья, прилетела
Изобличить Теря злое дело
Печальной пеней в зелени листов;

Зачем ты плачем тишину тревожишь —
Ты криком иль пером свой иск изложишь,
На то тебе дан клюв и два крыла;

Пусть плачет тот, кто пред лицом Медузы
Окаменел, — его страшнее узы:
Ни разгласить, ни уничтожить зла.

* * *

Доверив кудри ветру, у ствола
Густого лавра Филис в дреме сладкой
На миг забылась; золотистой складкой
Волна волос ей плечи оплела;

И алая гвоздика расцвела
В устах, сомкнув их тишиною краткой,
Чьей свежести вкусить решил украдкой
Сатир, обвивший плющ вокруг чела,

Но не успел — неожиданно появилась
Пчела, и в нежный, пурпурный цветок
Пронзительное жало погрузилось;

Был посрамлен бесстыдный полубог:
Прекрасная пастушка пробудилась
И он настичь ее уже не смог.

* * *

Не столь поспешно в море огибает
Крутой утес рыбацкая фелюга,
Не столь стремительно в лесу пичуга,
Из ловчей сетки выскользнув, взлетает,

Не столь торопко, с криком, убегает
Босой подпасок, бледный от испуга,
— О Нимфа! — с зеленеющего луга,
Когда змею в траве он замечает,

Сколь быстро я бегу, Любовь, от взора
Той, что меня пленила красотою;
Но чем сильнее любил — тем безнадежней,

Все холодней ко мне моя сеньора.
Прощай, о Нимфа, и возьми с собою
Утес морской, сеть ловчую, луг вешний.

КОРДОВЕ

О Кордова! Стобашенный чертог!
Тебя венчали слава и отвага.
Гвадалквивир! Серебряная влага,
Закованная в золотой песок.

О эти нивы, изобилья рог!
О солнце, источающее благо!
О родина! Твои перо и шпага
Завоевали Запад и Восток.

И если здесь, где средь чужого края
Течет Хениль, руины омывая,
Хотя б на миг забыть тебя я смог,

Пусть грех мой тяжко покарает рок:
Пускай вовеки не узрю тебя я,
Испании торжественный цветок!

Пусть со скалою веры стройный бот
Златые узы накрепко связали
И ублажают взор морские дали
Спокойствием и мирной негой вод;

Пускай зефиром прихоть назовет
Тот шквал, что паруса вместят едва ли,
И путь суровый на родном причале
Сулит окончить кроткий небосвод;

Я видел кости на песке унылом,
Останки тех, кто доверялся морю
Любви, о вероломнейший Амур,

И с мощными теченьями не спорю,
Когда унять их пенем и кормилом
Бессильны Арион и Палинур.

АУТОДАФЕ, ИМЕВШЕЕ МЕСТО В ГРАНАДЕ

Дивя досок своеобычной кладкой,
Над площадью воздвигся эшафот;
Стоят зеваки кучками вразброд,
И от дождя еще мокра брусчатка;

Среди толпы бабенок с три десятка,
Из тех, чей предок шел по морю вброд;
Судейский, чинно раскрывая рот,
Читает угрожающе и гладко;

Синклит: с заросшим нимбом капуцин,
Другой, еще подслеповатей; шесть
Тупиц и двое святости исчадий;

Пять — в изваяньях, во плоти — один;
Ему и суждено свой дух вознесть
Над очистительным костром в Гранаде.

**НА ХРИСТИАНСКИЕ РЕЛИКВИИ
И ПОРТРЕТЫ ОTCОВ ЦЕРКВИ,
СОБРАННЫЕ В ГАЛЕРЕЕ КАРДИНАЛА
ФЕРНАНДО НИНЬО ДЕ ГЕВАРЫ**

Кто б ни был ты, захожий пилигрим,
Замри, замороженный, среди зала,
Где стекла ослепительней кристалла,
А в заводях картин, неповторим,

Отобразился весь святейший Рим,
Даруя с неземного пьедестала
По воле де Гевары, кардинала,
Покой и мир смятениям твоим.

Угодники заоблачной пустыни
И кормчие Петрова галеона
Запечатлели здесь свои черты;

На бережно хранимые поныне
Одежды этих рыцарей канона
Благоговейно возложи цветы.

НАПОМИНАНИЕ О СМЕРТИ И ПРЕИСПОДНЕЙ

В могилы сырые и в мавзолеи
Вникай, мой взор, преодолевая страх, —
Туда, где времени секирный взмах
Вмиг уравнил монарха и плебея.

Нарушь покой гробницы, не жалея
Останки, догоревшие впотьмах;
Они давно сотлели в стылый прах:
Увы, бальзам — напрасная затея.

Обрушьясь в бездну, пламенем объят,
Где стонут души в адской круговерти,
Скрипят тиски и жертвы голоса;

Проникни в пекло сквозь огонь и чад:
Лишь в смерти избавление от смерти,
И только адом побеждают ад!

НА МОГИЛУ ДОМЕНИКО ЭЛЬ ГРЕКО

Прохожий, дивная сия гробница
За стенами порфирными сокрыла
Ту кисть, что мертвому холсту дарила
Жизнь, коей не устанет мир дивиться.

Не сможет ныне Слава похвалиться
Тем, что его, как должно, возносила...
И прежде чем уйти, над сей могилой
Ты не сочти за труд еще склониться.

Здесь погребен Эль Греко. Он Природу
Обогатил искусством, семицветьем —
Ириду, светом — Феба, тьмой — Морфея.

Лить слезы человеческому роду
Над урной сей столетье за столетьем
И фимиам курить, благоговая.

ПРЕДАНИЕ О ПОЛИФЕМЕ И ГАЛАТЕЕ

(фрагмент)

Гора живая мышц, Нептуна сын могучий,
Свирепый великан, чей небосвод чела
Был оком освещен, всегда горящим жгуче.
Как солнце, от кого бежит ночная мгла,
Циклоп, что мог легко из горной вырвать кручи
Огромную сосну, и для него была
Забавою она иль посохом служила,
Когда он шел, ее вонзая в землю с силой.

Подобье темных вод подземных Ахерона,
Власы его черны, их гребень не ласкал,
Их буйный хладный ветер, летящий с небосклона,
Распутывая прядь за прядью, развевал,
А борода — поток, что, падая вспененно,
Стремится вдоль полей от пиренейских скал;
Как лодки, пальцы рук в потоке том сновали,
Хотя и одолеть его могли едва ли.

ОДИНОЧЕСТВА

Одиночество первое

(фрагмент)

Год близился к поре цветущей той,
Когда Европы ложный похититель, —
Чела оружие — лунный полукруг,
И в каждом волоске живое пламя, —
Сапфирными лугами
Ведет ему покорных звезд стада;
Тут юноша, от коего властитель
Олимпа принял бы фиал златой,
Крушение претерпев, изведав боль разлук,
Рыдая, пел, и горькая беда
Плескалась среди волн, и в гласе бури
Звучал сей сладостный, сей сокровенный стон:
В морской лазури
Так плакал встарь и пел так Арион.

Сосны, что Нота терпит на вершине
Враждебное усилие,
Был ствол подмогою бессилью,
Дельфином давешним, доскою малой
Тому ничтожному, что ныне
Не Ливии пескам — морской пустыне
Доверился с отвагой небывалой.

Вот Океан, его в себя вобрав,
Извергнул наконец
К скале высокой, чей венец —
Сухие тростники да перья птичьи,
А пояс — волны в пенном их величье.
Там он приют нашел, где среди трав
Гнездится Зевса спутник гордый.

Песок лобзает, и обломок твердый,
Тот, что побегу
Помог от шаткой зыби, дарит берегу:
Ведь даже камни в косном их строенье
Отзывчивы на лесть и поклоненье.

Снимает платье; все, что невозбранно,
То выпило из Океана,
Пескам вернуть насильно побуждает,
На берегу кладет его потом,
На солнце предвечернем расстилает, —
А солнце теплым, мягким языком
Высасывает, отходя ко сну,
Из каждой нитки каждую волну.

Уже смеркался оком просторный, —
В котором расплывались, вырастали
Валы морей, безбрежность цепи горной, —
И осыпалась позолота с далей,
Когда сей странник жалкий — облачен
В лоскут, что морем ярим пощажен, —
Среди шипов по сумраку ступая,
На скалы, коих достигает края
Лишь пара быстрых и бесстрашных крыл,
Смущенный, не усталый, поспешил.

Уж покорен хребет —
Меж морем, вечно гомонящим,
И дола немотой
Бесстрастный судия, стена глухая, —
И, под гору уверенней ступая,
Спешит наш пилигрим, пленен дрожащим,
Мерцающим огнем, чей бледный свет,
Маяк пред хижиной простой,
Порт предвещает, смутно озарив
Неверных, сумрачных теней залив.

К РОЗЕ

Вчера родившись — завтра ты умрешь,
Не ведая сегодня, в миг расцвета,
В наряд свой алый пышно разодета,
Что на свою погибель ты цветешь.

Ты красоты своей познаешь ложь,
В ней твоего злосчастия примета:
Твоей кичливой пышностью задета,
Уж чья-то алчность точит острый нож...

Увы, тебя недрогнувшей рукой
Без промедленья срежут, чтоб гордиться
Тобой, лишенной жизни и души.

Не расцветай: палач так близко твой,
Чтоб жизнь продлить — не торопись родиться,
И жизнью смерть ускорить не спеши.

* * *

Пусть роза прелесть пышную творит
Не из крови прекраснейшей богини —
Ободрена твоею благостыней,
Звездою дерзкой пусть она царит;

Когда, убив цветы, посеребрит
Зима долины, рассыпая иней, —
Не ярче всех, но краше всех отныне,
Она одна злой холод покорит.

Пурпурный мотылек, равно подвластный
Двум царствам, — что же думать мне о ней?
Она — чем беззащитней, тем сильнее.

Таков Амур, сим тайнам сопричастный:
Он и в огне, пылая, не горит,
Он и в снегу от стужи не дрожит.

РОЗЕ И ЕЕ НЕДОЛГОВЕЧНОСТИ

О роза — явный пурпур, тайный снег,
Пришлица меж скромными цветами, —
Ты тьмы влюбленных ранила шипами,
Тьмы доблестных смутил твой краткий век.

Мать ароматов, пышный твой побег
Сравнится ли с тончайшими духами,
Вспоенный благовонными устами
Самой богини сладострастных нег!

Ты солнце на заре опередила;
Почуяло оно, что за скалою
Среди цветов есть дерзкое светило, —

И выплыл пламеносный василиск,
Соперницу узрело око злое,
И сжег ее горящий гневом диск.

**СОНЕТ, НАПИСАННЫЙ
ПО СЛУЧАЮ ТЯЖКОГО НЕДУГА**

Я был оплакан Тормеса волною,
И мертвенный меня осилил сон,
И трижды по лазури Аполлон
Прогнал коней дорогою дневною.

Случилось так, что силой неземною,
Как Лазарь, был я к жизни возвращен;
Я — Ласарильо нынешних времен,
И злой слепец повелевает мною!

Рожден я не на Тормесе — в Кастилье,
Но мой слепец воистину жесток:
Сожжен в огне страстей и втоптан в пыль я.

О, если б я, как Ласарильо, мог
За злость слепца и за свое бессилье
Сквитаться — и пуститься наутек!

* * *

Не так неистово сквозь вихрь и свет
Спешит стрела вонзиться в плоть мишени,
Не так летит квадрага по арене
Венчать затишьем толп мету побед,

Как потаенно мчится в беге лет
К концу наш век в однообразной смене,
Безумный зверь, преследующий тени:
Круженье солнц, мелькание комет.

Свидетель — Карфаген. Беги от смуты,
Не верь обманам, призраки гони!
Иль ты не знаешь? Ждут тебя невзгоды.

О Лиций, отомстят тебе минуты,
Минуты, что подтачивают дни,
Дни, что грызут и пожирают годы!

* * *

В Неаполь правит путь сеньор мой граф,
Сеньор мой герцог путь направил к галлам.
Дорожка скатертью; утешусь малым:
Нехитрой снедью, запахом приправ.

Ни Музу, ни себя не запродав —
Мне ль подражать придворным подлипалам! —
В трактире андалусском захудалом
Укроюсь с ней от суетных забав.

Десяток книг — не робкого десятка
И не смиренных цензорской рукой, —
Досуг — и не беда, что нет достатка.

Химеры не томят меня тоской,
И лишь одно мне дорого и сладко —
Души спасенье и ее покой.

* * *

Один мальчишка — плутоватый взгляд
И ловкого карманника замашки —
Дурачась, привязал к хвосту дворняжки
Рог (да простят церковники) и рад.

Собачка мечется вперед-назад,
Ей непривычно в тягостной упряжке;
Люд праздный, заступая путь бедняжке,
Вопит; не площадь — развеселый ад.

Тут тихая вдова, чей муж, увы, ей
Супругом был скорей лишь на бумаге,
Возвысила свой голос: «Вертопрах!

Позволить по грязи возить дворняге
Отличие, случалось каковые
Честным мужьям носить на головах!»

* * *

Спесь гранда — грандиознее слона,
А щедрость — что у скал во чистом поле;
Привратник в раззолоченном камзоле,
Мужи, чья доблесть глоткой рождена;

Плащи с нарочной штопкою; война
Меж избранными дамами за роли;
Кареты в восемь меринов и боле,
Коль и везомых доля причтена;

Скорбь — как река, чьи берега — парады,
Дома, сердца, где лишь поживе рады,
Сговорчивых судей и стражей скоп;

Закон — кинжал, права — удары шпагой,
Грязь, где поверх петрушка и укроп, —
Всё это Двор, и кто под стать — тем благо.

* * *

Вальядолид. Застава. Суматоха!
К досмотру всё: от шляпы до штиблет.
Ту опись я храню, как амулет:
От дона Дьего снова жду подвоха.

Поосмотревшись, не сдержал я вздоха:
Придворных — тьма. Двора же нет как нет.
Обедня бедным — завтрак и обед.
Аскетом стал последний выпивоха.

Нашел я тут любезности в загоне;
Любовь без веры и без лишних слов:
Ее залогом — звонкая монета...

Чего здесь нет, в испанском Вавилоне,
Где, как в аптеке, — пропасть ярлыков
И этикеток, но не этикета!

* * *

Так вы — Вальядолид, в чьем аромате
Благоухает душистей роз
Александрии, в коей повелось
Просить от плоти боле, чем давать ей?

Опасно гнать, о дамы дивных статей,
Кареты так, что не видать колес;
На ладных мулах возят здесь навоз,
Губительный для ваших восприятий.

Вы жарено из собственных сердец
Готовите тому, кто в лунный час,
Шпигуя блюдо, выкажет уменье.

Ну, а к чему балконы, наконец?
Днем — для наметанных на цели глаз,
В ночи — для поражения мишеней?

МАДРИД В 1610 ГОДУ

Здесь жизнь — подобье наважденья злого:
Ростовщиков и гарпий легион,
Амбиции, обманы, тьма препон,
Хоть вопиять примись — в ответ ни слова;

Лакеев сотни, толку никакого,
И тыщи тех, кто щедро награжден
За доблесть, хоть и не сражался он;
Послы, чинуши, нищие без крова,

Увечные солдаты, вертопрахи,
Сутяги, сладострастники-монахи;
Лесть, лицемерье, воровство, разврат,

Подлоги, взятки, кутежи, доносы;
Вонючие канавы, грязь, отбросы, —
Таков Мадрид, сказать точнее: ад.

* * *

Я, тетушка, в Маморе. Не успев
Как следует проспаться на диване,
Пишу тебе среди свирепой брани,
Где уйма пик, но и немало трэф.

Здесь мавров было, что в лесу дерев,
Но наши их согнули в рог бараний;
И вот, в костре баранину румяня,
Целуем флаги вместо пленных дев.

Поправши пузом землю супостата,
Храпит кастильский рыцарь, весь в броне.
Железный зуб сопатога сапера

Вгрызается в галету, как лопата...
Ну, словом, на войне как на войне.
Твой Хуанико. Середка. Мамора.

* * *

Желая жажду утолить, едок
Разбил кувшин, поторопясь немножко;
Сменил коня на клячу-хромоножку
Среди пути измученный ездок;

Идальго, в муках натянув сапог,
Схватил другой — и оторвал застёжку;
В расчётах хитроумных дав оплошку,
Снес короля и взял вальта игрок;

Кто прогорел, красотку ублажая;
Кто сник у генуэзца в кабале;
Кто мерзнет без одежды в дождь и мрак;

Кто взял слугу — обжору и лентяя...
Не перечсть несчастных на земле,
Но всех несчастней — заключивший брак.

НА НИМФУ ДАНТЕЮ

Дантея, перед чьей красой
Уродство — красота любая,
Кошунство — идеал любой,
Упала, нимф опережая, —
Точнее, с легкостью такой
Она божественное тело,
Послушное движенью рук,
На землю опустить сумела,
Как будто, падая, хотела
Опередить своих подруг.

Приор, в сутане прея, делал вид,
 Что проповедь — нелегкая работа:
 Мол, я читаю до седьмого пота
 И страшно распахнуться — просквозит.
 Ужель он не заметил до сих пор,
 Что хоть в одеждах легких мы внимали
 Его нравоученьям и морали,
 Но утомились больше, чем приор?

* * *

Дон Отхо, душой постоянно кривящий,
Смотрите, и телом урод настоящий!
Кривляка теперь покривляется всласть:
Король ему дал командорскую власть,
Облекши в мундир, на котором, как знаем,
Есть крест, и дон Отхо стал неприкасаем.
А жаль! Так у Отхо изогнут каркас,
Что местом отхожим служил бы для нас.

**ОСОБЕ,
КОТОРАЯ СЛЫЛА ДЕВСТВЕННОЙ,
НО ТАКОВОЙ НЕ БЫЛА**

Вокруг тебя не молкнул спор:
На вздувшийся живот твой глядя,
«Водянка!» — сокрушался дядя,
Мать уверяла, что запор.
Но в день, когда, о Магдалина,
Из чрева твоего на свет
Иона вышел, долгих бед
Понятной стала нам причина.

ПОЧИТАТЕЛЯМ ЛОПЕ ДЕ ВЕГИ

Вы, утки луж кастильских, коих дух
Зловонен, птичник Лопе, чьи угодыя
Вовеки не страдали от бесплодыя —
Там в изобилии растет лопух,

Вы, криканьем терзающие слух,
Язык попрали древний: нет отродья
Подлей — кто вырос в жиже мелководья,
К искусству греков, к знаниям римлян глух!

Вы чтите жалких лебедей, без нужды
Предсмертным криком будящих пруды.
А лебеди высокого полета,

Питомцы Агапины, — те вам чужды?
Вам мудрость их претит? Так прочь в болота!
Не загрязняйте перьями воды!

ЛОПЕ ДЕ ВЕГЕ

Брат Лопе, погоди писать коме-:
И так известно всем, какой ты вру-.
Зачем берешь евангелие в ру-?
Ведь ты же в этой книге не бельме-.

И вот тебе еще один нака-:
Когда не хочешь выглядеть крети-,
«Анхелику» спали, как ерети-,
И разорви в клочки свою «Арка-.

От «Драгонтеи» впору околе-.
Добро еще, что мягкая бума-!
На четырех наречьях околе-
Несешь ты, а тебе и горя ма-.

Намедни, говорят, ты написа-
Шестнадцать книг, одна другой скучне-,
И озаглавил их «Иеруса-.
Назвал бы лучше честно: «Ахине-!

ДОНУ ФРАНСИСКО ДЕ КЕВЕДО

Анакреон испанский! Всяк прохожий,
Столкнувшись с вами, скажет вам учтиво:
Стопы стройнейших ваших ног на диво
На стопы ваших дивных строк похожи.

Теренцианца Лопе вы ничтоже
Сумняся мэтром чтите горделиво;
Пегаса спутал он с кобылой сивой,
Так вдохновенен — просто дрожь по коже.

И дернул черт — взялись за переводы!
Вы греческий усердно изучали?
Над текстами просиживали годы?

Боюсь, вы и в глаза их не видали.
Вы мне во тьме тайком подсуньте оды —
Их на свету узреть рискну едва ли.

**ПИСЬМО НЕКОЕГО ДРУГА
ДОНА ЛУИСА ДЕ ГОНГОРЫ, НАПИСАННОЕ
ПО ПОВОДУ ЕГО «ОДИНОЧЕСТВ»**

(сентябрь 1613 или 1614)

В столице нашей ходит по рукам несколько тетрадей с нескладными и дурно зарифмованными стихами под названием «Одиночества», сочиненными Вашей милостью. Андрес де Мендоса отличился усердием, распространяя их. Не пойму, почему он именует себя сыном Вашей милости — то ли из-за пристрастия к остро словию, то ли из-за иного, тайного Вашего влияния на него. Как бы там ни было, он столь уверенно распоряжается творениями Вашей милости и оглашает Вашу поэму, что сие обстоятельство, а также убогость ее стихов ввергли некоторых друзей Вашей милости в сомнение — да Вам ли они принадлежат? Посему я, премного Вашей милости обязанный и искреннейший друг, вознамерился спросить Вас об этом, более для того, чтобы рассеять заблуждение, распространяющееся среди невежд и соперников (а таковые у Вашей милости имеются), нежели для успокоения людей просвещенных, знающих, каким превосходным слогом Ваша милость обычно излагает мысли высокие и всеми восхваляемые; одного этого достаточно, чтобы доброжелатели Вашей милости огорчались, видя, как Мендоса и его сообщники приписывают Вам сочинительство подобных «Одиночеств». Пожелай Вы написать их на нашем родном языке, мало кто мог бы сравниться с Вашей милостью; если же на латинском — Вы тоже превзошли бы многих; а если на греческом, то, чтобы понять их, пришлось бы трудиться

меньше, чем над тем, что ныне сотворила Ваша милость, и Вы могли бы писать их для нас, не опасаясь брани и с верной надеждой на похвалу. Однако поскольку монологи сей поэмы написаны не на этих или каких-либо других указанных у Калепино языках и Ваша милость, по-видимому, не была причастна к милости, ниспосланной в Пятидесятницу, то многие полагают, что Вашу милость, вероятно, зашибло обломком при Вавилонском бедствии, хотя другие утверждают, будто Ваша милость изобрела сей жаргон, дабы окончательно лишить ума Мендосу; будь у Вашей милости иные виды, Вы не сделали бы его полным хозяином этих «Одиночеств», когда у Вашей милости есть столько ученых и разумных друзей, которые могли бы подать благой совет и помочь исправить или прояснить сию поэму, в чем она весьма нуждается. Постарайтесь, Ваша милость, сделать все возможное, чтобы собрать ее списки, как это делают Ваши почитатели, ради доброй славы Вашей и из жалости к Мендосе, которому грозит безумие. Особенно же взываю к Вашей совести — бедный Мендоса, воображая, что оказывает Вам услугу и сам при этом обретает громкую славу, тщится убедить свет, будто понимает то, что Ваша милость сочинила, видимо, лишь с целью вскружить ему голову. И действительно вскружила — в усердных трудах он даже написал весьма пространный королларий своей мощной и певучей прозой, объявляя, что защищает и поясняет Вашу милость. Судите сами, до чего может дойти человек, у которого голова полна подобным бредом, а в желудке изо дня в день пусто. Если же и это не тронет Вашу милость, подумайте хотя бы о двух вещах, весьма огорчающих нас, друзей Вашей милости: первое — пусть Ваш комментатор не величает Вас «сеньор дон Луис», ибо для поэта такой титул считается неподобающим; второе — постарайтесь воспрепятствовать пагубной заразе, которая иначе овладеет многими, кто пытается подражать слогу Вашей милости, думая, что Вы сочинили эти стихи всерьез. А в случае — упаси бог! — ежели Вашей милости, дабы показать свое остроумие, захочется утверждать, что Вы достойны хва-

лы как изобретатель трудностей в испанском языке, умоляю не поддаваться сему соблазну — сколько знаем мы примеров, когда обуянные гордыней поэты падали весьма низко из-за того, что не пожелали признать свою первую ошибку. И так как новшества хороши лишь постольку, поскольку в них заключено полезное, возвышенное и приятное, и сего достаточно, чтобы они приносили благо, прошу Вашу милость сказать, есть ли хоть намек на что-либо подобное в Вашей новинке, дабы я мог призвать друзей и предложить им оглашать и защищать ее, что было бы для Вашей милости немалой услугой — ведь даже самые превосходные сочинения вначале нуждаются в покровителях. Да хранит Господь Вашу милость!

Мадрид, сентябрь и т. д.

ПИСЬМО ДОНА ЛУИСА ДЕ ГОНГОРЫ В ОТВЕТ НА ПРИСЛАННОЕ ЕМУ

(сентябрь 1613 или 1614)

За мною утвердилась слава человека, который до нынешнего дня ни в чем и ни перед кем не оставался в долгу; посему я вынужден ответить, хотя сам не знаю, кому пишу; однако этот мой ответ, как, бывало, мои стихи, Андрес де Мендоса, кого это также касается, охотно огласит в гостиных, в патио Королевского дворца, у Гвадалахарских ворот, в театральных корралях, во всех собраниях — биржах учености, где Вашей милости будет учинен заслуженный позор. И ежели философия учит, что дерзость неразумна, ибо навлекает опасность, я почитаю Вашу милость человеком достаточно смелым — хоть по другой части и обделенным фортуной, — чтобы самолично явиться в те места, где о Вас будут говорить хорошо или дурно. Письмо Вашей милости носит личину дружеского совета, и посему я не намерен заострить свое перо для сатиры, за что будьте мне благодарны, ибо я мог изрядно проучить за подобную дерзость и, пола-

гаю, был бы в стиле сатирическом столь же ясен, сколь показался Вашей милости темен в лирическом. Ваша милость, бесспорно, возомнила, что средства мои исчерпаны этим «Одиночеством», каковое обычно бывает уделом банкротов; но, поверьте, мои заемные письма сразу же оплачиваются на Парнасе, где я пользуюсь прочным кредитом, и мне непонятно, на какие силы Ваша милость уповала, посылая мне письмо, в коем куда меньше остроумия, нежели дерзости, ибо, нагромоздив кучу нелепостей (словно бы вещи многих хозяев, откуда я заключаю, что и у письма их много), Ваша милость не сумела изложить их связно — то артиклей не хватает, то соединительных союзов, как в письмах басков; отсюда видно, что в Вашей милости еще хранится изрядный запас невежества, каковое неудержимо изливается из сердца на бумагу. Да, справедливо сказано: *«Никто не дает больше, чем имеет»*. И ежели один из недостатков, приписываемых Вашей милостью моим «Одиночествам», — это неверное сочетание слов и не испанское построение фраз, то, поскольку Вы пишете на том же языке, следует предположить одно из двух: либо Ваш язык хорош, либо упреки Ваши напрасны; и тут важно, чтобы мы поняли друг друга в письмах — уж так и быть, не в куплетах, ибо мне думается, что лаконичность и сжатость помешала бы Вашей милости их понять. Итак, в своем письме Ваша милость советует мне отказаться от такой манеры, дабы мальчишки не стали мне подражать, решив, что я это делаю всерьез. Даже будь манера моя заблуждением, я гордился бы тем, что положил чему-то начало; ведь начать дело более почетно, чем завершить его. И ежели Ваша милость требует от меня признания в первом промахе, дабы я не скатился еще ниже, то и сама Ваша милость должна признать, что допустила промах, давая непрошенный совет, — такой поступок осуждается здравым смыслом, и, надеюсь, Ваша милость не поспешит совершить его вдругорядь, так как тогда мне волей-неволей пришлось бы отвечать пером более острым и менее благоразумным. В письме своем Ваша милость поучает меня, что деяние приносит благо лишь тогда,

когда в нем сочетаются полезное, возвышенное и приятное. Я спрошу: были ли полезны миру стихи и даже пророчества (ведь и пророка и поэта равно называют вещими)? Отрицать это было бы ошибкой. Уж не говоря о тысячах других примеров, главная польза тут — воспитание ума всех тех, кто в наше время учится; темнота и трудный слог Овидия (который в *«Письмах с Понта»* и в *«Скорбных элегиях»* был вполне ясен и столь темен в *«Метаморфозах»*) служат поводом к тому, чтобы неуверенный разум, изошряясь в размышлении, трудясь над каждым словом (ибо с каждым занятием, требующим усилий, разум укрепляется), постигал то, чего не смог бы понять при чтении поверхностном; итак, надо признать, что польза тут — в обострении ума, и порождается она темнотой поэта. То же самое найдет Ваша милость и в моих *«Одиночествах»*, ежели окажется способна снять кору и добраться до скрытой в сердцевине тайны. Что до возвышенного, то, полагаю, поэма эта возвысит меня двояким образом: коль будет она понята людьми учеными, она принесет мне уважение, и им придется почтить меня за то, что трудом своим я поднял наш язык до совершенства и высоты латинского, ибо я не просто убирал артикли, как показалось Вашей милости и прочим, а обходился без них там, где это возможно; я был бы весьма признателен, ежели бы Ваша милость указала, где ощущается их отсутствие и какие черты латинской речи неуместны в слоге героическом (который должен ведь отличаться от прозы и быть достоин тех, кто способен его понять); я почел бы за честь творить на латинском, но решительно отрицаю, что наш испанский язык нельзя приспособить к его склонениям, хотя и не стану здесь объяснять, как я это себе мыслю; я только заранее отвечаю на вопрос, который Ваша милость могла бы мне тут задать. И еще одну высокую честь принесла мне эта поэма — невежды сочли меня темным; а чем же гордиться людям образованным, как не тем, что их язык невеждам кажется греческим, ибо не след рассыпать драгоценные камни перед поросшими щетиной скотами; о греческом я тут сказал не зря, меткое сие выражение

взято из «Поэтики», самой основы этого языка — матери наук, как то Андрес де Мендоса во втором параграфе своего короллария (как изволила его назвать Ваша милость) пояснил столь же кратко, сколь метко. Приятное же заключено в том, что было изложено по двум предыдущим пунктам: ведь ежели доставлять приятность разуму — это давать ему поводы для совершенствования и наслаждения, когда он обнаруживает то, что скрыто в поэтических тропах, то, найдя истину, разум убедится в своей правоте, и это убеждение доставит ему удовольствие; к тому же, поскольку цель разума — это поиски истины и ничто не дает ему удовлетворения, кроме изначальной истины, согласно речению святого Августина: *«Неспокойно сердце наше, доколь не опочиеет в тебе»*, тем большую приятность он испытывает, чем больше будет понуждаем к раздумьям темнотою произведения и чем больше пищи для своих мыслей сумеет найти под покровами этой темноты. Полагаю, в общем я уже ответил на вопрос о том, что можно назвать творением, приносящим благо. Что ж до обломка Вавилонской башни — хоть сравнение это для меня чересчур грандиозно — я хочу растолковать Вашей милости тайну, коей она не разумела, когда писала мне. Господь смешал строителей башни не тем, что дал разные языки, но тем, что они стали смешивать слова в собственном своем языке, называя камень «водой», а воду «камнем»; в том-то и состояло величие премудрого, помешавшего исполнению предрозостного замысла. Так и здесь: не я послал в свет «Одиночества» темными и непонятными, но злоба людская находит в их языке темноту, присущую ей самой. О милости, ниспосланной в Пятидесятницу, я предпочел бы не говорить, ибо не надеюсь, что Ваша милость достаточно сведуща в материях Нового Завета; мне же по характеру моему и роду занятий надлежит в них разбираться; итак, скажу лишь (ежели Ваша милость, а равно те таинственные, как Никодим, ученики не придерживаются противного мнения), что «Одиночества» написаны на одном языке, хотя я мог бы без большого труда составить смесь греческого, латинского

и тосканского с моим родным языком и, полагая, не подвергся бы осуждению — я слышу вокруг лишь похвалы за то, что годы, потраченные мною на изучение разных языков, принесли кое-какую пользу моему скромному таланту; но так как самовосхваление всегда отвратительно, на этом я и прерву. Я счастлив в дружбе, а потому намеревался ответить Вашей милости через Андреса де Мендосу — он не только всегдашний мой исповедник и духовный отец (ибо так зовем мы наставников в писаниях божественных и человеческих), но я также ценю живость и остроту его ума. Уверен, что в любом споре он сумеет за себя постоять и снискать еще большее почтение, а потому скажу Вашей милости под конец лишь одно: возраст мой уже больше располагает к делам серьезным, нежели к шуткам; я постараюсь быть другом тех, кто хочет быть другом мне; а кто не хочет, пусть вся Кордова и три тысячи дукатов дохода с моей усадьбы, моя утварь, мой требник, мой брадобрей и мой мул докажут мои преимущества над соперниками, коим было бы много полезней обдумывать и исправлять собственные произведения, нежели разбирать мои.

Писано в Кордове, сентябрь и т. д.

Франсиско де Кеведо-и-Вильегас

1580–1645

ДОНУ ЛУИСУ ДЕ ГОНГОРЕ

Свои стихи натру свиным я салом,
Чтоб, Гонгоришка, ты кусать не смел их;
Собака из собак не самых смелых,
Ты побоишься калы пачкать калом.

Ты выказал себя способным малым:
Шут и слуга Господень при капеллах;
Ты в Кордове да в ближних к ней приделах
У злоязычья служишь под началом.

О греческих поэтах столь толково
Толкуешь по дороге в синагогу!
Я — добрый, не советую худого

Ни вору, ни глупцу, ни демагогу.
Оставь стихи — твое любое слово
Лишь самого тебя грязнит, ей-богу.

ПСАЛОМ XII

Когда бы знал цветущий Карфаген,
Что миг один — и он зола и тлен,
И больше не поднимется вовеки!
Когда б страшилась Троя перемен,
Предчувствуя паденье грозных стен,
Едва нахлынут яростные греки!
Как потешался Иерусалим
Над предсказаниями грядущих бед,
И до последней горестной минуты
В несокрушимость собственных побед
Надменно верил венценосный Рим,
А вместе с ним все цезари и бруты!
Давно ли наводил Сагунто страх?
А нынче в поле ветер кружит прах —
Не сыщешь человеческих жилищ
Среди пустых холодных пепелищ.
Уснули в хрупкой урне Крез и Красс.
И Дарий, упокоившись, угас.
Спит Александр — ни славы, ни хулы —
И только кости царские белы.
Взойдет ли солнце, встанет ли луна —
Одна судьба живущим суждена.
Но, злого рока ведая коварство,
Я все о том же речь свою веду:
Бок о бок с нами погибают царства,
А наши жизни точно дни в году,
Так много их у каждого в запасе —
Жизнь в долгом дне и жизнь в коротком часе,
За каждый миг земного бытия
Свою судьбу благословляю я.
Хотя живым с натяжкой назван тот,
Кто рад бы жить, да знает, что умрет.

ПСАЛОМ XV

Пусть бисер гордо попирает скряга
И золоту свое пристрастье дарит,
Пусть алчно над добром трясется скаред,
Всю жизнь страшась ошибочного шага.

Пускай его томит к наживе тяга,
Пусть свой венец он в платину оправит,
Пусть скупостью житье себе отравит
Исчахший над богатствами бедняга.

Пускай ваятель не оставит втуне
Мечты с Девкалионом побороться,
Кисть воскресит умерших накануне...

А мне в лачуге кончить дни придется —
Пускай не заглянуть туда Фортуне,
Зато и Смерть не больно разживется.

ПСАЛОМ XVI

Бич мудрости и мощи, наша кара,
Зову тебя, сомкни же тень за тенью
Над оскорбленным духом, и к забвенью
Прильну я ртом, обугленным от жара.

Так Деций пал, так Фабий ждал удара,
Так Курций нас учил исчезновенью;
Приди же и, цепей срывая звенья,
Уверишься, что жду тебя как дара.

И если слезы чувствую щекою,
Мой жгучий плач во мраке ожидания
Исторгнут естеством, а не тоскою.

Был первый вздох мой вестником рыдания
И лишь последним сердце успокою,
Всего себя земле вручая данью.

ПСАЛОМ XVII

Я видел стены родины моей:
Когда-то неприступные твердыни,
Они обрушились и пали ныне,
Устав от смены быстротечных дней.

Я вышел в поле: там иссяк ручей,
Под солнцем, что спасло его от стыни,
Меж тем как стадо в сумрачной теснине,
Искало тщетно солнечных лучей.

В свой дом вошел я и увидел: тенью
Былого стал он, предан запустенью;
И шпага, отслужив, сдалась в войне

Со старостью; и посох мой погнулся;
И все, чего бы взгляд мой ни коснулся,
О смерти властно говорило мне.

ПСАЛОМ XVIII

Кладя конец и бедствиям и благу,
Уходит жизнь и с нею все земное,
Затмится мрамор тусклой желтизною,
И время сломит доблестную шпагу.

Я не умел ступить еще ни шагу,
А смертный путь уж лег передо мною,
И пило море черной глубиною
Глухую жизнь, ручья скупую влагу.

Едва шагнув за колыбельный полог,
Пустился я в дорогу без возврата
И даже спящий двигался вслепую.

Последний вздох и горек, и недолог,
Но если смерть — завещанная плата,
Не казнь, а дань, зачем же я тоскую?

ПСАЛОМ XIX

Как таешь ты в горсти, как без усилия
Выскальзываешь, время золотое!
Как мерно, смерть, бесшумною пятою
Стираешь ты земное изобилье!

Бездушная, ты все пускаешь пылью,
Что юность возвела над пустотою, —
И в сердце отзываются тщетою
Последней тьмы невидимые крылья.

О смертный наш ярем! О злая участь!
Дня не прожить, не выплатив оброка,
Взымаемого смертью самовластно!

И ради смерти и живя, и мучась,
Под пыткой постигать, как одинока,
Как беззащитна жизнь и как напрасна...

ПСАЛОМ XX

Стихий разбушевавшихся игра
Испании рассерженное море
На берег бросила, и сдался в споре
Песок, что был защитой вчера.

Чудовищная вздыбилась гора
И рухнула; померкло солнце в горе.
И даже не помыслить об отпоре,
Когда тебя трясет, как школяра.

Какой мне был преподнесен урок!
Сколь страшную сулила мне могилу
Судьба! От гибели на волосок

Я был, казалось. Но всему свой срок,
И снова, слава Богу, приютила
Забвенья гавань утлый мой челнок.

ПСАЛОМ XXVI

О, сколько дней мной прожито бездарно,
Ночей бездонных утекло бесследно...
И после стольких сетований тщетных,
Предательств стольких, вкрадчиво-коварных,

Возвратов на круги своя угарных,
Влюбленностей, погасших безответно,
О будущем раздумий беспросветных,
Прозрений стольких, горьких и кошмарных,

Окинув полустершиеся даты
Усталым взором, бытия на склоне,
Я обнаружил лишь одни утраты.

На многоцветном мирозданья лоне
Почудилось дыхание расплаты:
Неутешительный итог пустой ладони.

УЧИТ УМИРАТЬ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО,
А ЕЩЕ УЧИТ, ЧТО ТА ЧАСТЬ СМЕРТИ,
КАКОВАЯ ДЛИТСЯ ДОЛЬШЕ,
ТО ЕСТЬ УМИРАНЬЕ, И ЕСТЬ ЖИЗНЬ,
МЫ ЖЕ ТОГО НЕ ЧУВСТВУЕМ И О ТОМ
НЕ СОЖАЛЕЕМ, А ПЕЧАЛИТ НАС
ТА ЧАСТЬ СМЕРТИ, КАКОВАЯ МГНОВЕННА,
ТО ЕСТЬ ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ

Мой дон Хуан, коль наша кровь остыла
И горячит ее нам лишь одно —
Недуга жар; и коль она давно
Едва живит — не напрягает — жилы;

Коль Время нам уста опустошило,
Коль инеем чело убелено,
И в ясный день больным очам темно,
И на деянья не хватает силы,

Свою ищите средь могильных плит
И гроб свой созерцайте без смятенья:
Нам мудрость вживе умереть велит.

Мы начинаем умирать с рожденья,
Но жизнь утехи и безумства длит,
И нам во скорбь лишь смертное мгновенье.

ВСПОМНИ НИЧТОЖНОСТЬ ПРОЖИТОГО И ПРИЗРАЧНОСТЬ ПЕРЕЖИТОГО

Эй, жизнь моя!.. Молчание ответом?

Вот все, что я оставил за собою,

А краткий век мой, загнанный судьбою,

Исчез из глаз, и путь его неведом.

Ушли года, ушло здоровье следом,

И проглядел их я за суетою.

И жизни нет, одно пережитое,

Как нет и сил сопротивляться бедам.

Вчера прошло, а Завтра не настало,

Мое Сегодня мимолетней взгляда,

И то, чем был я, быть уже устало.

Вчера, сегодня, завтра... Та триада,

Что из пеленок саван мне сметала

В тягучей повседневности распада.

**ОЩУТИ СКУДОСТЬ ЖИЗНИ,
ТАК НЕЖДАННО И НЕЩАДНО
ОГРАБЛЕННОЙ СМЕРТЬЮ**

Вчера был сном, а завтра стану тленом!
Едва возник и вскоре — горстка пыли!
И, проглядев, что крепость обступили,
Я тешу дух, а ядра бьют по стенам.

Я — краткий бой с исходом неизменным
В постылой бойне, гибельном горниле.
В самом себе, как заживо в могиле,
Я не оплотом был себе, а пленом.

Былого нет, грядущее в дороге,
В минувшем настоящее — и оба
Похожи на кладбищенские дроги.

Удар часов — как заступ землероба,
И жизнь моя, поденщица тревоги,
Уже готовит место мне для гроба.

УВЕДОМЛЕНИЕ ДЛЯ ЖИЗНИ И ДЛЯ СМЕРТИ

Не по душе — и не хочу владеть,
Не страшно потерять то, чем владею.
Шут иль король? Что мне судьбой моею
Дано — то было, есть и будет впредь.

Меня не завлечет желаний сеть;
В миг смерти улыбнусь иль побледнею?
Нить спряли Парки. Что дрожать над нею!
Ведь все равно мне должно умереть.

Одно желание: не знать желаний.
Награды, чин и злато с серебром —
Все смерть возьмет, не протянув и длани.

Души богатство чту своим добром;
Не обольщаюсь ложью упований;
Сей мир я покидаю — день за днем.

ПЛАЧ НАД ЗАБЛУЖДЕНИЯМИ ЖИЗНИ

Тягучий день теряется за мглою,
Заветный час туманит дол и воды,
И в тишине и таинстве природы
С упреком возвращается былое.

Дышало утро юностью хмельною,
Весна не замечала непогоды —
И скрылись молодые мои годы
За непроглядной снежной пеленою.

Я их терял и тратил без разбору,
И вот они смеются надо мною,
На старости оплакавшим потерю.

Не плакать, а раскаиваться впору —
Обманутый, я сам тому виною
И, бедствуя, жду бед и в них не верю.

О БЫСТРОТЕ, С КАКОЙ ПРИБЛИЖАЕТСЯ СМЕРТЬ

Протяжным гулом, неизвестным прежде,
Наполнил сердце день последний мой;
И час предсмертный, черный, ледяной,
Тяжелым ужасом осел на вежды.

Но что с того, что траурны одежды
Несущей мир и сладостный покой!
Смерть, осеняющая милостивой тьмой,
Должна вселять не трепет, а надежду.

О страх слепой, она лишит цепей
Наш дух, в ничтожную тщету влюбленный,
В невежестве проведенный столько дней!

Так пусть придет, меня не удрученным
Найдя, но радостно открытым ей;
Да смолкнет жизнь моя, но обновленной!

НЕРАЗУМИЕ ЖИЗНИ, НАСТИГАЕМОЙ СМЕРТЬЮ ВРАСПЛОХ

Жизнь не длинней дневного перехода,
Живая смерть, укрытая в личины.
И мы с рожденья, Ликий, до кончины
В себе ее хороним год от года.

Кичась, она не ведает исхода;
Скудея, метит в райские долины.
Что для нее, одушевленной глины,
Ее недолговечная природа!

И вдруг она, слепа и безрассудна,
Споткнется у могильного обрыва,
Которого в упор не замечала.

Так ветер неуклонно гонит судно
И кормчий забывается лениво,
Едва успев очнуться у причала.

РАССУЖДЕНИЕ О ТОМ, ЧТО ИМЕЮЩИЙ МНОГИЕ БОГАТСТВА БЕДЕН

Не накапливать, но щедрою рукою
Дарить — вот, Казимир, к богатству путь;
Пусть шелком Тира ты оденешь грудь —
Нет места в ней душевному покою.

Ты господин, но вижу пред собою
Всю твоего существования суть:
Ты раб своих забот, не обессудь,
В плену томимый собственной алчною.

Ты душу златом мудрости укрась,
Не попусти ее стать гробом злата,
Поскольку злато перед Богом — грязь.

Не верь богатству — слово неба свято,
Вот правда: обделен на свете сем
Бедняк во многом, а скупец — во всем.

**РАВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПОЧИТАЕТСЯ
НЕРАВНЫМ, ЕСЛИ НЕ РАВНЫ
СВЕРШИВШИЕ ОНОЕ**

Коль Клиту суждена за преступленье
Петля на шею, а Менандру — трон,
Кто будет, о Юпитер, уstraшен
Пред молнией, что стынет в промедленье?

Когда б ты дубом был от сотворенья,
Не высшим судьей, чей свят закон,
Твой ствол кричал бы, кривдой возмущен,
И, мраморный, ты б вопиял о мщенье.

За малое злодейство — строгий суд,
Но за великое — на колеснице
Преступника в венце превознесут.

Клит хижину украл, и он — в темнице;
Менандр украл страну, но люди чтут
Хищенье — подвигом его десницы.

О ТОМ, ЧТО ПРОЗРЕНИЕ — ИСТИННОЕ БОГАТСТВО

Как мне сдержать в несчастье плач и стон?
Как в счастье мне не стать причиной плача?
Грозит мне зависть, коль со мной удача,
Презренье, коль удачей обделен.

Живу, то злом, то благом оскорблен,
И столь душа моя в грехе незряча,
Что Господа виню я, правду пряча,
Чтоб не признать, что прав Его закон.

Страшна мне смерть — и тем ужасней мнится;
Мила мне жизнь, хотя в ней смерть таится:
В такой слепой ночи мой мозг почил.

Слаб человек пред мощным честолюбьем,
И все, что нам дано, мы, Лин, загубим,
Коль на прозренье пожалеем сил.

СКОЛЬ НИ МОГУЩЕСТВЕН ОСКОРБИТЕЛЬ, ОН ОСТАВЛЯЕТ ОСКОРБЛЕННОМУ ОРУЖИЕ ДЛЯ ОТМЩЕНИЯ

Имущий власть! Страшись затронуть честь
Того, чье достоянье — лишь десница;
Знай: коль серебра и злата он лишится,
Оставишь сталь ему, чтоб счеты свести.

Оставишь право на святую месть,
Оружие, чтоб торжества добиться:
Народ голодный смерти не боится,
Клинки у нищего народа есть.

Кто верную свою погибель видит,
Тому сама погибель не страшна —
Он тех, кто в ней повинен, ненавидит.

И коль его душа оскорблена,
Тем, кто его ограбит иль обидит,
Он отомстит — и отомстит сполна.

УБЕЖДАЕТ БОГИНЮ СПРАВЕДЛИВОСТИ ОТБРОСИТЬ ВЕСЫ, ТАК КАК ПОЛЬЗУЕТСЯ ОНА ЛИШЬ МЕЧОМ

Астрей, выпусти весы из длани,
Ждать справедливости от них — напрасно:
В другой руке ты меч сжимаешь властно,
Весы дрожат, страшит их воздаянье.

Ты людям не судья, а наказанье:
Ведь ты не справедлива — ты ужасна,
Ты вооружена — не беспристрастна;
Но разве суд похож на поле брани?

В сражениях, где спорят о законах,
Чужие раны для тебя — скрижали,
Написанные кровью осужденных.

Ты жизни обрываешь без печали,
Казнишь, как Парка, не тобой рожденных,
В твоей руке весы убийцей стали.

**НАЗИДАНИЕ — ПОЛЕЗНОЕ ДЛЯ ТЕХ,
КТО СТРЕМИТСЯ УКРАСИТЬ СЕБЯ,
ОБНАЖАЯ ДРУГИХ**

Ты с памятников предкам именитым
Покров снимаешь, вознестись мечтая,
Но прах — основа зданию плохая,
Сколь мало значит — быть лишь родовитым!

Знатнейшие — презреньем время мстит им,
Спесивцы — скрыла их земля сырая;
А ты, судьей третейским стать желая,
Всечасно путь торишь к могильным плитам.

Ты веришь в то, что башни крепостные
Воздвигнешь; но идущий за тобою
Построит, в пыль их обратив, иные.

Взываешь к ликам мраморным с мольбою,
Рыдаешь, глядя в их глаза слепые;
Но слезы их не смой своей слезою!

**ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ
ОБ ОПАСНОСТИ ПУТИ, ВЕДУЩЕГО ВВЕРХ,
ОСОБЕННО ЕСЛИ ЭТО ПУТЬ
ПАДЕНИЯ ДРУГИХ**

Остановись, коль путь наверх идет;
Спустись, коли добрался до вершины;
Твой путь наверх — извилистый и длинный,
Кратчайший — тот, что вниз ведет с высот.

Кто может колеса Фортуны ход
Остановить? И знай: одни руины
Ждут наверху, печальны и пустынные,
Вершину тоже разрушение ждет.

Коль, без сомнения, предстоит паденье,
То будь к нему заранее готов;
Судьба других да будет в поученье!

Кто ввысь глядит поверх чужих голов,
Тот упадет от головокруженья.
Путь вверх — путь вниз. Итог всегда таков.

**ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ИСПАНИИ В ТОМ,
ЧТО, СТАВ ВЛАДЫЧИЦЕЙ МНОГИХ,
ВОЗБУДИТ ОНА ЗАВИСТЬ И НЕНАВИСТЬ
МНОГИХ ВРАГОВ, А ПОТОМУ ЕЙ ВСЕГДА
НАДО БЫТЬ ГОТОВОЙ ОБОРОНИТЬ СЕБЯ**

Гот, житель горных ущелий, сумел
Объединить вместе графства Кастилий;
К быстрому Бетису, к водам Хениля
Вышли наследники доблестных дел.

Ты получила Наварру в удел;
Брак с Арагоном (брак равных по силе)
Дал тебе земли обеих Сицилий;
Гордым Миланом твой меч овладел.

Ты Португалию дланью железной
Держишь. Приводит Колумб-мореход
Готов к пределам земли неизвестной.

Но берегись, чтоб враги в свой черед,
Соединившись, не взяли совместно
Все, что как дань тебе каждый дает.

ПОКОЙ И ДОВОЛЬСТВО НЕИМУЩЕГО ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЙ ЗЫБКОГО ВЕЛИКОЛЕПИЯ СИЛЬНЫХ МИРА СЕГО

Пусть стол в заморских яствах у вельможи,
Мне с кружкой кислого вина не хуже.
Уж лучше пояс затянуть потуже,
Чем маяться без сна на пышном ложе.

Храни на мне мой плащ дырявый, Боже, —
Прикроет он от зноя и от стужи.
Я не завишу от портных; к тому же
И вору мало выгоды в рогоже.

Мне трубочка моя подруги ближе;
Чтоб влезть повыше, я не гнусь пониже,
Не жертвую покоем ради блажи.

Похмельная отрыжка лучше дрожи.
Пускай деляга лезет вон из кожи,
Мне — Вакховы дары, ему — куртажи.

ПРЕИМУЩЕСТВА ДОБРОДЕТЕЛИ И ОПАСЕНИЯ ЖЕСТОКОГО ВЛАСТЕЛИНА

Взъярился громовержец-водолей,
Разверзлась твердь зияющею раной;
Эвр гасит солнце, тучи гонит рьяно,
Во мгле и хладе топит ширь полей.

Дрожит властитель в крепости своей:
Мощь стен и кровли — слабая охрана;
И гром с небес, что леденит тирана,
Простолюдину музыки милей.

О добродетель! Стойкий, духом смелый
Блюдет всегда и всюду твой закон:
Хулу и лесть душа его презрела;

До тех высот, где пребывает он,
Не долетают огненные стрелы,
Он страхом и надеждой не смущен.

ЯВЛЯЕТ ОБРАЗЫ ОБМАННОГО И ИСТИННОГО БОГАТСТВА

Ты видишь пышный Ликаса наряд,
От золота тяжелый и шершавый?
Ты видишь солнца в кандалах оправы,
Что на перстнях всеильного горят?

А вот чертог: из кедра — створки врат,
И яшмовые стены величавы;
Им придал царственность багрец кровавый,
Что тирского ценнее во сто крат.

Но пусть влечет тебя стезя иная:
Высокой зависти достоин тот,
Кто малым дорожит, алчбы не зная.

Не льстись на жалкий суетный почет:
Водяночная, бледная, шальная,
Мишурным блеском жажда злата лжет.

**О ЧЕМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ В АРАГОНЕ,
ПО КОНЧИНЕ МИЛОСТИВЕЙШЕГО
КОРОЛЯ ФИЛИППА III,
И КАК ПО-РАЗНОМУ ЕГО СЛЫШАТ**

Не ветер ли грядущего далекий
Отходную поет колоколами
Или с мольбой, клубя свечное пламя,
К усопшему склоняется в упреке?

А может быть, угасший дух высокий
Глашатаем поставлен был над вами
И краткими, но темными словами
Теперь к ответу требует пороки.

Пророческая медь, твое дрожанье
Не возмутит покоя в этих селах,
И не прервут веселья горожане.

Но пение ладов твоих тяжелых
Ознобом отзывается в тиране,
И короли бледнеют на престолах.

ПРИЧИНЫ ПАДЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Фавор, продажная удача — боги,
Вся власть — у злата, что с добром в раздоре,
Кошун и неуч — в жреческом уборе,
Безумье и стяжанье — в белой тоге;

Достойный плахи — в княжеском чертоге,
И в утеснении — людское горе,
Науки, ум — в опале и позоре,
В чести — спесивец, пустозвон убогий.

Вот знаки, что согласно предвещают
Твое падение, о Рим надменный,
И лавры, что чело твое венчают,

Гласят о славе, но таят измены
И гром карающий не отвращают —
Зовут его на капища и стены.

**МОГУЩЕСТВЕННЫЕ И СУЕТНЫЕ
С ВИДУ ОСЛЕПИТЕЛЬНЫ,
ПО СУТИ УНЫЛЫ И БЛЕДНЫ**

Скинь с плеч дары Фортуны — ложь, обманы —
И правда, что глаза твои узрят, —
Лишь сам ты, Ликас, наг и ей не рад,
Непамятной, непознанной, незваной.

Пусть для твоей порфиры златотканой
Свил нити червь богатых, шелкопряд,
Пусть в пурпур их окрасил тирский яд, —
Во всем отыщет спесь твоя изъяны.

Чем ты богат, коль нищ твой дух мирской?
Что можешь, коль познать себя не можешь?
Над кем вознесся, коль в грехах увяз?

Горячка злата сгубит твой покой;
Стяжаньем лютым бремя кар умножишь;
Гордыню опровергнет смертный час.

О ТОМ, СКОЛЬ ОБМАНЧИВА ОКАЖЕТСЯ НАРУЖНАЯ ВИДИМОСТЬ, ЕСЛИ СУДИТЬ ПО ИСТИННОЙ ВНУТРЕННЕЙ СУТИ

Ты смотришь, как проходит горделиво
Сей великан над праздничной толпою?
Так знай — внутри он весь набит трухою,
Простой носильщик тащит это диво.

И кукле карнавальной терпеливо
Дарит он жизнь и дух своей рукою,
Но тем, кто знает, что она такое,
Смешон ее убор и вид спесивый.

Таков величья образ преходящий,
Которым суетно тиран гордится, —
Роскошный мусор, пестрый и блестящий.

Ты видишь, как венец его искрится,
Как, ослепляя, рдеет багряница?
Так знай, внутри он — только прах смердящий.

**НАСЛАЖДАЯСЬ УЕДИНЕНИЕМ
И УЧЕНЫМИ ЗАНЯТИЯМИ,
АВТОР СОЧИНИЛ СЕЙ СОНЕТ**

Здесь у меня собрание небольшое
Ученых книг, покой и тишина;
Моим очам усопших речь внятна,
Я с мертвыми беседую душою.

И мудрость их вседневно правит мною,
Пусть не всегда ясна — всегда нужна;
Их стройный хор, не ведающий сна,
Сон жизни полнит музыкой немою.

И если смерть великих унесла,
Их от обиды мстительной забвенья
Печать — о славный дон Хосеф! — спасла.

Необратимые бегут мгновенья,
Но всех прекрасней те из их числа,
Что дух нам пестуют в блаженстве чтенья.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Сильва

Что вам, часы докучные, считать
Назначено в несчастной жизни этой,
Когда вы — ей под стать —
Своим путем идете, верной метой
Вновь избирая утро всякий раз,
Едва протиснув сутки в узкий лаз?
Мои напасти явно вам не впору,
Ведь вы же просто колбочка с песком,
Привыкшим к равнодушному простору
На берегу морском.
Пускай меня минует ваше бремя —
Размеренное время,
Я не хотел бы свой последний час
Выведывать у вас,
Да я и власти вашей не приемлю;
Не отравляйте мне остатка дней, —
Натешитесь вы кротостью моей,
Когда сойду я в землю.

Но если от меня
Нельзя вам отступиться,
Не сетуйте, что нет конца работе, —
Вы скоро отдохнете,
Недаром же кипит вокруг меня
Злорадная возня,
А жар любви, сжигая по крупице
Рассудок мой, на пытки не скупится, —
И в жилах меньше крови, чем огня!
Но ведь, помимо понуканья смерти,
Еще один подвох
Таится в этом пыле:
Казалось, не застать меня врасплох,

А я уже одной ногой в могиле.
И тут меня сравненье повело
По грани упования и страха:
Когда умру — я стану горсткой праха,
Пока живу — я хрупкое стекло.

ЧАСЫ С БОЕМ

Сильва

Вот он — живой металл,
В котором жизни тайную пружину
Лишь мастер искушенный угадал
И воплотил в машину,
Чей хитроумный ход
Нам ежечасно голос подает
И, вверясь провиденью,
Стремится стрелкой указать ответ
(Пренебрегая тенью!):
Как движется по кругу жаркий свет
И как по тропке этой
Часы летят беспечной эстафетой,
Покуда роли солнца и луны
Колесикам простым отведены.
Однако эта дивная машина
Еще и поучительный пример
Бессилья полумер,
И сколько ни впивай чудные трели,
Чтоб разузнать, который час настал, —
Сокрытый в этом голосе металл
Не достигает цели.
Ты, для кого часов точнейших бой —
Лишь повод разразиться похвальбой,
Рассудок преклони
К тому, о чем тебе твердят они!
Час прожитый оплачь, — не наверстаешь
Минут его, и невелик запас;
Пойми, что ты в один и тот же час
Растешь и в смерть вырастаешь.
Но восхвалять часы едва ли стоит,
Не то, пожалуй, будь они в чести,
Гербов таких бы нам не завести.
Часы и впрямь, как ты за них ни ратуй, —
Изящный соглядатай,

Посланец тьмы, бессонный пилигрим.
О, как вы схожи с ним,
Когда, чтобы шагать со светом в ногу,
Светилу вы диктуете дорогу,
Всей вашей мощи дерзостный порыв
На волоске тончайшем утвердив,
А он, уж такова его природа,
Все тоньше и дряхлее год от года.
И все ж не сторонись
Тревожных откровений циферблата, —
В них тайну каждодневного заката
Нам поверяет жизнь:
Всю вереницу суток, солнц, орбит
Считает смерть, а время лишь растит.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Сильва

Ты видишь, Флор, как, хитрой геометрии
Цифирную премудрость подчиня,
Мы вычисляем продвижение дня!
А ты подумал, как могло случиться,
Что удалось незыблемой черте
И солнца легкокрылой красоте
В одну полосу слиться?
Ты благодарен, тут сомнений нет,
За то, что можно каждый шаг на свете
Припомнить, оглядев полосы эти.
Но разве только свет
Всечасной жизни видишь ты, а след
Всечасной смерти не подмечен зреньем?
Не грех ли раздвоеньем
Коверкать бытие?
Как верхоглядство пагубно твое!
Зови-ка лучше разум на подмогу,
За косную привычку не держись,
И, в солнечной узнав свою дорогу,
Ты смерть откроешь, вписанную в жизнь.
Ведь раз ты только тень на этом свете,
Как сказано в Завете,
То с тенью света солнечного схож,
От цифры к цифре так же ты бредешь,
Покуда не настанет обретенье
Последней цифры и последней тени.

НА ОСТАНКИ НЕВЕДОМОГО КОРОЛЯ, ПРИЗНАННЫЕ КОРОЛЕВСКИМИ ЛИШЬ ПО ОБЛОМКАМ КОРОНЫ

Вы зрите древние руины эти,
Они забыты всеми,
Не знаем мы о прежнем их уделе;
Прочней сих плит нет ничего на свете,
Их победило время,
Веками выщерблены, онемели
Те письма, что проходивший здесь
Читал, поправ стопой чужую спесь;
Разрозненные кости в сей могиле
На прахе пишут смерти вечный труд,
А прежде память властелина чтили
Везде, где люди на земле живут.
Сия десница скипетр сжимала,
А ныне в эту притчу веры мало;
Где замыслы и страсти заполняли
Просторный свод — там видим пустоту,
И зреть не вмоготу
Былой чертог — пустым, слепым, забвенным,
Раскрытым настежь пред червем презренным!
Такого гостя видя пред собой,
Оледенеет в ужасе любой.
О смерть! Ты меришь непреложной мерой,
И слава жизни предстает химерой!
Кто древле был над миром господин,
Тому достало ныне трех аршин.
Кто попирает себе на гибель злато,
Того не смей попать: здесь место свято.
Ты нам открыла, смерть, что суть едина
И для царя, и для простолюдина.
Где силу, ловкость, красоту найти,
Чтобы тебя дерзнули провести?
Воззри: вот властелин, чей дух надменный
Мнил вечностью мгновенье жизни бренной,

А ныне пред тобой, смирен и тих,
Безмолвно кается в грехах своих.
Все, что возьмешь, в тебе себя теряет,
Одна лишь истина не умирает:
Что злато сгубит поздно или рано
И своего хозяина — тирана.
Где те, кто диктовал законы миру?
О, сколько их низверглось с пьедестала!
Их персть земная частью пашни стала,
Утратив и величье, и порфиру.
Взгляните: вот пред кем все трепетало!
Что глупый мир почтил,
То прах земной презрительно сокрыл.
Взгляните: вот темница, где томилась
Душа при жизни; в милосердьи смерти,
Смиряться духом, верьте:
Она дарит освобожденья милость.
Что ж, смертные, — спешите вслед Фортуне,
Покорствуйте минуте,
Завидуйте небесной славе втуне,
Забудьте о своей природной сути,
Богатству доверяйте,
Свою гордыню златом подпирайте;
Что ж — возводите, алчные, беспечно
Град на воде и на ветру оплот.
Господь не возведет
Для вашей блажи ничего, что вечно,
И сколько б вы оружием ни бряцали,
И как бы ни гремела ваша слава,
На вас найдется посильней управа,
Чем те, кого вы в битвах побеждали.
Молите океан
Не укрывать от вас тех мест пустынных,
Где, гневом обуян,
Он оградил невинных
От ваших мореплавателей рьяных,
Гостей благочестивых, но незваных.
Пусть край, обильный златом,
Чрез злато станет вам врагом заклятым.

Что ж — пусть не будет стран меж полюсами,
Где б вы Фортуны не смирили сами.
Что ж — пусть народов вольность служит вам,
Девизам вашим, родовым гербам;
А все же смерть, страж чуткий и бессонный,
Вспомнящий средь полного забвенья,
В час predetermined
Приблизится стопою беспощадной,
И червь, наследник жадный,
Тиранов примет под свое владенье.
Но жив и в смерти тот,
Кто мир десницей крепкою ведет,
Запомнит подвиги его держава;
Не для хвалы пребудет в мире слава
Великих королей
И не затем, чтоб их презрел плебей.
Чему нас сей пример не учит, право!
Вот тот, кто был велик, а ныне свет
Не знает, то ли был он, то ли нет;
Теперь он в новом странствует обличье,
Столь чуждом прежнему его величью!
А ты, коль любишь власть, свой дух смири:
В тебе — весь мир; так над собой цари.

СТОИЧЕСКАЯ ПРОПОВЕДЬ МОРАЛЬНОГО ПОРИЦАНИЯ

О криводушие, о злобой обуянный
Дух века окаянный!
О дерзость помыслов, неистовство страстей,
Преступный род затей;
Им несть числа, их утолить нельзя;
Им пресыщение — порог,
Раскаяние — никогда:
Их сыплет изобилья рог,
К отчаянью стремится нужда!
О суета, от твоего полета
Какая бездна может быть укрыта?
Пещеры, что в секрете у Земли,
Низины, стертые трудами Океана,
Края глухие, где почиет Ночь,
И Солнцу нету ходу, оку Дня, —
Во все проник взор алчного тирана.
Ни благочестие, ни стыд, ни страх
Не скроют от живущих мертвый прах.
К останкам подбирается слепая
Корысть, священный трепет отменяя.
Ни оперенье — легких птиц,
Ни когти острые — зверей,
Ни у берегов, ни в глубине морей
Беззвучный промельк — серебристых рыб
Не в силах защитить от вожделений,
И мир земной, для смелых устремлений
Казавшийся безмерным,
Короче полудневной тени,
Когда Чревоугодьё, пут не зная,
От прочих нег присягу принимая
Вассальную, их силою крепко,
Царит, всех чувств владея достояньем, —
И все их топит в глотке глубоко.
Покуда резь безжалостной острой

Не пресечет стремления лихие,
Бесплодными останутся стихии —
Пусть мирозданье мучится изжогой.

Не изобилья, Клит, ищи — приволья,
Живи достойно и с собой в ладу,
Тогда и зависть, шлюющая беду,
Не бросит взор на честное застолье.
Худым пребудешь, о мой Клит,
Но более здоровым,
Чем тот, кто пищей доверху набит;
В небесной школе
Врачует душу пост по Божьей воле,
А неводержанность — болезнь и стыд.

Человек, от камней рожденный,
От косных, суровых скал,
Крылья приладил, презрев богов,
Бередить посмел, распаленный,
Струйные тропы; воспрял
В солнечный небосклон —
Дерзость его расточил Аполлон,
И на театре пенных валов
Рассыпан его полет,
Имя и тело пучина берет,
Перья — игрушка ветров.
Падешь и ты, мой Клит, когда в гордыне
Смешаешь тучу с хутором в низине.

В медный век был отмечен богами
Тот, кто первым волны морские терзал;
Стальными тремя обручами
Скрепленный, ковчег был что сердце людское.
Нынче, ветром надув паруса,
(О смерть! о нажива без сна и покоя!)
Мореход сомкнул полюса;
Разрознены были от Бога
Закраины дальние мира —
Оп, дьявольской снастью снабдив корабли,

Срастил пределы Земли;
Из рощи, в которой Борей обрывает листья,
Построил над гладью морской раздвижные мосты,
Направляя свои скитанья
По знакам, что шлет плененный
Магнит вернейшей подруге —
Возлюбленной, не супруге, —
Но едва ослепительный взор встречает,
От восторга путь забывает.

Клит, с берега родного
По океану плавай мирным взором:
Следи его валы, внимай раздорам,
Не покидая ради мачты крова;
Развязанный мешок Эола
И Нот грозящий —
Смерть среди Понта, лепет листьев в чаще.

Ты запятнал свой разум, человек,
На службу алчности его поставив;
Выходит, к золоту Восточных стран
Или к обильному Закату руль направив,
Корабль в океан
Под всеми парусами,
Гребцы гребут, зря смерть под грозными валами,
И Аквилон ревет,
И снег слепит глаза, и ночь встает;
И, яростного моря
(Куда выходит алчный вор себе на горе)
Внимая голосам,
Вопит он к небесам;
Насильно приведенный к Богу,
Он дел благих без счета обещает,
Но лишь утихнет шквал,
Как столько же злодейств свершает,
Забыв Того, к Кому в нужде взывал.
А этот, судьбы тщаь изречь Подлунной,
Постигнуть власть, проникнуть в храм Фортуны,
Исчислить путь планет,

Желая выпытать секрет
Предвечной матери,
Что нас растит,
На части плоть родимую членит.
Взрезал железом грудь
И раскрошил утробу,
Кровь выпустил из жил —
Досель их суеверный страх хранил —
Чертоги смерти, где царит покой,
Посмел взломать безжалостной киркой.
И ужасают вас порою содроганья
Родительницы, если обокрал
Ее любимейший меж прочими сынами?
Пусть ветры спят под облаками,
Ярится море —
Лишь алчный человек рожден Земле на горе.

Сокровищ собрал без счета
Лимы и Пóтоси властелин,
Дань дневную взымая с пещер и вершин.
Сон и покой обратил в терзанье,
Благость нашел в злодеянье,
В коварстве — прощенье, награду — в грехе,
Сладка ему месть и почетен позор —
Но слезою туманится бледной надежды взор.
Ты замыкаешь на ключ
Богов золотого чекана —
И мнишь, будто счастье твое постоянно;
Коль доброе имя пятнается златом,
Ты в смертный свой час, может, будешь богатым,
Но полный сундук и набитая касса
Едва ль сохранятся до смертного часа.

Богач, ты подчинил своей причуде
Старинные искусства,
Сребро и злато перелив в сосуды;
И, в строй весов внося разлад,
Материю меняя,
Кичиться после сможешь ты

Среди тройных услад,
Что пьешь вино, зажав в горсти неоценимый клад.
Природы ход бесстыдно извращая,
Времен перемешав исконный склад,
Ты ставишь, естества презрев законы,
Июльской влаге — зимние препоны,
Чтоб слышать звон бокалов средь пиров,
Ты за стекло стократ платить готов:
Величие и роскошь —
Богатства расточать
На вещь, что — повернется ли язык? —
В осколки может обратиться вмиг.

Ты, Клит, так бедность честную устрой,
Чтоб шатких стен не покидал покой;
Чем меньше денег и имений,
Тем тише ярость вожелений,
Не строит козни зависть,
Жизнь длится без заботы,
Не ловит в сети красота,
Не манит мира суета,
И в миг, когда придется умирать,
Наследников не соберется рать.
Оставь при жизни тленные блага,
Ты не хозяин им, — ты им слуга.
И в час последний,
Когда от горнего суда спасенья нет,
Ты сможешь без стыда держать ответ.

Вот воздвигает гордый
Здание, забывая
О безжалостной власти дней;
И высится дворец,
И не желает видеть свой конец
В глухой и легкой поступи времен, —
Минуты, мча безмолвно, неизменно,
В тиши разящей прогрызут торец,
Поглотят стены,
Подточат крепости и башни;

Так жизнь мирская чередою лет
Стирает день вчерашний.
Горы, царственные от века,
Воздела над нами Природа
Единственно ради славы своей
(В них, будто в скобки, державы замкнув),
Неприступные для человека,
Бременящие землю
Ужасом зазубренных пиков,
Что грозят небесам, заскорузлые иглы подъемля.
Им после того, как из недр извлекла
Алчность, помня себя одну,
Камней и металлов коварный блеск —
И земле объявила войну, —
Гордость посмела срубить венцы,
Скал согнула упрямые выи,
Подрубила корни живые;
И вот искусный резец —
Ведь человек придает
Прелесть своим злодеяньям —
Грубые глыбы точит ваяньем,
И запирает обломки скал
В полумраке роскошных зал —
А раньше лишь край прикрывала отрога
Вечная пашня, светлого дня дорога.
Лишили защиты берег,
Лик обнажили долин и степей
И стерли суровые знаки с морей;
Утесы, что твердо стояли
И, крепкие, разбивали
Дерзкие рати волн;
Мощные, не сгибались вовек
Перед натиском рек —
Ныне взрыв разметал;
Тело суровых скал
В колонны спрямил человек;
Или, громом поверженные гиганты,
Грудь напрягают жилистые атланты.
Грубый каменный род,

Коему кару сулил непреклонный отец,
Вновь выводит из мрака послушный резец.

Земле, о Клит, обязан ты сторицей
За жизни грубый, глиняный сосуд,
Где горстка праха обрела приют,
И в ненадежной, мизерной темнице
Живет бессмертная душа, —
Так не хвались, мой Клит, о, не хвались,
Что зала новая, так хороша,
Хотя из персти ветхой,
Просторней, чем привычный духу дом,
Где с ужасом глухим мы смерти ждем.
Излишек службы не сослужит,
Кто выше строит, тот сильнее тужит;
И станет склепом пышный твой покой,
Свод расписной — могильною плитой.

Нашего века бремя,
Алчущий, со взором горящим,
Недуг, убивающий время,
Всем грехам предстоящий
В ярости злобной своей,
В пагубе для людей:
Зависть, бледная, неугомонная,
Первой лишившая жизни вечной
Доверчивый род людской,
Райский нарушив покой:
Роковая напасть,
К благу чужому неистребимая страсть,
В жилы веков влагу смертную льет,
К гибели жалкой влечет.
Порок без чувства и меры,
Солнечный свет оскорбив, ада набил пещеры,
И от этой слепой и постыдной доуки
Терпят насельники тьмы неизбывные муки.
Она разбросала, скупая,
В поле тернии и волчцы,
Чтоб тяжко трудились наши отцы,

Свой насущный хлеб добывая.
Упорный взрастила мятеж
В древнем племени Авраама —
И Спаситель стараньями чад своих
Муки смертные терпит за них.
Зависть не атакует
Бренной жизни хрупкие стены,
Страшась за себя и всякой боясь перемены, —
Но разрушает, трудясь в тиши,
Высокие замки души;
Ты не успеешь почуять,
Куда подкоп устремлен, —
Как рушится разума бастион.
Приволье земных просторов
Стало для брата и брата
Тесным полем великих раздоров.
И тому, кого первым на свет
Извлекла Естества нерушимая сила,
Одному скитаться во тьме смертоносная зависть сулила.

Пускай, мой Клит, тебя остерегут
По-дружески и взлеты, и паденья:
В превратностях судьбы ищи совет —
И жизнью проживешь по счету лет;
Верней проникнешь в тайну перемен,
Узнав, что с каждым днем ты вновь рожден.
Трудам завидуй, не завидуй славе,
Они суть здание, а слава — дым,
И вознесут тебе хвалу в державе,
Не ужасаясь именем твоим.
С почтеньем относись
К добру чужому, за свое держись;
В нежданном счастье ищи подвоха,
В удаче зри грядущих бед причину —
И падай ниц, взобравшись на вершину.
А в огорченьях
Постигни истину смиренья;
Узнай, что может быть права
И зависть, чей несносен произвол:

В одном она добра средь стольких зол —
В себе и грех, и кару заключает,
И самого завистника снedaет.

Почести зависть родят,
Богатства нуждой грозят,
Придворная мишура,
Власти слепая игра,
Где беды ждут и позор,
Где полон жалобы взор,
Зеницы не знают сна,
Нечистая совесть больна,
Где ложь вместо правды сулят,
Где, хоть во дворце, хоть в глуши,
Страх нападает прилюдно или крадется в тиши,
Где жизнь жестока
И смерть приходит прежде срока.

Сколь редко спускались тираны
В призрачные, безмолвные страны,
В края глухих сожалений,
Чтобы кровавая рана не сквозила на скудной тени!
Нечасто встречал Аид
Такого владыку державы,
Который бы смерть нашел не от стали или отравы.
Все знает про свой конец
Кто, преодолевая страх,
Из самоцветов и злата надевает венец.
Казна ему — смертный прах,
Несметные рати — забота,
И вот, покорив языков без счета,
В неумной радости множит
Титулы, раздуваясь от спеси;
К миру презренья полн, от судьбы принимает подарки,
Не ведая, как презирают его ткущие судьбы Парки.

Суровый африканец,
Что превозмог альпийские снега
И одолел

Самой Природою поставленный предел,
Тот, у кого за дерзкие стремленья
Зима отъяла половину зренья,
Чьих ратей в Каннах яростная сила
Кровью консульских вен
Нивы тучные оросила, —
Вечному городу страх внушал,
Перед воротами Рима стоял,
Долу склоняла его отвага
Орлов горделивого стяга.
А вскоре, скиталец и пленник,
Волею равнодушной судьбы
Сам на себя восстал в пылу безнадежной борьбы.
Мститель за кровь, за позор державы,
Зависть таящий к вершинам славы,
Перстень, дар милосердный,
А не меч, не кинжал,
Рим избавил от страха, гордую жизнь прервал.
И вот в неведомой урне
Воин великий, легенда веков —
Малое бремя для слабых перстов.

Гай Марий показал нам, как трофеи
Влекут в оковы,
И как триумф, дарованный Фортуной,
Кончается Минтурновой лагуной.
И если глянешь ближе к нашим дням,
То, Клит, увидишь вновь,
Что с памяти людской не смоят кровь,
Ее горящий след,
Ни подвиги, ни блеск, ни гром побед,
И если развернешь преславных жизней свиток,
Найдешь скандалов и злодейств избыток.

Спешите ж, великие люди,
Наполнить молвою мир;
И, золотом разжигая бои,
Истожайте терпенье Земли;
Вызывайте нетерпенье морей

Новым родом безумств,
Кичливым юнцам подражая, —
И ценой злоключений великих
Вам достанутся толп обезумевших клики.
Кто, Клит, к зениту не стремится полет,
Тот дни влачит, но с выси не падет.
У берегов плывущий челн
Спасен от власти бурных волн.
Когда перуном в гнев Зевс грозит,
Не дол он, а вершину поразит;
Чего страшится дуб на горной круче,
Тому смеется боб в навозной куче.
Урок прошепчет пусть тебе листва,
В учителя возьми крутые скалы.
Стыдись, о Клит!
Ты наделен душою и рассудком —
И все ж тебя ославить может вмиг
Невеждой-школяром простой тростник,
Коль не умеришь ты страстей,
Перед тобой расстелется на воле
Упреком зеленеющим все поле.

**КРИТИКО-САТИРИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ
ГРАФУ-ГЕРЦОГУ ОЛИВАРЕСУ,
ОБЛИЧАЮЩЕЕ НЫНЕШНИЕ
КАСТИЛЬСКИЕ НРАВЫ**

Пришла пора, пусть слово прогремит,
Уста молчанья дерзко разнимая, —
Все выскажу, что на сердце лежит.

Иль не пристала мужу речь прямая?
Пусть люди мыслят так, как говорят,
И говорят, как мыслят, не петляя.

Пусть выскажется разум чувству в лад
Без страха пред властительною дланью —
За правду в наше время не казнят.

Страшились прежде обнаружить знанье
Иль истины явить сокрытый лик —
Красноречивым было лишь молчанье.

Когда б и закоснелый ум постиг,
Что истина — язык живого Бога,
Единый, вечный Господа язык!

Она ему опора и подмога,
И только Богом истина сильна,
Они равенствуют в единстве строго.

Как Бог един, так истина одна,
И, если Бога истина оставит,
Уже не будет истиной она.

Но истина и Бог в согласье правят,
Бог милосерд, и благ, и справедлив,
Лишь в истине он суть свою изъявит.

О мой сеньор! Все берега размыв,
Мои стихи границы преступили,
Моих стихов неудержим разлив!

Глаза мои слезами затопили
Провалы щек, и льется слез волна
На алтари великих двух Кастилий.

Былая доблесть! Где теперь она,
Что грозною была, хоть небогатой?
В тщету и сон она погружена.

А прежде с той свободой крылатой,
Что долголетней жизни предпочтет
Блистательную смерть, презрев утраты,

Душою щедрый, крепкий наш народ
Считал, что, побежденный лишь летами,
От славных дел испанец отдохнет.

А те, что были праздности рабами,
Обманивая ход часов и дней,
В Испании считались чужаками.

Никто не думал, сколько в жизни сей
Он проживет, и за спиной чужою
Дешевой славы не стяжал своей.

Была тогда народу госпожою
Лишь добродетель, властью крепка,
Мы с нею одолели время злое.

Щитом для сердца крепкая рука
Служила, все удары отражая;
Не прятал панцирь сердце от клинка.

Бесценнейшую честь приумножая,
Считал боец почетом ратный труд,
Свой долг перед отчизной уважая.

Спал на земле неприхотливый люд,
Не думая, что в этом есть заслуга;
Ум не дремал, когда глаза уснут.

Ткала жена для своего супруга
Не плащ цветной, а саван гробовой,
Ценя героя в муже прежде друга.

Не только ложем — жизнью самой
Делилась с ним, шла с мужем под знамена
И, мстя за мертвого, кидалась в бой.

Не дама — благородная матрона,
Чья верность не страшилась низких ков:
Превыше чести не было закона.

Нас отделял от блеска рудников,
Разжегших в душах к злату вождельенье,
Разбег океанических валов.

С бездушным златом чуждое растленье
Не плыло к нам, и честь не торговал
У нас Восток за яркие каменья.

Лишь добродетели алмаз сиял,
Лишь доблестное дело украшало,
Не ждали за достоинство похвал.

Еще перо копья не побеждало,
И кантабрийца толстая мошна
Наследственных земель не отчуждала.

В те времена испанская казна
В Лигурии еще не побиралась —
Скорей бы мавров предпочла она:

При них не столь отчизна разорялась;
А ныне прибыль хуже, чем урон, —
Глядишь, она процентщикам досталась.

Бывал лишь ветром птичий клин сметен,
Лишь старость уносила жизнь оленью,
Их век ловитвой не был сокращен.

Тогда алкало чрево насыщенья,
Не пресыщенья — скромная нужда
Была насущной, чуждой прегрешенья.

Для благородного была тогда
Корова — благоденствия основой,
Не сторонился дворянин труда.

Еще не обольщал нас блажью новой
Ни перец сморщенный, ни пряный плод
Гвоздики, извратившей вкус суровый.

Корове и барашку был почет —
С горючим перцем, с чесноком ядреным —
Одна еда для слуг и для господ.

Склонялась жажда над ключом студеным,
Теперь возносим здравицу больным,
Коварной влагой Вакха опоенным.

Живот был впалым и лицо — худым,
Свидетельствуя о труде привычном;
Доход и честность шли путем одним.

Испанец мог с достоинством обычным
Германца выпивохой называть,
Голландца же — еретиком двуличным,

Он мог бы в зависти подозревать
Италию, когда бы мы не стали
Всем без разбору сами подражать.

Потомки славу предков промотали;
Гербы все те же, дух уже не тот:
Отцы им только имя передали.

Пусть амбру нам на радость изблюет
Могучий кит иль пена океана —
Сей аромат развратом отдает.

Столь наше воинство благоуханно,
Сколь дисциплины крепкой лишено;
Зато на всех алмазы без изъяна.

А прежде домотканое сукно
Носили подвиги, и дамам чванным
Надеть не стыдно было полотно.

Шелк, оскверненный слизняком багряным,
Что римлянин изнеженный носил,
Неумолимым сделался тираном.

Ужели червь испанца улестил,
Чтоб летом жарким муж неприхотливый
В его блестящем саване ходил?

У труженика честь забрал ленивый,
А прежде обретали честь трудом,
Бесчестьем был порок празднолюбивый.

Сегодня стадо разлучить с быком
Стремится младость, алчущая славы;
Не чтит она Цереру божеством.

Рожденный для трудов, не для забавы,
Бык, образец усердия для людей,
Чей вид приял Юпитер величавый,

Бык, утруждавший длани королей
И консулов, жующий жвачку света
Среди небесных голубых полей!

За что нас поразила кара эта,
Зачем мы подлость, словно подвиг, чтим
И топчем наши нивы в блеске лета?

Вовек бы не видать очам моим,
Как дворянин трясет короткой пикой,
В потешных игрищах неутомим!

Пусть тешится дитя погоней дикой
За петухом с игрушечным мечом —
Не муж, надежда армии великой.

Пусть юноша в ученье боевом
Десницу закаляет, но не тычет
В быка, кормильца нашего, копьём!

Пусть юношу труба на подвиг кличет —
И, над собой признав ее закон,
Себя он бранной славой возвеличит.

Мужчину украшает мушкетон
И тяжкое копье в деснице верной,
Когда и впрямь кастильской крови он.

Сколь неприятен людям хлыщ манерный,
Что почестей ничтожеством достиг,
Великий разве спесью непомерной!

Ни вычурной езды, ни куцых пик!
Вернем себе турнир и состязанье!
Да примирятся человек и бык!

Взамен забав — высокие дерзанья;
Король и ты, избранник короля,
Осуществите наши притязанья!

Все наши упования утоля,
Ты добродетель возвратишь народу,
Вздохнет спокойно отчая земля.

От пышных брыжей шее дав свободу,
Чтоб можно было голову склонить,
Ты воротил нам на учтивость моду.

Ты призван наши нравы исцелить:
Дабы народу впрок пошло лечение,
Фундамент прочный должно заложить.

Твоя звезда, полна благоволенья,
Тебе велит прощать и примирять,
Тем повергая зависть в иступленье,

Тебя склоняет прямодушных брать
К себе на службу, ибо не пристало
Слепому послушанью доверять.

Недаром слава предков возблистала
В твоём наистариннейшем гербе
И нимбом мучеников засияла;

Гусманов добрых призови к себе,
И ширь полей под мирной синевою
С крутых вершин откроется тебе.

Воспользуйся возможностью благою,
И если только крепость наших сил
Враг пожелает испытать войною —

Военной дисциплины грозный пыл
Сплотит бойцов верней, чем уговоры;
Дадим шелкам отставку: час пробил.

Заменим мавританские уборы
На латы, ибо пышной мишурой
Не разрешишь ни трудности, ни споры.

Тот, кто лакейской окружен толпой,
Тот, кто быка на гибель обрекает,
Как пику, перст в него уставив свой, —

На службе пусть отвагу проявляет,
И ты Пелайо превзойдешь во всем;
Поскольку страх войсками управляет —

Пребуди грозен, аки Божий гром.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ КОРОЛЮ ФИЛИППУ IV МЕМОРИАЛ

Король и католик, пресветлый властитель,
От Бога ниспосланный нам повелитель!

Я, бедный, взыскующий правды старик,
К стопам твоим ныне с мольбою приник.

Открыв тебе правду, у неба прошу я,
Чтоб слово мое не пропало впустую;

Я, старый слуга твой, чей доблестен род,
Молю: не чуждайся монарших забот!

И пусть на нижайшее это прошение
Тебе добродетель подскажет решение.

Хотя от налогов столица вольна,
Поболе провинции платит она.

Но наши рыдания звучат слишком глухо,
Они твоего не касаются слуха;

Тем паче не ведаешь ты, мой король,
Обеих Кастилий страдания и боль.

Взгляни же: нарядом былым не блистая,
Теперь Андалусия ходит босая.

Заморскому злату у нас грош цена,
А сыты ль пославшие дань племена?

С арробы прокисшего в бочках осадка —
По девять реалов, да с масла — десятка,

С ягненка — по восемь реалов берут,
На прочее также налоги растут.

Здесь нет рыбаков,дохнет рыба от смеха:
Дешевле налога — улов, вот потеха!

Бог, тварь создавая, предвидеть не мог,
Что твари дороже — с той твари налог.

Не смогут и сто королей, без сомненья,
С испанца взять больше, чем в наше правленье.

Народ опасается: как ему жить,
Когда и за воздух придется платить?

Хоть небо дарует плоды для отчизны,
Их как бы и нет — из-за дороговизны,

И если в нужде дворянин занемог,
Никто не подаст ему хлеба кусок.

В Испании с мужеством нынче не густо,
Поскольку питает его лишь капуста;

А хунта, коль это сулит ей доход,
Живого испанца с костями сожрет.

Без пенсии вдовы, без хлеба сироты
Ждут нынче защиты и отчей заботы.

Внемли — разве в сердце твое не проник
Их стон молчаливый, безмолвный их крик?

Министр проедает поболее дохода,
Чем десять отрядов за время похода.

Нахальный чужак, что с лотка продает,
Последнюю шкуру с испанца дерет,

И, деньги ссужая нам в рост, не по праву
Он нашим судом нам чинит и расправу.

Испанцев возвысь — это край их отцов,
Над нами не след возносить пришлецов.

Шутя вносит подать женевец-пройдоха:
С твоих бедняков он разжился неплохо.

Тебе, государь, мы уплатим пятьсот,
Да тысячу с нас ростовщик заберет.

Кто в должности важной — сам цены вздувает,
А прочие стонут да смерть призывают.

Сих малых попрасть — недостойно тебя:
Птенцов сам Господь охраняет, любя.

Напрасно нас август дарит урожаем —
Процентщику в ларь мы зерно провожаем;

Запас ячменя, для голодного дар,
Скупой ростовщик запирает в амбар.

Опасен народ, коль уздою не сдержан:
Ничто ему казнь, к жизни он не привержен;

«Пусть вешают! — скажет. — Беда не беда,
Страшнее голодная смерть и нужда!»

Твердят богачи: «Сколько б нам ни досталось,
Источник иссяк — украдем, что осталось!»

Идет распродажа постов, должностей —
И власть, и управа в руках палачей.

Продажа земель тебе дорого встала —
Король, ты бедней своего же вассала!

Распроданы пастбища, продан и скот:
Вся прибыль — убыток, добра перевод!

Пройди по испанской земле — ты внакладе:
Твоей, государь, не осталось и пяди!

Богач беззаконьем богатства стяжал,
А платит за все тот, кто беден и мал.

Сам дьявол здесь перст приложил, не иначе,
Лукавый и вкрадчивый демон бродячий,

Что графу в Сан-Пласидо так говорил,
Когда Оливарес молитву творил:

«Сместить тебя жаждут Филипповы слуги;
Разрушь, уничтожь и развей их потуги!

Спиши на корону грехи свои, граф,
В казне отчитайся — и будешь ты прав.

Ведь если Филиппово царствие сгинет,
Твой недруг гибели также не минет.

Останется жив тот, кто с бою пленен, —
Не тот, кто судьбою на смерть осужден.

Хапуги богатство свое приумножат,
И если не сгубят страну, то заложат».

Так дьявол шептал ему, лжец и смутьян,
И граф для испанцев — второй Хулиан.

Король, не пристало законам державным
Губить справедливость побором неравным.

Вот список убытков, представленный мной, —
Еще я бумаги не счел гербовой.

Коль в чем я ошибся — прошу снисхожденья:
Боль сердца у разума не в подчиненье!

Открытая правда — вот помощь от зла,
А лживая речь — потайная стрела.

Но нынче в ходу те, кто льстит преступленью,
Хулит за победу, кадит пораженью.

Твоя похвала — наивысшая честь,
Но губит она, коль завистники есть.

Мы — дети твои перед Богом; нельзя же,
Чтоб мы погибали, как скот, от поклажи.

Нас войны ввергают в огромный расход,
Но лишь милосердие — победы оплот.

Нет риска, который война оправдала,
Коль жертвуют кровью и жизнью вассала.

А тут сумасброд, в довершение зол,
Французов к испанским границам привел;

Лишив мантуанского принца престола,
Он вверг нас в пучину войны и раскола.

Несчастья, пожары, миллионы примет
Сулят нам немало страданий и бед.

В Италии, Фландрии нашим потерям
Нет меры — что ж дома расходов не мерим?

Пусть кровью детей твоих вместо воды
Не полнятся в парках дворцовых пруды!

На зрелища мы отпускаем миллионы,
Зато отнимаем у храмов колонны.

Дворцы на холмах разрослись без препон —
Святой Исидор и часовни лишен.

С сумою Мадрид обращается к бедным,
Но в тратах вознесся над Римом победным.

У пахаря плуг, отобрав, продают,
Потом дорогие ограды куют.

Во что нам охотничья встала забава,
На то снарядить можно армию, право.

Король волен тратить, но выше всего
В монархе умеренность — не мотовство.

А ныне, Филипп, не считаясь с долгами,
Во славу твою громоздят храм на храме.

Тем более эта повинность тяжка,
Что хлеб отнимают от уст бедняка.

Твой царственный пурпур поистине страшен —
Он кровью голодных и сирых окрашен.

Достатка вовек не увидит страна,
Коль слезы — сей роскоши праздной цена.

Ужели парады, дворцы, развлеченья
Достойно твое возвеличат правленье?

Не блеск бриллиантов величье дает:
Величье монарха — довольный народ.

Король — всей стране голова; плохо дело —
Чело в бриллиантах, да в рубище тело.

Легко учредить непомерный налог,
Да трудно собрать, коль он слишком высок.

Мрет у моря войско, оплот государства, —
С судебных поборов жиреет коварство.

Стяжает победу отважный боец —
Снимает плоды осторожный хитрец.

Кто славу в бою добывает отвагой,
Пусть пишет о ней вражьей кровью да шпагой,

Чтоб истинных доблестей светоч затмил
Кудрявые вымыслы льстивых чернил.

Видна по делам настоящая слава,
К шумихе она не прибегнет лукаво.

Хоть мы и не слепы, иные хотят,
Чтоб верили мы, будто ад — райский сад.

Продажные перья нам лгут без смущенья,
Что камень есть хлеб, а тумак — угощенье.

Во власти твоей это зло побороть,
Решишь — и тебя возвеличит Господь!

Твоя доброта — златоносные недра;
Великий, ты всех одаряешь прещедро:

Кто больше попросит — тот больше возьмет;
Дари по заслугам почет и доход.

И пусть не смутят тебя ловкие люди,
У коих орудье — одно словоблудье.

От почестей выигрыш твой небогат,
Но честь короля — драгоценнейший клад.

Открытая правда — вот помощь прямая,
А лживое слово — стрела потайная.

Коль в чем я не прав — не взыщи, мой король:
Глуха к разумению душевная боль!

О ТОМ, КАК ДОНА АЛЬВАРО ДЕ ЛУНУ ВЕЛИ НА КАЗНЬ

«Ваша благодетельность будет
Благом для души греховной», —
Так молящиеся пели
Под трезвон под колокольный.
«Жертвуйте на погребенье!»
Был богаче всех вчера он,
А сегодня подавня
Просит он у вас на саван.
Сострадания он достоин:
Нынче милостыню просит
Тот, кто милости дарил вам,
Снисходя на ваши просьбы.
Он, кто мог своею властью
Сделать каждого маркизом,
Графом, герцогом, прелатом,
Командором иль магистром,
Он, кто жаловал поместья,
Титулы давал вельможам,
Умирает, как преступник.
«Жертвуйте, кто сколько может!»
Лишь вчера всем королевством
Помыкал он, а сегодня
Отдан сам на помыканье
Палачам скотоподобным.
Главной улицей он едет
К месту казни, а давно ли
Ехал здесь в сопровожденье
Короля и всех придворных?
Почитал себя счастливым
Тот, кто был тогда с ним рядом,
Все придворные ловили
И слова его, и взгляды.
А теперь другая свита
Вслед за ним валит толпою, —

Разношерстный сброд: зеваки,
Нищие, бродяги, воры.
Он, кто был вершитель судеб,
Сам судьбою изничтожен,
Умирает, как преступник.
«Жертвуйте, кто сколько может!»
«Мир бессильный, мир порочный!
Вот как ты вознаграждаешь
Слуг своих. Увы, немногим
Ведомо твое коварство!» —
Так один монах воскликнул,
Видя, как толпа людская,
Набережную заполнив,
Устремилась к месту казни.
А разъезды личной стражи
Государя дон Жуана
Надзирали, чтоб для казни
Не было помех неожиданных,
И на каждом перекрестке —
Альгвасилы и солдаты,
Под началом двух алькальдов,
Трех славнейших капитанов.
«Прочь с дороги!.. Прочь с дороги!..
Расступись!» — кричат герольды.
«Ваша благостыня будет
Благом для души греховной».
Вот и Альваро де Луна,
Он в сермяжном балахоне,
Едет он верхом на муле,
Мул под траурной попоной.
В черном колпаке де Луна,
Изможден он заточеньем,
Справа от него — священник,
Слева от него — священник.
У людей у самых черствых
На глазах — слеза печали.
Но за что он умирает?
Пожимают все плечами.
Шепот, вздохи состраданья —

Словно стон многоголосый.
Осужденного выводят
На позорные подмостки,
Где трагедия де Луны
Завершается развязкой...
«Ваша благостыня будет
Благом для души несчастной».

СВЯТОМУ ЛАВРЕНТИУ

Лаврентья жгут, ему огонь — улада.
Тиран глядит на ту сковороду,
Где дух крепчает с пламенем в ладу,
И корчится, сгорая в муках ада.

Диск солнца прорезается из смрада,
Зола преображается в руду
Алмазную, и палачу еду
Страдалец шлет: отведайте Божья чада,

Вкусить жаркого из филейной части...
Ведь у него на памяти Господь
И жертвенное таинство причастья.

Но побежденного как побороть,
Когда Творец с небес глядит на страсти:
В огне — тиран, а не Лаврентья плоть?

РИМУ, ПОГРЕБЕННОМУ ПОД РУИНАМИ

Ты в Рим идешь, надеясь Рим найти, —
Нет, пилигрим, ты не найдешь святыни;
Лишь трупы стен ты созерцаешь ныне,
Лишь прах и пепел у тебя в горсти.

Не по холмам, где жизнь бурлит, — брести
Приходится по горестной пустыне;
От храмов и дворцов на Палатине
Одни развалины на всем пути.

Но Тибр струится, город огибая,
Как встарь; и мы потоки слез струим:
Нас бренность жизни мучит роковая.

Где вечное твое величье, Рим?
Всё преходяще; лишь волна речная
Скользит, и плеск ее невозмутим.

ГИМН ЗВЕЗДАМ

Вам, звезды, этот дар,
К вам боязливого пера несмелый взлет,
Вы — искрами взметнувшийся пожар,
Вы — факелы, которые зажжет
На тризне дня, что отлетает прочь
Осиротевшая без света ночь;

Вы — золотых знамен
Шеренги над сапфировой равниной,
Вы за предвечной музыки закон
Зовете к битве с темною дружиной;
Хрустальный Аргус, светлый и горячий,
Через ваших сто очей бдит мир незрячий;

Блистающие знаки,
Букв огненных красноречивый строй,
Вы голосом, пылающим во мраке,
Рассыпались в тиши немой;
Вы — ночи праздничное одеянье,
Вы — тайны, заключенные в сиянье;

Алмазная тиара
Небес унылых, сумрачного сна,
Вас не достигнет солнца пламень ярый,
Под вами царствует любовь одна;
Ручьи лучей, вы всласть поите землю;
Цветы лучистые, к вам взор подымяю;

Люд ночи лунной,
Сверкающие, светлые создания,
За вами вслед влачащейся Фортуны
Меняют облик ваши колебанья.
Вы правите и миром, и войной,
Царя бессолнечной ночной порой;

Скользя по тверди,
Судьбу верша и отмеряя дни,
Вы жизнь дарите и влечете к смерти,
Вы — в мире путеводные огни;
Ваш мудрый бег нам внятнее речей,
И много смысла в трепете лучей;

Ваш страшен гнев:
Вы жаждой жгучей землю истомите,
Погубите и пашню, и посев,
И свежие луга испепелите;
Но если будет милостив ваш взгляд,
Вновь расцветет под небом райский сад;

По произволу
По вашему нам время иск вчиняет,
Грозите вы надменному престолу,
Когда Юпитер, Марс, Сатурн вас извергают;
То путь измерен ваш, а то стремглав
Несетесь, в небе космы разметав;

О, если ране
Любили вы, и ныне, среди мрака
Пригвождены, все помните о ране,
Туманя вздохом знаки Зодиака,
То Амарилис, нимфу, что всех краше,
Вы не оставьте милостию вашей.

А если среди вас одна
С небес взидала на ее рожденье,
Следя прилежно, как растет она,
И направляя каждое движенье,
Просите, звезды, чтобы ей внушить
Тот светоч мог хоть взор ко мне склонить.

Я ж, распыленный,
Густым, горячим став дыханием вулкана,
В легчайший пепел обращенный,
К вам поднимаюсь в заоблачные страны,

Упрячу лиру в сумрачную тень
И петь начну, когда почиет день.

И птицы, коих сумрак породил,
Те, что в ночной тиши стенают глухо,
Что хриплой песней, тяжким плеском крыл
Терзают, не ласкают ухо,
Пока живу, любовью уязвленный,
Мне будут музы, будут мне сирены.

ЭПИТАФИЯ ДОНУ ЛУИСУ КАРРИЛЬО ДЕ СОТОМАЙОРУ

Ты видишь, путник: в тесной сей могиле
Спит пленником извечного закона
Он — тот, чьи доблести во время оно
Испанию надеждой окрылили.

Вот меч, а вот перо — их освятили
Бог войн и бог, зачавший Фаэтона;
Здесь лживым снам воздвигнута препона,
Здесь смерть — дань мужеству, печаль — дань силе.

Так пусть твой дух исполнится почтенья,
Ведь воды Леты хладные не властны
Над сей гробницей с именем Каррильо!

Иди же мимо в скорби и смиренье.
Знай: он, и телом и душой прекрасный,
Стал прахом — и во прах распались крылья.

НА СМЕРТЬ ГРАФА ВИЛЬЯМЕДИАНЫ

Оплачь его, изгнанница Астрей,
Он был недолгим гостем в жизни дольной;
Перо и речь он отдал мысли вольной
И, слову жизнь даря, играл своею.

Он лебедь был, и, с ветром спорить смея,
Дивил он песнью дерзкой и крамольной;
Не ведал он, что смерть тропой окольной
Шла с каждым звуком песни все быстрее.

Записывай же злое назиданье
Своею кровью, что на ране стынет,
Тебя навек безмолвием карая:

«Кто сердце выскажет, тот сердце вынет.
Где речь — вина, немощство — наказанье.
Я не молчал — и молча умираю».

**БЕССМЕРТНОЙ ПАМЯТИ
ДОНА ПЕДРО ХИРОНА, ГЕРЦОГА ОСУНЫ,
УМЕРШЕГО В ТЮРЬМЕ**

Чтоб славу петь великому Осуне,
И всей земли, наверно, будет мало;
А родина темницу даровала
Тому, кто мог приказывать Фортуне.

Что свершено им, не исчезнет втуне,
Хоть зависти людской язвило жало,
И эпитафию ему писала
Кровавая луна в морской лагуне.

Как свечи поминальные, вулканы
Над ним горят, но сумрачно в природе;
Скорбят его сражений ветераны.

Дал место Марс ему на небосводе,
Путь полководца завершая бранный,
А реки плачут о его уходе.

**ВЕЗУВИЮ, КОТОРЫЙ НЫНЕ
НАПОЛОВИНУ САД,
НАПОЛОВИНУ ВУЛКАН**

Спит саламандра в зелени смиренно,
Спит пламень в сумрачных глубинах стана
Храбрейшего Везувия-титана;
Богам грозил ты дланью дерзновенной.

Затем огнем, исторгнутым геенной,
Губительным, ты растекался рьяно,
Но заживляется любая рана,
И склон горы стал рощею священной.

Ты — феникс, жарким пеплом обновленный;
Покой твой — ярости палящей мета;
Ты — дымный облак, светом напоенный.

Мольбам своим жду от тебя ответа;
Ты жар хранишь, в пещерах потаенный,
Я в сердце жажду воскрешенья света.

* * *

Я обнимаю трепетные тени,
Сон — отдых для души на краткий срок;
Я в битве непрестанной изнемог
В борьбе с лукавейшим из привидений.

Моих сетей, силков, хитросплетений
Бессильна власть — да будет мне урок!
Хоть одолеть врага я дал зарок,
Как уцелеть во время тяжких бдений?

Пронзив меня любовью неземной,
Бесплотный дух в глумлении жестоком
Играя, торжествует надо мной.

Я следую за ним, ведомый роком,
И не помыслить участи иной;
Мой слезный путь отмечен слез потоком.

**СОНЕТ, В КОТОРОМ СОДЕРЖИТСЯ
СУЖДЕНИЕ О СХОДСТВЕ ЛЮБВИ
И РУЧЬЯ**

Спешишь, одолевая перекаты,
Причудливый свой путь в цветах тая,
И по пути крадет твоя струя
У пены седину и блеск у злата.

Смеясь, ты крепнешь. Пенных брызг кантата
Рокочет звонче трелей соловья...
Вот так, увы, растет любовь моя,
Что для меня слезами лишь чревата.

Пришпорен лестью, вдаль стремишься ты,
Но впереди обрыв, пути нет боле, —
И падаешь ты в бездну с высоты...

Как сердцу избежать подобной доли?
Как ты, оно спешит на зов мечты,
Чтобы слезами изойти в неволе.

**ПРЕДСТАВИВ АД В СЕБЕ САМОМ,
СИЛЮСЬ УКРОТИТЬ ЕГО, ПОДОБНО ОРФЕЮ,
НО ВСЕ НАПРАСНО**

Куда ни обернусь, подобно змеям
Клубится ад, свивая в кольца пламя,
И муки караулят за углами,
И смертный грех хоронится злодеем.

В тюрьме влачим мы жизнь и всё не смеем
Признаться, что тюремщики — мы сами,
И на цепи я, смоченной слезами,
Под лязг ее пытаюсь быть Орфеем.

Но бешенство и боль во мне теснится,
Пока любовь тиранствует на славу,
И не перечу, преклонив колена.

Владыка, тяжела твоя десница!
Не отдалит гармония расправу,
И музыка не выкупит из плена.

ВЛЮБЛЕННЫЙ УЧИТСЯ ЛЮБВИ У НЕРАЗУМНОЙ ПРИРОДЫ

Пещерой горбясь, горная громада
Певучих слез рассыпала каскады,
И обратила каменные скаты
В цевницы влага песенного лада.

Таится нелюдимая прохлада,
Немилы ей восходы и закаты —
Лишь ты, отшельник, плакальщик пернатый,
Единственный, кому бывает рада.

И образ твой, и голос, что вначале
Был голосом разлуки, а не птицы,
Всех одиноких плачу обучали.

Теснины гор и влажные цевницы
Ты научил выплакивать печали,
И боль мою возьмешь ты в ученицы.

**СОНЕТ, В КОЕМ ВЛЮБЛЕННЫЙ
ПРЕУВЕЛИЧИВАЕТ СВОЙ ЛЮБОВНЫЙ ПЫЛ,
ОТЧАЯНИЕ, ВЗДОХИ И МУЧЕНИЯ**

Когда бы хляби, как во время оно,
Разверзлись, затопив простор земной, —
Палящий душу мне любовный зной
Вновь мог бы осушить земное лоно.

Когда б из-за упрямства Фазтона
Моря и реки выпил жар дневной —
Могли бы слезы, пролитые мной,
Вновь напоить их влагою соленой.

Когда б все ветры сговорились вдруг
Взять паруса Улисса в плен докучный —
Я вздохами бы мог наполнить их.

Когда бы всю жестокость адских мук
Смирил Орфея голос сладкозвучный —
Я сотворил бы ад из мук моих.

**МСТИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ
В ФОРМЕ СОВЕТА КРАСАВИЦЕ,
УТРАТИВШЕЙ БЫЛУЮ ПРЕЛЕСТЬ**

Какая тягостная тишина
Теперь, Лаура, под твоим балконом,
Где так недавно голосам влюбленным
Гитары томной вторила струна!

Но что поделать? Бурная весна
Впадает в осень, и по всем законам
Мертвеет свет зари в стекле оконном,
А кровь и кудри метит седина.

Препоручи же зеркало Венере,
Красавица, сводившая с ума,
И не сходи теперь с ума сама,

Разглядывая в нем свои потери, —
Увы, весна ушла, и ныне в двери
Стучит не осень даже, а зима.

**РЕКА, ПЕРЕПОЛНЯЕМАЯ
СЛЕЗАМИ ВЛЮБЛЕННОГО,
ДА НЕ ОСТАНЕТСЯ РАВНОДУШНОЙ
К ЕГО СКОРБИ**

О Тахо! Ты своих могучих вод
Сдержи ликующее нетерпенье,
Пока ищу (но отыщу ль?) забвенья
Хоть в чем-нибудь я от своих невзгод...

Умерь свою веселость! Видишь, тот,
Кто весел был всегда, теперь в смятенье, —
Уносит в океан твое течение
Потоки слез, что безутешный льет.

Ты берега свои усей камнями,
И пусть твой звонкий смех замрет, река,
Пока не удержишь слезы сами

Бегут из скорбных глаз моих, пока
Твое течение полнится слезами
И топит в них себя моя тоска.

**УТВЕРЖДАЕТ,
ЧТО ТАЙНА КРАСОТЫ —
В ДВИЖЕНИИ**

Не от искусства красота, что взгляду
Являет моему моя сеньора;
Не числа изъяснят мне прелесть Флоры,
Что даже солнцу в зависть и досаду;

Она не от мусического ладу,
Что дал Орфею славу чудотвора;
Я в ней, влекущей, признаю без спора
Власть тайную, благих небес награду.

Мученья принесет — не постиженье,
Не познанною может быть — желанной
Душа под оболочкою такою.

Ведь красота — огонь, всегда в движенье,
Она чужда застылости ледяной,
И ей при жизни не дано покоя.

**РАССУЖДЕНИЯ,
С ПОМОЩЬЮ КОТОРЫХ ДОКАЗЫВАЕТСЯ,
ЧТО МОЖНО ЛЮБИТЬ СРАЗУ ДВОИХ**

Нам в памяти своей хранить не жаль
И нынешних, и прошлых дней волненья,
В тех и других и боль, и утешенье,
В них сопредельны радость и печаль.

Наносит разум на свою скрижаль
О сущем разнородные сужденья,
Дает законченное впечатленье
Той и другою стороною медаль.

Но ведь любовь — она не просто сила:
Могущественней всех на свете сил,
Она любовью мир преобразила.

Так отчего ж нельзя любовный пыл
Зажечь огнем не одного светила,
Но пламенем несхожих двух светил?

**ВЛЮБЛЕННЫЙ
БЛАГОДАРЕН ОБМАНЧИВОЙ
ЛЕСТИ СНА**

Мне снилось, будто я... Не знаю, право,
Как и сказать, а впрочем — сон не в руку.
Но сон, Флоральба, скрашивал разлуку,
И снилось, будто я тебе по нраву.

Любовь смешала сладость и отраву
В одном колчане, чтобы вверить луку,
Огонь и бред мой, холод твой и скуку —
И, признаю, смешала их на славу.

Гадал я, сон ли, явь ли это были.
О, если явь, пусть век я сна не знаю,
А если сон — молю, чтоб не будили!

Но пробудился, изгнанный из рая,
И не пойму, живу ли я в могиле
Или еще при жизни умираю.

О МУКАХ ЛЮБВИ

Не сокрушайся, разум, обо мне,
Мой здравый смысл, оставь свои упреки,
И так мои страдания жестоки —
Я с ними день и ночь наедине.

О сжался, Тирсис, я горю в огне,
Без вас душа и сердце одиноки!
К чему такие горькие уроки?
На дыбе корчусь по какой вине?

Но светлый образ в памяти храня,
Я и в разлуке с вами — не в разлуке.
Во мраке ночи и при свете дня

Всечасно к вам протягиваю руки.
Без вас и радость — мука для меня,
А рядом с вами — в радость даже муки.

ПУСТЬ ВСЕ УЗНАЮТ, СКОЛЬ ПОСТОЯННА МОЯ ЛЮБОВЬ

Излиться дайте муке бессловесной —
Так долго скорбь моя была нема!
О дайте, дайте мне сойти с ума:
Любовь с рассудком здравым несовместны.

Грызу решетку я темницы тесной —
Жестокости твоей мала тюрьма,
Когда глаза мне застилает тьма
И снова прохожу я путь свой крестный.

Ни в чем не знал я счастья никогда:
И жизнь я прожил не вознагражденным,
И смерть принять я должен без суда.

Но той, чье сердце было непреклонным,
Скажите ей, хоть жалость ей чужда,
Что умер я, как жил, в нее влюбленным.

* * *

По гребню нелюдимого отрога
Едва бреду дорогою крутою,
Тоска — мне путеводною звездою,
Единственной опорой — тревога.

Темнеет ночь, теряется дорога,
Внизу ущелье пенится седое
И ни мостка, ни кладки над водою,
Одна надежда, да и та на Бога.

Спешу в обход негаданной преграды,
Гнетет меня безвестность и забота,
Зовут воды дремотные рулады.

И вдруг я на песке у поворота
Заметил след и замер от досады,
Что здесь и до меня искали брода.

СРЕДИ ХИМЕР

Какого склепа сумрачные своды
Меня пугают отсветами ада?
Каких тиранов тайная досада
Меня лишает мира и свободы?

Кто сон мой похищает и на годы
Надежду прячет от немого взгляда?
Кто мстит мне за тебя, моя отрада,
Кто не прощает мне мои невзгоды?

Зачем в мои затерянные степи
На пустоши песка и чернобыла
Былых скорбей вторгается лавина?

Зачем воскресший звон постылой цепи
Тому, о ком и думать ты забыла,
Не помня зла, в котором неповинна?

**СОНЕТ, В КОТОРОМ ОБЪЯСНЯЕТСЯ
ДОСАДНОЕ НЕПОСТОЯНСТВО
ЛЮБОВНЫХ ТРЕВОГ**

От солнца слепнуций, его искал,
Счастливому, мне счастья было мало,
И пламя, что уже и так пылало,
Без устали сильней я разжигал.

Ее свободы верный был вассал,
Вослед ее душе моя бежала,
И брали сумерки мои начало
Там, где ее рассвет меня встречал.

На угольях любовного горнила,
Как саламандра, я живу в огне
Слепой любви к той, что меня пленила...

Но та, чью власть я не постиг вполне,
Меня в хамелеона превратила,
Чтоб воздухом надежд питаться мне.

* * *

Я вечно горю, никогда не сгорая,
Я слезы точу, но не сякнут они,
Иду, но не видно скитаниям края,
И смерти не жду, исчерпав свои дни.

Не каюсь, по горло во зле утопая,
Жив ложью, хоть правду любил искони,
Отмучившись здесь, не увижу и рая,
Ни крохи веселья — печали одни.

Я в стольких трясинах отыскивал брод,
Но не был и призван средь стольких гонений:
Могу ль уповать на счастливый исход?

Но не образумлюсь до смертной ступени —
Надежда последняя в сердце умрет,
Невзгоды останутся, стоны и пени.

О ТОМ, ЧТО СЧАСТЬЕ НЕ В ЛЮБВИ, А В МЕЧТАХ О НЕЙ

Один, без вас, но боль моя со мной.
Повсюду вас отыскиваю взглядом.
Ежеминутно быть бы с вами рядом,
Но у Фортуны замысел иной!

Свет мимолетен, стоек мрак ночной.
Я с вами — но душа больна разладом,
И, отравляя нашу встречу ядом,
Напасти дышат за моей спиной.

Зато в мечтах я обнимаю вас,
В воображеньи счастье мне дано,
А наяву поставлена преграда.

И убеждаюсь я в который раз:
Мне лишь в аду блаженство суждено,
И пагуба моя — моя отрада!

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Студеный пламень, раскаленный лед,
Боль, что, терзая, дарит наслаждение,
Явь горькая и радость сновиденья,
Беспечность, что полным-полна забот;

Предательство, что верностью слывет,
Средь уличной толпы уединенье,
Усталость в краткий миг отдохновенья,
И права, и бесправия оплот;

Сама себе и воля, и темница —
Покончить в силах с ней лишь смерть одна, —
Недуг, что от лекарств не исцелится, —

Любовь, едва рожденная, дружна
С небытием. В ней рай и ад таится,
И враг самой себе во всем она.

БЕЗМОЛВНАЯ ЛЮБОВЬ

Глаза! Не выдайте любви секрета:
Его хранят безмолвные уста.
Любви тем совершенней красота,
Чем скорбная видней на сердце мета.

Коль слезы хлынут, не страшась запрета, —
Страдающего сердца немота
Их выжжет. И страданья правота
Не даст глазам нарушить их обета.

Любите тайну сердца своего,
Не выдайте кому-нибудь случайно,
Пред муками его склонитесь ниц.

Любви недостижимо торжество —
Так пусть хранима будет сердца тайна
Безмолвьем уст и сухостью ресниц.

Поток риторики, немой и нежной,
 Которым правят разум и мученья:
 Не столь для слуха речи, сколь для зренья,
 Но вам не внемлет даже взгляд небрежный.

Душа, что вся кипит, как огонь мятежный,
 Чтоб тем прочнее стало единенье,
 И возвещает о своем плененье,
 Струясь из глаз в свободе безудержной;

Влюбленный вздох, кровь полнящий кручиной,
 Таимой мысли явные признанья,
 Пыл, рвущийся на волю из темницы:

Вы — слово смертника перед кончиной,
 Тревоги неумного желанья,
 Свидетельства любви, души частицы.

ГЛОССА В ОКТАВАХ

Преходит все, но не мои страданья.

Я лета видел пышные уборы:
Сверкали изумрудами луга,
Блистали ярко на перстах Авроры
В золотой оправе солнца жемчуга;
Но вот легли на доли и на горы
Седой зимы холодные снега:
Всему судило время окончанье,
Преходит все, но не мои страданья.

Ручей застывший видел я зимою,
Но снова стал прозрачной влагой лед,
Несомый говорливою струею;
И море, что так яростно ревет,
Безбурное лежало предо мною;
Я видел в черных тучах небосвод,
А нынче солнце льет на мир сиянье.
Преходит все, но не мои страданья.

Я видел, как играл листвою зеленой
Зефир, и в ней звучали голоса,
Как будто шепот Тирсии влюбленной;
Но злой зимой разубраны леса,
И день ушел, закатом обагренный,
Немая ночь взошла на небеса,
Неся с собою сумрак и молчанье.
Преходит все, но не мои страданья.

ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЬ

В беспечности бродил я по поляне,
Не зная в те поры любви мучений;
Чело мне ирис осенял весенний;
Теперь, подобно лани,
Чья жизнь уходит с кровью через раны,
Ищу лекарства в травах той поляны.

Сегодня лавром лоб венчаю хмурый,
Плету гирлянды для утехи скудной;
Давно ль, спеша тропинкой изумрудной,
Окутан грубой шкурой,
Не исторгая горестные вздохи,
Я рвал цветы, ломал чертополохи?

В тени душистых сосен, что косматой
Зеленой шапкой встали на откосах,
Собаке вверив свой пастуший посох,
У мельницы крылатой
Следил я, как над ясною рекою
Поток зерна становится мукою.

Хрустальных лент зеленые извивы,
Узорное стекло меж берегами,
Где шел святой Исидро за стадами,
Ладонями лениво
Я возмущал; Амура жертва ныне,
Передаю свой глас немой долине.

Смотрел, как листья в говорливой сени
Друг другу поверяют дрожь и трепет
И слушал птицы заунывный лепет,
Ее глухие пени —
Зачем поток, что зеркала колышет,
Несется дале, а ее не слышит?

Следил за появлением приветным
Авроры, окропляющей слезами

Травинок стебли с острыми листьями
В сиянье разноцветном,
И чудилось, заплачь она сильнее —
И вся земля заплачет вместе с нею.

Так я, свободный от страстей мятежных,
Меж отроков провел молодые годы;
Ходил искать я под лесные своды
Град муравьев прилежных,
Дивился, сколь разумно племя это,
И с ними говорил, и ждал ответа.

В те дни я почитал наиважнейшим:
Удачней всех сложить напев задорный,
Рыб догонять в воде, в борьбе упорной
Из сильных быть сильнейшим,
Храбрейшему из псов доверить стадо
С красавцем-вожаком, отрадой взгляда.

Теперь, Амур, я у тебя в темнице,
И пусть за это славят твой обычай
Сверчок, что прежде был моей добычей,
И в перелеске птица,
Болтливая лягушка в луговинах,
Немая рыба в голубых глубинах.

Когда бы ты ни с чем меня оставил,
Похитив у меня миры и троны,
Когда бы от тиары иль короны
Мое чело избавил —
Вот был бы величайший подвиг, право.
Но посох мой отнять — какая слава?

Свободу потеряв, я объясненье
Нашел, зачем искать ее не стану:
Свой долг презрев, уже я не воспряну,
С ним и с собой в боренье
Боль первой раны тщетно унимаю.
О горе мне! Люблю и умираю...

ВЛЮБЛЕННОМУ ПОКОЯ НЕТ

Мадригал

Для саламандр огонь — принят всегда,
Для птицы — воздух, а для рыб — вода.
Земля покой дарует человеку,
Творенье увенчавшему от века.
Лишь я, рожденный для жестоких мук,
Несу во все стихии свой недуг:
Глаза всегда полны водой соленой,
Уста шлют непрестанно в воздух стоны,
Стопами землю мерю день за днем,
Объяты сердце и душа огнем.

**ВЛЮБЛЕННЫЙ ОБРЕТАЕТ
В СВОЕЙ ЛЮБВИ
ВСЕ СОКРОВИЩА МИРА**

Я узнал тебя, и все
В мире драгоценно стало.
Как прекрасно солнце дня!
Как в апреле розы алы!
Не гляжу я по утрам
На восшествие Авроры:
Для меня рассеять мрак
Лишь твои способны взоры.
Кто желает, пусть следит
В небе звезды и светила —
В астрологии моей
Ты давно их всех затмила.
Сколь ничтожны и бедны
Копи Азии богатой,
Коль ласкаю я рукой
Локонов любимых злато.
Пусть жемчужница живет
Безбоязненно в пучине:
Я к устам лобзаньем льну,
В них нашел я жемчуг ныне.
Не страшусь теперь судьбы,
Столь безжалостной со всеми,
Не пугаюсь перемен,
Что несет с собою время.
Чтоб твою отсрочить смерть,
Время прекратит течение,
Ибо ты — его краса,
Лучшее его творенье.
И о счастье небесам
Я мольбой не докучаю,
Хоть блаженству своему
Срок, увы, недолгий чаю.
Пусть любовь обманна — ей

Каждый счастлив покориться,
Ведь подвластны в мире все
Кипрской ветреной царице.
Объявлю на целый свет,
Что тебя прекрасней нету,
И войну еретикам,
Кто не верит в догму эту!

ПЕРЕОДЕВШИСЬ ПРОСТОЛЮДИНКОЙ, ФЛОРИС ИДЕТ НА ЯРМАРКУ

Идет на ярмарку Флорис,
Да что ей безделки эти —
Сама ведь она чудесней,
Чем все чудеса на свете.
Пускай на Флорис мантилья,
Но щек ее бархат алый
Пылает зарей весенней
И блещут уста-кораллы.
Ведь, как ни старайся небо
За пологом тьмы укрыться,
Ночные расскажут звезды,
Откуда их свет струится.
Сокровище модных лавок
Ее простая мантилья, —
Ну чем не лавка сокровищ
Прекрасная Флоресилья!?
А платье на ней какое!
Уж так оно сшито ловко,
Что все совершенства Флорис
Подчеркивает обновка.
Да это ж сама Аврора, —
Я вижу ее такую, —
И с каждым шажком богини
Рождается по левкою.
Икар ее солнц огромных,
Улов белокурой сети,
Хочу я восславить Флорис,
И вот они, строки эти:

«Не знает она пощады,
Мантилью сбросит —
И вот уже смерть лютует,
Влюбленных косит.

О, эти глаза-кинжалы
Меж век атласных,
Они и в ножнах сражают
Сердца несчастных!

Я вижу: она к мантилье
Подносит руку, —
За что обречен я, Боже,
На эту муку?!

Я вижу ресницы, веки —
Мороз по коже!
А вот и зрачков атака —
Помилуй, Боже!»

ПОРТРЕТ КРАСАВИЦЫ

Я слепну, Марика,
Глядясь в твои очи:
Возможно ль не слепнуть,
Взирая на солнце?
Весь мир подчинен
Их победному взору,
Злой рок их бежит,
Им удача покорна.
Измены тебя
Не порочат, но красят:
Двуличная — дважды
Ты ликом прекрасна.
Богатому скряге
Твой рот подражает:
В нем столько жемчужин
И нет подаянья.
Ланиты твои
Ароматную прелесть
Взаймы дать могли бы
Румяному лету.
Из кос твоих можно
Чеканить червонцы,
Ковать из кудрей
Золотые короны.
От пальцев исходит
Незримое пламя,
Сердца ледяные
Легко расплавляя.
Все ждут, все томимы
Надеждою страстной,
А я — я утратил
Недолгое счастье.

**ЛЮБОВЬ, ЗАПЕЧАТЛЕННАЯ В ДУШЕ,
ПРЕБУДЕТ, КОГДА НЕ ОСТАНЕТСЯ И ПЕПЛА**

О, если б от любви мне умереть,
Чтоб, от нее родясь, мной завладела
Смерть, дочь ее! Блаженной нет удела,
И рай мне — жизнь из-за любви презреть!

Огню, что жжет меня, не отгореть
В душе, куда б она ни отлетела;
И в пепле, где б ни тлел он, охладелый,
Мой пламень верный будет жив и впредь.

Когда за Летою суровой сгину,
Не усыпят мне боль ее струи;
И, тенью став, я память не отрину.

Забвенье победят красы твои,
Мой пыл и вера чистая — судьбину;
Рай для меня — любить в небытии.

ОБРЕЧЕННЫЙ СТРАДАТЬ БЕЗ ОТДЫХА И СРОКА

Еще зимы с весной не кончен спор:
То град, то снег летит из тучи черной
На лес и луг, но их апрель упорный
Уже в зеленый облачил убор.

Из берегов стремится на простор
Река, став по-апрельски непокорной,
И, галькой рот набив, ручей проворный
Ведет с веселым ветром разговор.

Спор завершен прощальным снегопадом:
По-зимнему снег на вершинах бел,
Миндаль весенним хвастает нарядом...

И лишь в душе моей не запестрел
Цветами луг, любовным выбит градом,
А лес от молний ревности сгорел.

Валюша дитя, милое бы
Румяному лету
Из нас, твоя нежность
Чеканить старалась
Каждое слово
Золотые кресты
От ладони исходят
Нагнанные плаги,
Сердце желанье
Легко расплывался
Все жут, все тоска
Надеждой страстной,
А, а — а утраты
Недалеко счастья.

**ИСТОЧАЯ СКОРБНЫЕ ЖАЛОБЫ,
ВЛЮБЛЕННЫЙ ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ ЛИСИ,
ЧТО ЕЕ РАСКАЯНИЕ БУДЕТ НАПРАСНЫМ,
КОГДА ЕЕ КРАСОТА УВЯНЕТ**

О смерти я давно судьбу молю:
Жизнь, Лисида, мне смерти тяжелее.
Любимым не был я, но не жалею,
Что без надежд любил я и люблю.

Сирена, я твой нежный взгляд ловлю:
Чем бездна сумрачней, тем он светлее...
Меня напрасно привязали к рее —
Ты напоешь погибель кораблю.

Погибну я. Но каждое мгновенье
Твою весну пятнает поступь дней.
Когда же не оставит разрушенье

И памяти от красоты твоей,
Тогда бывшее вернуть цветенье
Ничья любовь уже не сможет ей.

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА РОЖДАЕТСЯ, ЖИВЕТ, РАСТЕТ И СТАНОВИТСЯ ВЕЧНОЙ

О Лисида! Уж долгих десять лет
Живу я, солнцем глаз твоих пронзенный,
С тех пор, как в них увидел отраженный
И красотой удвоенный рассвет.

Остылой крови ток огнем согрет —
Он десять лет горит, тобой зажженный...
И десять лет для мысли ослепленной
Другого солнца в этом мире нет.

Однажды осенила благодатью
Меня навеки красота твоя
И вечной на душу легла печатью.

В ней тайн бессмертья причастился я:
Она не сдастся времени проклятью,
Над ней не властна бренность бытия.

ЛЮБОВЬ НЕИЗМЕННА ЗА ЧЕРТОЙ СМЕРТИ

Последний мрак, прозренья знаменуя,
Под веками сомкнется смертной мглою;
Пробьет мой час и, встреченный хвалою,
Отпустит душу, пленницу земную.

Но и черту последнюю минуя,
Здесь отпылав, туда возьму бывшее,
И прежний жар, не тронутый золою,
Преодолеет реку ледяную.

И та душа, что Бог обрек неволе,
Та кровь, что полыхала в каждой вене,
Тот разум, что железом жег каленым,

Утратят жизнь, но не утратят боли,
Покинут мир, но не найдут забвенья,
И прахом стану — прахом, но влюбленным.

УПОРСТВО ЛЮБВИ, ЛИШЕННОЙ НАДЕЖД

Как медленно и как неумолимо
Плетется смерть и как она желанна!
Далек и долог путь самообмана,
Кричат во мне слепые пилигримы.

Сознание спит, а истина незрима —
Ее так долго прятали румяна,
Что не надеюсь выйти из тумана,
И жизнь и явь, как сон, проходят мимо.

Сменила чрево матери темница,
Сменю ли я темницу на могилу,
Тоски не одолеет и могила.

То подступает смерть, то сторонится,
Но все хитрит и, набирая силу,
Заботится, чтоб пытка не добила.

СЕТОВАНИЯ ВЛЮБЛЕННОГО ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

Что ж, против смерти возражений нет.
Я умереть согласен и не скрою —
Моя кончина в мир пришла со мною,
В день моего рождения на свет.

Но сердце, что пылало с ранних лет,
Святилище, любовью обжитое,
Но тело как оставить сиротою —
Слепой необитаемый скелет?

Геенна страсти — этот адский круг
Мне издавна казался отчим краем.
Не хватит слез оплакать мой недуг!

А все же не напрасно мы сгораем:
Мне рай с тобою стоил стольких мук,
Что муки преисподней станут раем.

**УЛОВКАМ ХИТРОУМНЫМ
НЕСТЬ ЧИСЛА,
НО ВЕДЬ И СМЕРТЬ ИСКУСНА**

Подруга-Смерть, ты убиваешь время
Со мной, а не меня, и понапрасну;
Отправься лучше к тем очам прекрасным,
В которых и любовь моя, и бремя.

А впрочем, если б знала ты, что с теми
Случается, кто к ним стремится властно...
К ним даже Смерти подступать опасно:
Вдруг превратишься ты в иное племя?

Я — в пламени рожденная горсть праха,
Которая притулилась у края,
Пока любви не отпылает плаха.

О Смерть, вернись! Моя мольба немая
Да будет впредь избавлена от страха:
Несправедливо отвергать, не зная.

**ЛИСИДЕ С ПРОСЬБОЙ ДАТЬ МНЕ ЦВЕТЫ,
ЧТО У НЕЕ В РУКЕ,
И ВЗЯТЬ ЗА ОБРАЗЕЦ СЕБЕ РУЧЕЙ**

Я знаю, ты уйдешь, но обещай мне
Уйти, как эта влага ключевая
Минует берега, не забывая
Цветами одарить их на прощанье.

Сдержи великодушно обещанье,
И как земля сухая, но живая,
Останусь я, от жажды изнывая,
Но хоть былинкой скрасив обнищанье.

И пусть уйдешь ты, радуясь разлуке,
Пусть я твоей красе обязан болью,
А сам тебе смешон, как эти муки,

Но дай мне искупить себя любовью
И, одного покинув на излуке,
Неси прощальный голос мой к низовью.

**О ТОМ, ЧТО СОЛНЦЕ РАСТОПИТ
АЛЬПИЙСКИЕ СНЕГА, А ГЛАЗА МОЕЙ ЛИСИ
НЕ РАСТОПЯТ ЕЕ ХОЛОДА**

Я вижу, как январь состарил горы,
Поникшие под тяжелой сединою,
Как на вершины солнце ледяное
Глядит украдкой, словно из-за шторы,

И где прогреет зимние заторы,
Во льду струна отгадет за струною
И, тронутые лаской неземною,
Певучие польются переборы.

Но мне не увидеть, пока не сгину,
Как отогрело, тронутую взглядом,
Грудь твоей воздушную вершину.

Чем крепче жар, тем холоднее рядом,
И в собственной золе горю и стыну,
Завидуя счастливым водопадам.

К ЛИСИ

Редондилля

Тот, кто с возлюбленной в разлуке
Скорбит безудержно в тиши,
Подобен телу без души
И обречен на скорбь и муки.

Разлука — смерть души и тела;
В отъединении дана
Телам возможность лишь одна —
Страдания, боли без предела.

Когда б, все чувства сохраняя,
Я жизнь, отвергнутый, влачил,
Как тело без души бы жил,
Законы смерти попирая.

Кто, душу лгущую покинув,
Лишь тело по свету влечет, —
С разъятым царством сходен тот:
Еще живет, уже погибнув.

Мне смерть милей, чем одиноко
В юдоли горестной блуждать;
Лишь мертвым можно блага ждать,
Судьба отвергнутых жестока.

Усопший может ждать спасенья —
Отвергнутый надежд лишен;
Усопшего ждет вечный сон,
Отвергнутого — униженья.

О нет, не мни, что, разлученный,
Жизнь сохранить желаю я:

В тебе осталась жизнь моя,
И вот я — смерти обреченный.

Я от тебя ушел, страдая,
И, зная скорый свой конец,
Пред тем, как стану я мертвец,
При жизни по себе рыдаю.

Но стонов грудь не исторгает,
И плакать больше нету сил:
Все слезы я давно излил
На пламя, что меня сжигает.

РУЧЕЙ

Сильва

Как по камням вприпрыжку
Ты мчишься, клокоча,
И солнцу на алтарь несешь ледышку —
Счастливый дар священного ключа!
О, как, пригретый царственным светилом,
Гордишься ты своим студеным пылом
И, приобщась к весенней кутерьме,
Бросаешь вызов дряхнувшей зиме!
Уйми-ка лучше свой порыв хвастливый,
Не то, когда на следующий год,
Уже озлившись, вновь зима придет,
Припомнятся тебе твои порывы.
Раскованность, увы, толкает в плен, —
В природе всё во власти перемен,
И, волею небес, метаморфозы
Вершит, кочуя, каждая пора:
Морозом остужается жара,
Жарой испепеляются морозы.
И пусть весна приходит растворить
Хрусталь твоей темницы, —
Как ей уgomониться
И лету не доверить эту прыть!
Боюсь, твоя свобода — лишь насмешка:
К чему такая спешка,
Ведь, воспарив, твой испарится ток;
И на весну тебе роптать бы надо.
А что зима?! Радужная прохлада,
Чтоб, наскакавшись, ты остынуть мог.

ЛИРИЧЕСКАЯ ЛЕТРИЛЬЯ

*Роза, чем гордишься ты
Пред незнатными цветами?
Завтра сменятся шипами
Пышные твои цветы.*

Для чего тебе гордиться,
Роза, прелестью своей?
Умираешь ты скорей,
Чем успеешь народиться.
Плакать нам иль веселиться,
Видя в тот же самый день
Жизни цвет и смерти тень?
От восхода до заката
Исчезает без возврата
Совершенство красоты.

*Роза, чем гордишься ты
Пред незнатными цветами?
Завтра сменятся шипами
Пышные твои цветы.*

Видеть спесь твою нет мочи —
Всех ты краше, но смотри:
Выйдя из пелен зари,
Ты наденешь саван ночи.
Век твой царственный короче
Дней любого сорняка, —
Нет Аврорина цветка!
И смеется, нам кивая,
Мальва, грива луговая,
Чьи обычаи просты.

*Роза, чем гордишься ты
Пред незнатными цветами?
Завтра сменятся шипами
Пышные твои цветы.*

СОЛОВЬЮ

Десима

Пернатый свист, румянящий восток,
Солист крылатый, трель паренья,
Живая гамма оперенья
И дисканта кастальский ток.
Поведай нам, порхающий цветок,
Всевидающей гармонии зеница,
Прочерченная по небу граница,
Где с трепетным прекрасное слилось, —
Ну как в одной пичуге удалось
Такому контрапункту угнездиться?

НОСАТОМУ

Навек был некто к носу прикреплен,
Был нос семи колен носов началом,
Был муравьед лесной с небритым жалом,
Был вставший на дыбы со страху слон.

Таких гробниц не строил фараон,
Таких шестов никто не мазал салом,
Таким и Рим гордился б кардиналом,
Таких носов не пел и сам Насон.

Носейший архинос, в морях галера,
Под крепостными стенами таран,
Весло, бушприт, двуствольная пещера.

Его Носейшество, носов тиран,
Бутылка неоглядного размера,
Изряднейший лиловый баклажан.

ОСВОБОДИ ЖЕНЩИНУ ОТ БОЛЬШЕЙ И ЧУЖДОЙ ЕЙ ЧАСТИ — ИЗ ТЕХ, КОИ ЕЕ СОСТАВЛЯЮТ

Поскольку муж не вместе спит с Филеной,
И ртом они единым не едят,
Взгляд видит только четверть, а наряд
Три четверти скрывает неизменно,

Поскольку с ним она одета денно,
А ночью тело с головы до пят
Пуховики хранят, что ценный клад, —
Поскольку это так, то несомненно

Ты, Фабио, не должен быть смущен
Тем, что в твоих объятиях, нагая,
Она вкушает сладостнейший сон.

Так много носит женщина любая
Белья, что есть в сравнении резон:
Не женщина — корзина бельевая.

К АПОЛЛОНУ, ПРЕСЛЕДУЮЩЕМУ ДАФНУ

Небесный ювелир, в багрец одетый,
Лучей не трать, окажешь всем услугу,
Не ценит Дафна их, бежит с испугу,
С ней хочешь быть — дай денег, а не света.

Светило, моему внемли совету:
Купи ее любовь, скажу как другу —
За побрякушки отдал Марс кольчугу,
Меч променял на тряпки и конфеты.

Коль в кошелек Юпитер превратится,
То, чтобы дождь собрать, весьма доходный,
Охотно юбку задерет девица.

Дуэньи — те звездою путеводной
Избрали плутовство. Чего ж стыдиться?
Плутуй и ты, плати монетой сходной.

* * *

Слова твои, Херонимо, — обман!

С Хинесой сделал ты меня рогатым?

Нет, не рогатым — сытым и богатым

Я стал благодаря тебе, болван.

Ты лоб украсил мне? В сырой туман

Ты дом украсил мне ковром мохнатым.

Рогами стан мой отягчен? Куда там!

Скорей, деньгами отягчен карман.

Поэтому смешны твои попытки

Прозвать меня рогатым, да к тому ж

Ты мной обобран до последней нитки.

Не тот рогатый, кто срывает куш,

А тот, кто рад платить, неся убытки,

За те объедки, что оставил муж.

ДВЕ РАЗНОВИДНОСТИ СЛАДОСТРАСТНИКОВ

Сколь ни желанна и сладка моя подруга,
Любая новая желаннее вчерашней;
Как молодит сама возможность шашней!
Как упоительно сбежать с любого луга!

Воистину благоуханна и упруга
Лишь та, которую ты не обрел домашней.
И выковыривать из неприступной башни
Все новых дев — не знаю лучшего досуга.

Ты, лишь в одной-единственной нашедший чудо;
Я, приударивший за многоногой жрицей;
Нас одолели два равносмертельных зуда.

Похожи мы, но между нами есть граница:
Я, греховодник, душу посвящаю Блуду;
Ты, блудодей, обслуживать готов блудницу.

ИСПОВЕДЬ ПО ЗАПОВЕДЯМ МОИСЕЕВЫМ

Святой отец, я ближнего любил,
И умереть мне — по его указу;
Чужой жены не пожелал ни разу,
Все там паслись, где я супругом был.

И деньги от себя свои таил,
Поскольку лишь для них боялся сглазу,
А если что скопил — все тратил сразу;
Отца и день субботний — свято чтил.

А Господа, как и земных царей,
Не поминал я никогда некстати;
Не клеветал я на своих друзей.

Сподоблюсь ли при жизни благодати?
Коль не принять грехов с души моей —
Брат Хиль, прими участие во брате!

II

**О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО В ЕГО ВРЕМЯ,
КЕВЕДО РАССКАЗЫВАЕТ
В СЛЕДУЮЩИХ СОНЕТАХ**

I

Четыре сотни грандов круглым счетом;
Титулоносцев — тысяча и двести
(Что за беда, коль кто-то не на месте!)
И брыжей миллион, подобных сотам;
Нет счету скрягам, подлипалам, мотам,
Побольше их, чем сладких слов у лести;
Тьмы стряпчих, чья стряпня — погибель чести,
Беда и горе — вдовам и сиротам;

Иезуиты, что пролезут в щелку, —
Все дело в лицемерье и в расчете;
И месть, и ненависть — за речью лживой;

Немало ведомств, в коих мало толку;
Честь не в чести, но почести в почете, —
Вот образ века, точный и правдивый.

II

Подмешивали мне в вино чернила,
Как паутиной, оплели наветом;
Не ведал я покоя, но при этом
Меня ни злость, ни зависть не томила.

По всей Испании меня носило,
Я был замаран мерзостным памфлетом,
Вся мразь пыталась сжить меня со свету,
Вся сволочь мне расправой грозила.

О кабачок, храм истины! О кубки!
О вольное житье отпетой братьи!
О резвые дешевые голубки!

Пусть состоит при короле и знати,
Кто в честолюбие ищет благодати,
А мне милее выпивка и юбки.

РАЗОЧАРОВАНИЕ В ЖЕНЩИНАХ

Блудило тот, кто у блудев в почете,
И блудень тот, кто их лелеет нежно;
Его готовы содержать прилежно
И блудуэньи, и блудуэньи плоти.

К звезде блудящей подползая в поте,
Блудяшками обмениваясь спешно,
Живя блудобоязненно и грешно,
Я назову тебя блудней на взлете.

Да будь я хоть влюбленным блудодеем,
Но брошу я тебя в конце блудянки;
Блудливый кот чужой собаки злее.

Пока не поздно — когти рвать с лежанки:
Блудонные девицы дорогуши,
Ну, а блудёнки мелочны и злющи.

II

Поджигивали мне в зано чернила,
Как лагуниль, дилели настом;
Не ждала в поком, но зно том
Меня ты злосте, до злосте не томил.

По всей Испания меня носили,
Я был замаран жерлостным памфлетом,
Вся мрля пыталась свить меня со злосту,
Вся сволочь мне распрямко гримала.

О ЧЕЛОВЕКЕ БЕДНОМ И ЖЕНАТОМ

Правдивейшее это показанье
О муже, что достоин стать святым;
Пускай спознался он с грешком каким,
Ведь жизнь его — сплошное покаянье.

К жене прикован, нищетой томим,
Он тещины изведаль истязанья;
Был шурин у него — как наказание
И сын — характером не херувим.

Меж кузницей и мастерской каретной
Он обитал; всегда был жизни рад,
Хоть не видал в глаза монетки медной;

Нуждою да несчастьями богат,
Жил мучеником: был женатый, бедный;
Содеял чудо: умер не рогат.

ОБ ОПАСНОСТЯХ ЖЕНИТЬБЫ И О ПРИЧИНАХ НЕЖЕЛАНИЯ ВСТУПАТЬ В БРАК

Зачем, скажи мне, Поло, дерзновенно
Ты Музу мою будишь ото сна,
Храпевшую дотоль самозабвенно?

Не знаешь что ль: не лавр, а белена,
Чтоб оставаться в спячке беспробудной,
В оцепененье, ныне ей нужна?

А коли знаешь, то зачем паскудный
И оглушительный заводишь вой?
Так жди жестокой трепки, безрассудный!

Почувствуй же, как с яростью живой
Летит мое перо, чтоб наказание
Тебе воздать, притом воздать с лихвой.

Я отвечаю на твое посланье,
Что гадостнее, чем кишечный гул.
Небось, уже ты замер в ожиданье?

Ужели я когда тебя надул?
Иль, может быть, жену твою ославил?
Иль дочь твою, украв, продал в Стамбул?

Иль вел себя с тобою против правил?
Иль, может, в оны лета на костер
В Куэнке твоих прадедов отправил?

Ведь в бедах, что терзают с давних пор
Тебя, ничуть я, право, не повинный.
За что же ты готовишь мне позор

И нудишь мне со злобой беспричинной,
Чтоб я женился? Ужаса озноб
Я ощутил, узнав твой план бесчинный.

Но прежде, чем ко мне приступит поп,
И прежде, чем я соглашусь жениться,
Что все равно как заживо лечь в гроб

Иль добровольно сесть навек в темницу,
Язык я вырву, чтоб не молвить «да», —
Уж лучше дара речи мне лишиться!

Чем в брачный плен попасться навсегда,
Уж лучше пасть мне от руки злодея;
Уж лучше бремя рабского труда

Влачить мне у османа иль халдея
И преждевременный обречь конец,
Чем покориться игу Гименея.

Пусть женится отчаянный глупец,
Которому твой брак не в поученье,
Пусть он берет тебя за образец.

Жени его, чтоб длить его мученья,
Но, право, лучше б стал ты палачом
И тут же удавил без промедленья.

Но, видно, ты устал грести веслом
На брачной сей галере, поделиться
Желаешь им с таким же дураком.

Пожалуй, стоит игроку жениться,
Чтоб телом, если в кости не везет,
Жена бы заработала, блудница.

Торговкам телом мир утратил счет,
Товар их очень бойко продается,
Притом приносит неплохой доход:

Он — словно из бездонного колодца,
Сколь ни продай, не вычерпать никак,
Всегда он у торговли остается.

И кто расчетлив, тот вступает в брак,
Чтоб то, за что с других сдирают плату,
Бесперебойно получать за так.

А вот купец кичливый и богатый,
Тот женится, затем что жизнью всей
Желает походить он на магната.

Портной берет жену, что потощей,
И промышляет он продажей платья,
Она — продажею своих мощей.

А изверг, что достоин лишь проклятья,
Жену берет, чтоб мучать и препон
Не ведать в этом мерзостном занятье.

Врач женится, зане мечтает он
Жену лечить, а труп после кончины
Располосует он со всех сторон.

К тому ж сказать не ложно, что едины
В стремлении загнать друг друга в гроб
Обычно в браке обе половины.

Ну, а ученый в брак вступает, чтоб
Мог путаться с его женой унылой,
Язнов кроме, и приходский поп.

Венчается писака, чтоб чернила
Всемерно сберегать, притом с рукой
Перо вручает он подруге милой.

Из перьев сотворил один такой
Себе крыла и вот вовсю порхает,
Рогатой помавая головой.

Ужели жизнь моя тебе мешает?
Почто, скажи, ускорить мой конец
Тебя неудержимо подмывает?

Я не женюсь! Я не такой глупец!
Поведаю, коль дашь мне позволение,
Что говорил про брак один мудрец.

В глубокой древности в одном селенье
Почтенный жил и мудрый философ,
Терпевший от соседа поношенья.

Сосед ученый был, но сквернослов,
И наш мудрец, пылая жаждой мести,
Пойти на что угодно был готов,

Чтоб отплатить за умаленье чести,
И наконец измыслил хитрый план,
Как отомстить, — измыслил с дочкой вместе.

Попался в злые сети грубиян:
Дочь мудреца, пресдобная девица,
Такой любовный навела дурман,

Что он не смог сдержаться, не влюбиться
И, видимо, рехнувшись головой,
На сей красотке порешил жениться

И вскорости назвал ее женой
(Безумие любви, увы, безмерно),
С рукою вместе дом ей отдал свой.

Потом отцу за то, что тот неверно
Повел себя, пенял другой сосед.
«Да ты не понял план мой изуверный, —

Немедленно услышал он в ответ. —
Я дал жену врагу и тем караю,
Страшнейший причинив на свете вред».

Поэтому врагом я почитаю
Того, кто порешил меня женить,
И мне с ним невозможна мировая.

А посему умерь скорее прыть,
Иначе быть раздору между нами,
За зло я злом сумею отплатить.

Тот, кто женат на благородной даме,
Ничуть не прочь, что полон его дом
(И спальня) сановитыми друзьями;

Не прочь, что деньги в дом текут ручьем,
Хотя каков источник, непонятно,
И исчезают без следа потом,

Что лечат доктора его бесплатно;
Глаза ему застлала пелена,
И дружба родовитых лиц приятна.

Он рад, что в драгоценностях жена,
И никогда не спросит, а откуда
Они взялись, где их берет она.

И в доме он не замечает блуда,
Богатыми подарками прельщен
(Его не удивляет это чудо),

Что сыплются ему со всех сторон,
Не понимая, что жене распутной
Прикрытием для шашней служит он.

Так для чего же, Поло, ты столь смутный
И гибельный готовишь мне удел,
Расправиться решив со мной бессудно?

Иль думаешь, что я бы не сумел
Найти веревку иль хлебнуть отравы,
Коль счесть с жизнью бы свести хотел?

Видать, ты моего не знаешь нрава:
Когда б решил покончить я с собой,
То без жены бы обошелся, право,

И Геркулеса вызвал бы на бой,
За что бы вмиг меня ждала расплата,
Иль в пропасть сиганул вниз головой.

Все в этом мире смертию чревато,
Но в женщине сошлись и смерть и ад:
Она в грехопадение виновата.

Зимой жестокой самый лютый холод,
Клянусь, тысячекратней мне желанен,
Чем пламенный жены законной взгляд.

Не стал бы, будь ты добрый христианин,
Меня карать, столь яростно гоня,
Как будто я безбожный лютеранин.

Но, видно, хочешь, оживив меня,
Полюбоваться на мои страдания,
На то, как в муках корчусь я, стена.

Но, знать, забыл, что после брачеванья,
Я, близким твоим свойственником став,
Тебе сыскать сумею наказание.

Вот я кружу перед тобой, представь,
Охотничьего пса лютей и злее,
А ты, как вол, стоишь, рога подняв,

Но я уже тебе вцепился в шею, —
И сколь башкой своей бы ты не тряс,
Тебя терзать я буду, свирепея.

О Диогене вспомнился как раз
Мне, сват любезный мой, один нелживый
И крайне поучительный рассказ.

Он по дороге шел неторопливо
И вдруг заметил, что вдали висел
На тополе труп женщины красивой.

Повешенную молча оглядел,
Подумал и такими вот словами
Он оценил картину, что узрел:

«О, если бы подобными плодами
Все деревья украсились подряд,
Они бы чтились мудрыми мужами!»

Верней реченье сыщется навряд:
Когда бы мы, как Диоген, судили,
Деревья все б оделись в сей наряд.

Мужчин тогда бы жены не зудили,
Поскольку все исчезли бы они,
И в золотой мы век опять вступили.

Небось, ответишь мне, что искони
С шипами розы дивные едины,
Но кой мне прок от этой болтовни!

Я приведу еще рассказ старинный:
Едва лишь Клавдий забывался сном,
Тотчас императрица Мессалина

(А Рим в ту пору истый был Содом)
В одежду черни переодевалась
И устремлялась в непотребный дом,

Где гнусному распутству предавалась,
Нечистой похотью распалена;
Она с клиентами там торговалась,

Когда казалась малой ей цена,
И на виду стояла без стеснения,
Как шлюхи прочие, обнажена,

И лишь ждала сигнала в нетерпенье —
То колокольца сводника был звон,
Обозначавший торго завершение, —

И принимала всех, кто б ни был он,
Исполненная страсти исступленной.
Когда же наконец пустел притон,

С постели поднималась оскверненной
И отправлялась во дворец назад,
Усталой, но неудовлетворенной.

В дворцах, как видишь, тож царит разврат,
И в доказательство привести смогу я
Знатнейших рогоносцев длинный ряд.

Себе готовит тот судьбину злую,
Кто пылким клятвам в верности жены
Даст веру, честью собственной рискуя, —

Известно всем ведь, как они верны.
Вяз, похотливою лозой обвитый,
В бесчестии своем не без вины.

Быть может, положили содомиты
На женщин строгий для себя запрет,
Зане они коварством женским сыты?

Ты скажешь, что без женщин жизни нет,
Тоскливо так, что впору удавиться,
Без них тебе не мил и белый свет,

Что это счастье — в жены взять девицу
И сына или дочку с ней зачать,
Ее любовью чистой насладиться.

Я девственниц и бесов увидеть
Стремился, Поло, чуть ли не с рожденья,
Но мне не доводилось их встречать.

Нет, видел бесов я изображенья,
А девственниц уродливых не счесть
В хлевах и во дворцах, прошу прощенья.

Да, каждый муж доволен тем, что есть:
Красой или приданым половины,
Иль тем, что у него сановный тесть.

Богатый мнит: богатство — вот причина
Любви и уважения жены,
А альгвасил считает, что дубина,

Но мне надежды эти их смешны.
Ведь всем известно, что жене болвана
Милы лишь те мужчины, что умны,

А той, что замуж вышла за буяна,
Желанен рохля, пусть и обормот;
Жена тихони любит грубияна,

И по сердцу бездомный нищесброд
Порой супруге знатного спесивца;
Жена счастливица бедолагу ждет;

На хама бы галантного учтивца
Иная поменяла вгорячах;
Коль муж доверчив, подавай ревнивца,

А коль храбрец и всем внушает страх,
То нужен робкий, с заячьей душою,
Или ханжа, когда он вертопрах.

Но оставляю сей предмет в покое,
Хоть ты своим терпением слывешь.
Не дай мне бог терпение такое!

Небось, ты надо мною громко ржешь,
Уверенный: почтенье и вниманье
Сановников к тебе — отнюдь не ложь.

Ей-ей, смешны твои мне притязанья:
Ведь ты сейчас, точь-в-точь как тот осел,
Что как-то вез Изиды изваянье.

Толпу завидя, он, бедняга, счел,
Что все его с благоговеньем ждали
И что народ ради него пришел;

Он встал, взревел, но тут же наподдали
Ему так больно палкой по бокам,
Что легче пташки он помчался дале,

Смекнув, что поклонение богам
(Осел тот был изрядно башковитый)
Положено, а вовсе не ослам.

И ты б смекнул, будь столь же мозговитый:
Не станет чтить того, кому чинит
Бесчестие, вельможа сановитый.

А коль женой, что позабыла стыд,
Делиться не захочешь, и рогатый
Останешься, и будешь палкой бит.

Когда б хотел я сделаться богатым,
Дабы в карманах денег не считать,
Всегда носить наряд щеголеватый,

То предпочел трактирщиком бы стать
И занимался гнусными делами,
Вино водою начал разбавлять,

Иль свел, к примеру, дружбу с палачами,
У них тела казненных покупал
И торговал мясными пирогами,

Или в дукат бы превращал реал,
Ростовщиком став, но, тебе подобно,
Себя б законным браком не связал,

Хотя я знаю, что тебе удобно
Жить сытно и безбедно на доход
От прелестей твоей супруги сдобной.

Тебе убытку, знай, не принесет
Какой-нибудь идальго бедноватый
Или солдат, чья жизнь — сплошной поход:

Чтоб наскрести твоей супруге плату,
Идальго брыжи отнесет в заклад,
Придется шпагу продавать солдату.

Зато тебя студент введет в наклад,
Ведь у студентов скверный есть обычай:
Они платить за ласки не хотят.

Он задерет подол со страстью бычьей
Твоей супружнице (спаси вас Бог!)
И с неумной грубостью мужичьей

Тотчас же к ней проникнет между ног,
Когда же завершит свое деянье,
Сбежит, твой не пополнив кошелек.

Хоть у меня в груди уже дыханье
Спирает: отдых нужен хоть на миг,
Я все же завершу тебе посланье.

Ты мой зовешь злокозненным язык
И уязвить меня все время тщишься,
Но я спускать такое не привык.

И пусть ты скрыть боязнь свою стремишься,
Вычитываю с каждого листа,
Как языка ты моего страшишься.

С упоминанья начал ты креста
И крестных мук, а после речь о браке
Заводишь — видно, это неспроста,

А дале накарябал на бумаге,
Что я неблагодарен и строптив,
Что о моем заботишься ты благе,

И, в прегрешеньях многих уличив,
Жестоко выбравив за нрав ужасный,
Ответить просишь, коль еще я жив.

Невестою богатой и прекрасной
Манишь меня, забыв: тщеславье — грех,
А я стремлюсь к смирению всечасно.

Желаешь мне семейственных утех,
Готовишь мне жену с большим приданым,
Суля при этом жизненный успех.

Но знаю, этим планом окаянным
Меня вконец ты хочешь погубить,
Матримоньяльным изловив капканом.

Ты пишешь, что недолга жизни нить,
Что должно нам в потомстве возродиться,
Что сам Христос велит нам в брак вступить;

Негоже, пишешь, быть подобным птице,
Что не оставит в воздухе следов,
Иль челноку, что в никуда стремится.

Я с радостью б в костер подбросил дров,
Когда бы ты на нем горел с женою,
Тебя снабдившей парюю рогов!

Одобрил брака таинство святое
Христос, зане на жизненных путях
Он нас ведет страдания стезею.

Да, память об отце живет в сынах,
Он жаждет, новой жизни став началом,
Чтоб род его продлился, не зачах,

Но дело, Поло, в сущности, за малым:
Чтоб сам он память славную создал,
А не был при супруге приживалом.

Ты мне уже невесту приискал
И сообщаешь, как она богата,
Какой у ней изрядный капитал.

Твоя забота для меня чревата,
Богатая жена мне не к чему,
Ведь укрощать ее мне будет надо.

Твердишь, что много денег я возьму
За нею, но дороже мне свобода.
Зачем стараешься, я не пойму.

Из древнего она, ты пишешь, рода,
Но стати все приукрашать слегка —
Свах древняя и вечная метода.

Ее являешь мне издалека
Подобием пилюли золоченой.
Боюсь, пилюля будет мне горька.

Хвалы поешь родне девицы оной,
Описываешь мне сестер и мать,
Как будто в них ты по уши влюбленный.

Позволь спросить, как это понимать?
Пускай от них, кто хочет, тот и млеет —
Ведь не сестер и мать мне обнимать.

Характер мягкий, пишешь ты, имеет
Она, да вот боюсь, чуть под венец
Мы сходим, он мгновенно затвердеет.

И, написав все это, под конец
Ее ты называешь чаровницей.
Ну, попадись ты только мне, подлец!

От ига женщин не освободиться
Тебе, в нем семя гибели твоей:
Готов, глупец, ты в каждую влюбиться.

Лишь не везет тебе с женой своей:
Ведь редко те, кто ходит к ней за плату,
Тебе дают попользоваться ей.

И что ни год, она от них брюхата,
Рождает дочек — хоть разок бы сын! —
И оттого твои возрастают траты.

Тьма-тьмушая твоих сестер, кузин
И свойственниц в блудилищах сноровят
По части уминания перин.

Тебя приманкою амурной ловят
Все — от соплячек до седых старух.
Соседи про тебя всюю злословят.

Вид делаешь ты, что к словам их глух,
Но раз уж мне ты не даешь покоя,
То я тебе ужо прочищу слух.

Меня ты хочешь повязать женою?
Догадываюсь, на погибель мне
Лелеешь ты намеренье такое.

Все знают: коль в уродливой жене
Того, что ждет, не сыщет похотливый,
То радости найдет на стороне,

Но коль жена изящна и красива,
Ее с другими делит муж всегда,
Сколь ни был бы он строгий и ревнивый.

Ведь титулованные господа
И богачи (кто при деньгах и в силе)
Красоткам любви, в том-то вся беда.

Блажен, кто скрылся от жены в могиле,
Блажен вдвойне, кто холостым живет,
Втройне же те, что жен похоронили!

Столь звезд не вместит летний небосвод,
Сколь в чистых девственницах, женах, вдовах
Припасено нам бедствий и невзгод.

О всяких каверзах моих и ковах
Уже давно ты, верно, извещен
В словах и выражениях суровых,

И знаешь, что давно я уличен
В таких делах, что, если разобраться,
Уже не раз я должен быть казнен,

И знаешь, что не сыщешь святотатца
Такого, чтоб сравниться мог со мной,
И что меня в округе все боятся;

Что гнусности и подлости такой
И в альгвасиле злобном не встречали:
Ко мне опасно даже встать спиной.

А коль тебе все это рассказали,
Девице оной быть женой моей,
Уверен я, захочется едва ли,

Ну, разве больше жизни ей милей
Кончина скорая и мир загробный.
Так вот, прошу тебя, все это ей

Ты распиши покрасочней, подробней:
Мол, средь студентов меня гаже нет,
Мол, я на мерзость всякую способный.

И хоть в семье родился я на свет,
Клянусь, достойной вящего почтенья,
Я, кроме прочих всех грехов, поэт.
И это ей поведай в заключение.

КАРТИНЫ ИЗ ЖИЗНИ КАБАЛЬЕРО, ПРЕДАЮЩИХСЯ ПРАЗДНОСТИ

«Была вчера прелестна донья Ана!»

«Я обожаю ледяную воду».

«Фореиторы пусть подождут у входа».

«Немедля денег раздобудь, Кинтана!»

«Граф, ваш слуга. Уже рассвет? Как странно!»

«Рысак отменный, и видна порода».

«Эй, кучер, стой!» (Дворцовые ворота.)

«Где камердинер мой? Позвать болвана».

«Король кивнул, и очень благосклонно».

«Клянусь вам честью, что за шут! Умора!»

«Одры кузена добредут не скоро».

«Цыганочке вручите два дублона».

«Ах, все шуты — мошенники и воры».

Столичные сеньоры,

Пустые болтуны и вертопрахи,

Забыв о совести и Божьем страхе,

Ведут такого рода разговоры.

ИНАЯ ПЕСНЯ

И дни и деньги, что терял с тобою,
Оплакиваю я с тоскою.
Марика, просто мочи нету,
Как жаль теперь мне и любой монеты,
Что отдал я тебе своей рукой,
И оплеух, оставшихся за мной.

Покуда ты была моя подруга,
Я думал, ты десятирука,
О трех утробах, шестинога —
Так на тебя тогда я тратил много.
Но ты двурука, ног не боле двух,
Не отличишься ничем от прочих шлюх.

Тобою — я, ты — мною обладала,
Тебя ласкал — ты отвечала,
С тобой сливались мы в объятье,
Но нынче не могу никак понять я:
Какой закон велел, какой судья,
Чтоб ты — за деньги, но задаром — я?

Меня поносишь и клянешь сугубо,
Понеже обломала зубы:
Твои клыки не растерзали
Мне сердце — ведь оно прочнее стали.
Но ты в другом успела, видит Бог:
Ты обескровила мой кошелек.

Пока я для тебя сорил деньгами,
Меня снабдила ты рогами.
Небось хотела ваша милость,
Чтоб наше счастье бесконечно длилось?
Голубушка, я больше не дурак,
Дороже поцелуя мне медяк.

Пусть кто другой тебе отныне платит —
Глупцов еще на свете хватит.
Но помни, чтобы стать любимой,
Тебе самой любить необходимо,
Быть преданной и нежной — лишь потом
Тянуться можешь ты за кошельком.

Что ж, ощипала ты меня изрядно —
Все это вышло мне накладно,
Вид у меня весьма унылый, —
Спасибо, хоть ничем не заразила:
Ощипан я, зато не без волос;
Нос натянув, ты сберегла мне нос.

Но признаю, ты мне дала немало,
Ты много меньше обещала.
Отказом ты не обижаешь
И жеребцов отнюдь не объезжаешь —
Нет, ты готова с каждым жеребцом —
Со стариком готова и с юнцом.

Живи себе доходно, беззаботно,
Живи когда и с кем угодно,
Но после родов передышку
Позволь себе хотя б на месячишко.
Но, впрочем, мой невыполним совет:
У потаскухи передышек нет.

САТИРИЧЕСКАЯ ЛЕТРИЛЬЯ

*Дивной мощью наделен
Дон Дублон.*

Золотой мой! Драгоценный!
Матушка, я без ума!
Верьте, в нем достоинств тьма.
Он кумир мой неизменный.
Верховодит он вселенной
С незапамятных времен.
*Дивной мощью наделен
Дон Дублон.*

Жил он, вольный и беспечный,
В Индиях, где был рожден,
Здесь, в Кастилье, тает он
От чахотки скоротечной,
В Генуе найдет он вечный
Упокой и угомон.
*Дивной мощью наделен
Дон Дублон.*

Ослепительный мужчина!
Что за стать и что за прыть!
Может он равно пленить
Мавра и христианина.
Всем причудам властелина
Подчиняется закон.
*Дивной мощью наделен
Дон Дублон.*

Из блестящего он рода:
Кровь золотоносных жил
Он в наследство получил
От державного Восхода.
Герцога и скотовода

Уравнять способен он.
Дивной мощью наделен
Дон Дублон.

Странно мне, что не дается
Донье Бланке дружба с ним.
Кто властителем любим —
В жизни многого добьется:
Трус сойдет за полководца,
За пророка — пустозвон.
Дивной мощью наделен
Дон Дублон.

Он главенствует в совете, —
Все древнейшие гербы
Ждут решения судьбы
От герба, что на монете.
Благороднейших на свете
Золотой чарует звон.
Дивной мощью наделен
Дон Дублон.

Несусветному уроду
Придает он красоту,
Он наводит слепоту
На судейскую породу.
Умники, ему в угоду,
Ходят к дурням на поклон.
Дивной мощью наделен
Дон Дублон.

В шествии своем победном
Он шагает напролом, —
В облаченье ль золотом,
В скромном ли размене медном.
Повелителям наследным
В дружбе с ним — прямой резон.
Дивной мощью наделен
Дон Дублон.

Дамам он особо дорог,
Тут ему отказа нет,
Этот желтый сердцеед
Знать не хочет отговорок,
На умы наводит морок
И сердца берет в полон.
Дивной мощью наделен
Дон Дублон.

Жизней тратится без счета,
Чтобы город взять мечом,
Он же золотым ключом
Мигом отопрет ворота.
Бой с ним не сулит почета,
Лезть не стоит на рожон.
Дивной мощью наделен
Дон Дублон.

БУРЛЕСКНАЯ ЛЕТРИЛЬЯ

*Посетив разок Мадрид,
Вот какой узрел я вид.*

Видел времени щедроты:
То, что было тополями,
Нынче сделалось пеньками;
Видел мост: его пролеты
Так забили нечистоты,
Что вода едва сочится;
Видел: щебетали птицы,
Люди плакали навзрыд.
Вот какой узрел я вид.

Видел много лекарей,
Что внезапно стали нищи,
Переправив на кладбище
Всех недуживших людей;
Видел: клялся брадобрей,
Что, мол, вовсе нет работы
И что в кошельке с субботы
Ни монетки не звенит.
Вот какой узрел я вид.

Видел голод, столь голодный,
Что глотать отвыкла глотка,
Что на нем уже чесотка
Сдохла, став совсем бесплотной;
Видел я, как благородный
Дон не вылезал из долга,
И я думаю, что долго
Долга он не возвратит.
Вот какой узрел я вид.

Видел сотни родников:
Хоть водой они обильны,

Жажду утолить бессильны —
Это очи бедняков;
Видел множество домов,
Толпы сирых и бездомных,
Видел, что в церквах огромных
Пламя свечек не горит.
Вот какой узрел я вид.

Видел город, что судьбою,
Столь к нему неблагосклонной,
Был низвергнут с небосклона
И повержен над рекою.
Кто бы вынести мог такое?
Пронята его страданьем,
Речка с горестным рыданьем
От него стремглав бежит.
*Вот какой узрел я вид,
Посетив разок Мадрид.*

**САТИРИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ,
ИМЕЮЩЕЕ ПРЯМОЕ КАСАТЕЛЬСТВО
К ИНЫМ ПЕРСОНАМ**

Тьмы девиц, отменно зрелых,
Строго девственность блюдут,
Но попробовать дадут
Крохи ласк, не в меру смелых.
Этих девственниц умелых
Только выгода влечет.
Кто подарки им несет,
Тот и жди от них фавора.

Вот умора!

Здесь одна вдовица бродит,
Вся-то жизнь ее — поход:
Что за месяц мавр пройдет,
То она за день проходит.
Вдовьей токой тень наводит:
Тут и скатерть, и обед,
Никому отказу нет,
Всех обслужит без разбора.

Вот умора!

Женится в недобрый час
Кавалер с пустым карманом,
Не гоняясь за приданым,
В жены нищенку припас;
Тут уже не до проказ —
Денег нет и, как на грех,
На штанах не счесть прорех,
Наготы не скрыть от взора.

Вот умора!

Женится, храним судьбиной,
Тот, кто в кодексах силен;
К бороде козлиной он

И венец припас козлиный,
В стачке с милой половиной
Он пробьется без преград —
Сколько почестей, наград!
И жена не без убора.

Вот умора!

ОГОРОДНАЯ СВАДЬБА

Дон Редис и донья Редька —
Не креолы, не цветные,
Вроде там Цветной Капусты,
Но испанцы коренные —
Поженились. И на свадьбу
Их высокоогородья,
Чьим благодаря щедротам
Кормится простонародье,
Всю свою родню созвали,
Пригласили цвет дворянства,
Тех особ, кому подвластны
Все земельные пространства.
Прикатила донья Тыква,
И дородна, и спесива, —
Оттого, что всех дородней,
И спесива особливо.
А за нею — донья Свекла,
Неопрятная уродка,
Все лицо в буграх и ямах,
Бахрома вокруг подбородка.
Вот дон Лук — торчат нахально
В шляпу воткнутые перья;
Скольких дам до слез довел он,
Обманувши их доверье!
Не замедлила Маслина:
Этой смуглой андалуске
Надо быть без опоздания, —
Без нее ведь нет закуски.
Вот дон Апельсин. Министром
Стал он, двор его возвысил.
Глянешь — гладок, верно, сладок,
А когда раскусишь — кисел.
Вот сварливый и колючий
Дон Каштан; в его владенья
Не проникнешь, не имея

Должного вооруженья.
Вот обсыпанная пудрой
Куртизанка донья Слива:
Смугловата, нагловата,
Но округлости на диво.
Вот капризная и злая
Низкорослая Горчица:
Всякий, кто не вышел ростом,
Свыше меры горячится.
Вот изящная Черешня:
Молодая — скулы сводит,
Но зато, когда созреет,
Тьму поклонников находит.
Вот ее сестрица Вишня:
Поислей, темней оттенков.
Смолоду — в цене, а позже
Продается за бесценок.
Вот обманщица Капуста:
С виду — сдобненькая пышка,
Но под массой белых юбок —
Лишь сухая кочерыжка.
Дыня — образец матроны
Добродетельной и честной:
Вид ее сулит блаженство,
Вкус, увы, довольно пресный.
Вот дон Баклажан — сияет
Лысиной своей лиловой:
В годы юности зеленой
Был он малый непутевый.
Вот дон Огурец: сутулый,
Прыщеватый, малокровный;
Сразу виден в нем идалго
С безупречной родословной.
Вот дон Кабачок. Он бледен,
Давней одержим любовью:
Даст в куски себя разрезать,
Спечь, стушить, — но лишь с Морковью.
Прибыл и двуличный Персик.
Зависть его сердце точит,

Жесткость внутреннюю скрыть он
Бархатной улыбкой хочет.

Дон Лимон толк знает в свадьбах,

Не пропустит ни единой;

Побуждаем тонким вкусом,

Судит-рядит с кислой миной.

Вот карета с доном Хреном,

Очень важною особой;

Дряхлый, скрюченный подагрой,

Жив он горечью да злобой.

Вот хвастун, бретёр дон Перец,

Он — причина слезных жалоб:

Стоит Перцу поперечить —

Вмиг глаза полезут на лоб.

Вот ввалилась донья Брюква.

Все ухватки грубиянки

Обличают в ней утеху

Школяров из Саламанки.

Но достаточно. В злословье

Перешел я грань приличья.

Впрочем, свадьбы, мой читатель,

Так скучны без злословья!

РАССКАЗ НЕУДАЧНИКА О СВОЕМ РОЖДЕНИИ И ВОСПОСЛЕДОВАВШИХ ОТ ТОГО ЗЛОСЧАСТИЯХ

«Хоть была моя мамаша
Хрупкого телосложенья,
Вышел я живым из чрева,
Чтобы клясть свое рожденье.
В эту ночь луна сияла,
Как червонец, над опушкой;
Если б знала, кто родился,
Стала б ломаной полушкой.
Я родился поздней ночью:
Солнце погнушалось мною;
Тучки тоже это место
Обходили стороною.
Ровно в полночь дело было, —
Так в какой же день недели?
Вторник и среда об этом
Препираются доселе.
Под созвездьем Козерога
Я рожден, и провиденье
Предопределило, чтобы
Стал козлом я отпущенья.
Я не обойден дарами
Прочих знаков зодиака:
Красотой я в Скорпиона,
Поворотливостью — в Рака.
Я родителей лишился,
С ними чуть сведя знакомство:
Уберечь решил Господь их
От дальнейшего потомства.
С той поры хлебнул я горя:
Столько видел черных дней я,
Что чернильницей бездонной
Мог бы стать для грамотея.
Каждый час судьбина злая

Шлет мне новую невзгону:
Коль об пень не расшибусь я,
Так ударюсь о колоду.
Если родственник бездетный
Хочет мне отдать угоды —
Вмиг родится сын-наследник:
Я — лекарство от бесплодия.
Слепота на всех находит,
Коль я еду в экипаже,
Но слепец — и тот заметит,
Как ведут меня под стражей.
Может предсказать погоду
Каждый, кто следит за мною:
Налегке я выйду — к стуже,
Потеплей оденусь — к зною.
Если приглашен я в гости,
Дело пахнет не пирушкой,
А заупокойной мессой,
Где гостей обходят с кружкой.
По ночам мужьям-ревнивцам,
Приготовившим дубины,
Чудится во мне соперник, —
Я плачусь за чьи-то вины.
Крыша ждет, чтоб подошел я,
Если рухнуть наземь хочет.
Камень, брошенный в собаку,
Мне, конечно, в лоб отскочит.
Дам займы — прощай дукаты,
И притом должник-мерзавец
На меня глядит при встрече,
Будто он заимодавец.
Каждый богачей грубит мне,
Каждый нищий просит денег,
Каждый друг мой вероломен,
Каждый мой слуга — мошенник,
Каждый путь заводит в дебри,
Каждые мостки — с надломом,
Каждая игра — с потерей,
Каждый блин выходит комом.

Море мне воды жалеет,
В кабаке — воды избыток,
Захочу купаться — мелко,
Выпью — не хмелен напиток.
И торговля, и ремесла
Мне заказаны, бог с ними:
Будь, к примеру, я сапожник —
Все ходили бы босыми;
Если б я вступил, к примеру,
В медицинское сословье —
Воцарилось бы в округе
Поголовное здоровье.
Холостым был — жил я худо,
А женился — стало хуже:
Взял я в жены образину,
Бесприданницу к тому же.
Говорят, что я рогатый;
Будь притом я травоядный,
Мне б ее стряпня казалась
Не такой уж безотрадной.
Не везет мне и в соседях:
Нет покоя даже в спальне:
Чуть рассвет — кузнец с размаху
Бухает по наковальне;
День-деньской без перерыва
Бьет башмачник по колодке;
Ночью выволочку шорник
Задаёт жене-молодке.
Если я перед сеньорой
От любовной страсти млею —
Или гнать велит монету,
Или гонит меня в шею.
Я зевну — кричат: „Разиня!”
Оброню платок — „Неряха!”
Коль румян я — со стыда, мол,
Если бледен — мол, от страха.
Бархатный камзол надень я —
Люди скажут: „Вот дерюга!”
Возведи я пышный замок —

Молвят люди: „Вот лачуга!“
Если тот, чье домохозяйство
Всем и каждому знакомо,
Позарез мне нужен — слышу:
„Только что ушел из дома“.
Тот, кто хочет скорой смерти,
Пусть мне посулит подарок:
Сей же час отыдет с миром
Без бальзамов и припарок.
И, для полноты картины
Рокового невезенья,
Я, ничтожный неудачник,
Встретил вас, венец творенья.
Сто мужчин при вас, все носят
Званье гордое „поклонник“;
Недостойный этой чести,
Я всего лишь подбалконник».

Так взывал к Аминте Фабьо.
Но прелестное создание
Не имело и понятия
О его существованье.

ПРЕИМУЩЕСТВА ПЕРВОГО ИЗ МУЖЧИН. ГЛАВНОЕ — ОТСУТСТВИЕ ТЕЩИ

«Ты не жалуйся, не плачься,
Прародитель наш Адам:
Ведь жилось тебе вольготней,
Чем теперь живется нам.
Беззаботно, беспечально
От земных вкушал ты благ:
Не было портных, торговцев
И подобных им плутяг.
И тебе подругу жизни
Бог не всучивал — пока
Не пресытился ты вольным
Бытием холостяка.
Ты когда-то за супругу
Должен был ребро отдать,
Нашим женам ребер мало —
Семь бы шкур с мужей содрать.
Ты с женой своей законной
Спал спокойно по ночам,
Нынче только муж задремлет,
Глядь — с женой другой Адам.
Ты в раю не смел касаться
Лишь запретного плода,
А у нас на всё запреты,
Хоть не суйся никуда.
В этот мир явилась Ева
Без мамыши, без отца;
Стало быть, не знал и тещи
Ты по благодати Творца.
На змею ты в злой обиде —
Дескать, в ней беда твоя,
Но поверь мне, прародитель:
Теща хуже, чем змея.
Та змея вас накормила,
Теща не змее чета:

Съела б вас она обоих
И была бы не сыта.
Будь змеей не черт, а теща,
Сожрала б она весь рай,
От Эдема бы и фиги
Не осталось, так и знай.
Мудры змеи, но добавлю,
Змей отнюдь не понося,
Что еще мудрее тещи:
Теща знает всё и вся.
Тещи подают советы
И зятьям своим твердят:
То не съешь, того не выпей!
Мол, вино и пища — яд.
Теща зятю день скоромный
Превращает в день поста,
А сама телка обгложет
От рогов и до хвоста.
Так что ты на змей не сетуй,
Дорогой сеньор Адам,
Жребий твой не столь уж горек,
Как теперь ты видишь сам.
А сменять змею на тещу
Мог бы ты легко весьма,
Ведь охотников меняться
(И с приплатой) будет тьма».

Так взывал однажды некий
Долготерпеливый зять,
Умоляя провиденье
Тещу в рай скорее взять.

ОБЛИЧАЮ ЛЮБОВЬ

Слеп Амур, но в наше время,
В том поклясться я могу,
Все увидит, только стоит
Показать ему деньгу.
Кошелек открой — он зрячий,
Душу — слепнет, словно крот.
Ложью, плутнями любого
Ловкача он проведет.
Но теперь мальчишка дерзкий
Пусть нальет в колчан чернил —
У него давно писаки
Перья выдрали из крыл.
От весьма достойной пары
В мир явился сорванец:
Мать, рожденная из пены,
Грязный и хромо́й отец.
Маму выловил из моря
Сетью некий рыболов
Для трясения кроватей,
Уминанья тюфяков.
Эта славная сеньора
С кузнецом вступила в брак,
Но при этом обожала
За длину мечей вояк.
И сама была предоброй
Кузней: все, кому не грех,
В этом горне жар вздували
И качали этот мех.
Нас любовь дурит, дурманит,
Отнимает ум и честь,
Заставляет все до нитки
На ее алтарь принести.
Так умильно умоляет
Верить, нежностью слепя,
И душой клянется, чтобы

Душу вынуть из тебя:
Вот ко мне она явилась,
Вздвев невинности убор, —
Скрыта платьем лиходейность,
Чист и целомудрен взор.
Хоть в желаниях скромна,
Принимает скромный вид,
Хочет денег, денег, денег
И надеждою манит.
Честность тут лишь при посулах,
При расчете — плутовство:
Обдирает, словно липку,
Верующих божество.
Обещание блаженства
У нее горит в очах:
Я не прочь, коль это даром,
Но за деньги я — монах.
На такие предложенья
Я машу в ответ большой,
Сплошь обтянутою кожей
Бородатой булавой.
Но когда богами были
Пауки да мошकारа,
Был Амур в великой силе,
То была его пора.
Он изрядно забавлялся,
Превзойдя всех шутников:
Юношей влюблял в скульптуры,
А девиц влюблял в быков.
Двух любовников однажды
В два яйца он превратил
И, одно сварив, глазуню
Из другого сотворил.
Он белянок в мавританок
Превращал, окрасив их
Лица черной шелковицей, —
Как красильщик был он лих.
Одного глупца он сделал
Виноградною лозой,

Даму, что тянулась к гроздьям,
Вмиг оборотил скалой.
Но ведь это — только малость
Из Амуровых проказ,
Коль припомнить все, до завтра
Я не кончил бы рассказ.

ОТПОВЕДЬ ПОПРОШАЙКАМ, КЛЯНЧАЩИМ ПОЖЕРТВОВАНИЙ

Сестры, вы зачем стучитесь?
Лепты ждете? Вот те на!
Кто толкнул вас к этой двери?
Не иначе — сатана!
Собираете вы деньги,
Что же, я — банкирский дом?
Или я — корабль, груженный
Золотом и серебром?
Я и деньги! Вот так штука!
Хочешь смеяться, хочешь плачь.
Если б не моя борода,
Был бы голым я, как мяч.
Кабы золотом владел я,
Я б его потратил сам,
Будь я болен золотухой,
Подарил бы ее вам.
Видите, в каком я платье?
Гляньте — дырка на дыре.
Плащ мой лоснится, как ряшка
Келаря в монастыре.
Вылезают мои пальцы
Из разбитых башмаков,
Как из домика улитки
Кончики ее рогов.
Набиваю я утробу,
Если в гости пригласят,
Если ж нет — я утоляю
Только свой духовный глад.
И древней окрестных зданий,
И светлей мое жилье:
Гляньте — крыша прохудилась,
Солнце светит сквозь нее.
Широки мои владенья,
Велики мои права —

По пословице: гуляка
Всему городу глава.
Если ухожу из дома,
То спокоен я вполне:
Все мое добро — со мною,
Весь мой гардероб — на мне.
Знайте, что, ко мне взывая,
Зря вы тратите труды:
Здесь вовеки не дожидаться
Вам ни денег, ни еды.
Было бы умнее кланчить
У меня луну с небес:
Тут отказывать, быть может,
Я не стал бы наотрез.
Если ж у меня монетка
Завелась бы непутем —
Каюсь, с нею бы я тотчас
Побежал в веселый дом.
С богом, сестры! Проходите!
И не появляйтесь впредь.
Высох пруд, и рыбы нету,
Не закидывайте сеть.

РАЗГОВОР ДУЭНЬИ С НЕИМУЩИМ ВОЗДЫХАТЕЛЕМ

Существо, чье назначенье
Нежным чувствам быть препоной,
Нечто среднее по виду
Меж гадюкой и вороной,
Склеп восторженных мечтаний,
Кладбище любовных писем,
Вечно бодрствующий призрак
С нюхом песьим, зреньем рысьим,
Оборотень черно-белый,
Та, кого уже с рожденья
Называют старой ведьмой, —
Словом, некая дуэнья
Так промолвила, взглянувши
Через переплет балконный
Вниз, где, испуская вздохи,
Ждал безденежный влюбленный:

«Стой, сыночек, хоть три года
Плачь, вздыхай еще печальней —
Понапрасну: слезы ценят
Разве что в исповедальне.
Коли к просьбам нет подмазки,
Ты не жди мягкосердечья:
Тары-бары без червонцев —
Тарабарское наречье.
Наделенный благородством,
Красотой, отвагой, силой,
Коль при всем при том ты беден —
Грош цена тебе, мой милый.
Не пеняй, что серенады
Остаются без ответа:
Сколь твои ни звонки песни,
Звонче — звонкая монета.
Ты дерешься на дуэлях,

Чувства подтверждая кровью, —
Попусту! Доход с убитых —
Лишь судейскому сословью.
А подарками добудешь
Ты любую недотрогу:
Надо ставить обожанье
На коммерческую ногу.
Раньше верили в посулы,
В обещанья да в рассрочку,
А теперь иное время:
Деньги выложи на бочку.
Коль пусты твои карманы,
Принимай уж без протеста,
Что тебя не замечают,
Будто ты пустое место.
Неимуший — невидимка,
На манер бесплотной тени:
Как его заметишь, если
Ни даров, ни подношений?
Вот богач, куда ни ступит,
Сразу станет общим другом,
Перед ним все двери настежь,
Всё и вся к его услугам.
Говорят, что я когда-то
И сама была девицей;
Но в дуэнях я мужчинам
За обиду мщу сторицей.
Я, чтоб насолить соседу,
Сделалась его женою;
Он скончался от удара,
Не поладивши со мною.
Вдовый я чепец надела
И, по милости Господней,
Стала въедливой святошей
И достопочтенной сводней.
Вижу я в любви и дружбе
Только куплю и продажу,
Всех за деньги перессорю
И за деньги все улажу.

Рада я помочь влюбленным,
Но, понятно, не бесплатно.
Жалок мне вздыхатель нищий:
С чем пришел — уйдет обратно.
Бог за слезы покаянья
В райские примет кущи,
Но Мадрид слезам не верит,
Если плачет неимущий.
Спит сеньора. Полно клянчить!
Не надейся на подачку:
Причитанья голодранца
Девушек вгоняют в спячку».

Выслушал бедняк влюбленный
Речи пакостные эти,
И свое негодование
Он излил в таком ответе:

«Ах, наемная ты кляча,
Скорпион ты плоскогрудый,
Чертова ты головешка,
Помесь Каина с Иудой!
Знаю я: тому, кто хочет
Совладать с нечистой силой,
Надобны священник с причтом,
Крест, и ладан, и кропило.
Вот вернусь я с крестным ходом,
И от наших песнопений,
Словно рой гонимых бесов,
Сгинет сонмище дуэний».

ПРОТИВ БЕЗУДЕРЖНОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕСТИ

Чтоб воспеть улыбку милой,
Жемчуг песнопевцу нужен:
Как же он прославит зубки,
Не упомянув жемчужин?
А вот зубы коренные,
Не в пример передним, нищи,
Хоть на них лежит забота
Пережевыванья пищи.
В мадригалах и сонетах
Непременнейшие гости —
Перламутровые ушки,
Носики слоновой кости.
Чем же провинились локти,
Что о них молчат поэты?
Челюсти, виски и скулы
Тоже вовсе не воспеты.
В виршах множество сравнений
Для слезинок вы найдете,
Но не сыщете полслова
О слюне и о мокроте.
Если дева плачет — бисер
И роса идут тут в дело;
Ну, а что мне надо вспомнить,
Если милая вспотела?
Кудри — золото; но если,
Веря стихотворной справке,
Локон я подам меняле,
Выгонят меня из лавки.
Были женщины из мяса
И костей; теперь поэты
Видят розы в них и маки,
Лилии и первоцветы.
Эх, зеленщики-поэты!
Женщинам вы не польстили,

Прелести их воспевая
В этом травянистом стиле.
Нет, с кораллом целоваться
Было б делом невеселым,
Так же, как лобзать гвоздики
Сладостно лишь разве пчелам.
Очи зрятся на деньги,
А уста подарков просят,
И, однако, виршеплеты
Без конца их превозносят.
А ведь есть тихони-бедра,
Есть бессребреницы-ляжки,
Коим не присущи зависть
И спесивые замашки.
Вот кому за бескорыстье
Посвящать должны поэты
Оды, стансы, и канцоны,
И романсы, и сонеты.
А рубинам ненасытным
И сапфирам завидующим
Лишь презренье вместо гимнов
Пусть достанется в грядущем.
Алчные уста, о коих
Приторный несете вздор вы,
Называть бы надлежало
Устьями бездонной прорвы.
Глазки, в коих блещет жадность, —
Это язва моровая,
Зубки, рвущие добычу, —
Хищная воронья стая.
Разорительны прически,
Так что волосы — бог с ними —
Даже черные как сажа
Могут зваться золотыми.
Знай, слагая гимны зубкам,
Не вкусишь ты жизни мирной:
Тощей стервой поперхнешься
Или будешь съеден жирной.

ОТВЕТ НА ПРОСЬБУ О ПРИЗНАНИИ ОТЦОВСТВА

Я, кто этому младенцу
Прихожусь отцом не боле,
Чем других мужчин штук тридцать,
То есть лишь в тридцатой доле,
Обращаюсь к вам, сеньора,
К цели наших всех усилий —
К лабиринту, в чьих проулках
Сообща мы все блудили.
Получил письмо я ваше;
Прочитавши строчки эти,
Понял, что чадолюбивей
Женщин не было на свете.
«С вас приходится» — читаю
Я в послании сеньоры;
С каждого отца подарок?
Это ж золотые горы!
Согласиться на отцовство?
Чести я такой не стою;
Подписать мне было б легче
Соглашение с Сатаной.
Счета не было, сеньора,
Бравшим вас на щит солдатам;
Войско меньшее, должно быть,
Брало Рим при Карле Пятом.
Пишете, что схож глазами
Я с рожденной вами шельмой, —
Мне сдается, ваши глазки
Разгорелись на кошель мой.
Пишете: ко мне исполнен
Он почтением сыновним
И признать по сей причине
Должен семя я свое в нем.
Все мои черты в ребенке
Знать хочу для пользы дела:

Ведь родитель есть отдельный
Каждой части его тела.
В складчину младенец создан, —
Лишь вооружась ланцетом,
Можно выделить частицу,
Сделанную мной при этом.
Кто с уверенностью скажет
О родившемся парнишке:
«Мой от шеи до колена»,
«Мой от попки до лодыжки»?
Кто вам перечислить сможет
Все, что сделал, по порядку?
Кто признается, что в спешке
Он сработал только пятку?
Нет, такие песни пойте
Евнухам, а не мужчинам:
Те, чтоб силу в них признали,
И осла признают сыном.
Не блещу я красотою,
Есть в наружности пороки:
Я левша, я лопоухий,
Косоглазый, кривобокий, —
Так что пусть меня поджарит
На костре Святая Братья,
Если мальчик добровольно
Кинется в мои объятия.
Постреленок, окрещенный
Двадцать раз по крайней мере,
Выучит ли, как он назван
И в какой крещен он вере?
То-то зрелище на славу
Нам представится во храме,
Если там сойдутся вместе
Все папаши с кумовьями!
Тут предстанет и ученый
Богослов — быть может, сыну
Он от приношений паствы
Предоставит десятину;
Будет и почтенный старец

(Жаль вот — ум зашел за разум) —
Он любой поверит чуши,
Даже не моргнувши глазом;
И виноторговец-скряга —
Мысль о собственном ребенке
Побудит его, быть может,
Разориться на пеленки.
Утверждать, что я родитель,
Неразумно и жестоко:
Истину тут распознает
Лишь всевидящее око.
Соучастник — да, пожалуй:
Был за мной грех любожества, —
Ах, к источнику отрады
Восхотел, увы, припасть я.
Пусть другие ищут гавань,
Мне ж вольней в открытом море:
Ведь когда тебя зачат,
Век свой будешь мыкать горе.
Но, раз не совсем чужой он
И моей причастен плоти, —
Верю в то, что поприличней
Вы отца ему найдете.
Я не себялюбец черствый,
Общего я не присвою:
Пусть уж для других родится,
Будь зачат он даже мною.
Всем и каждому «отцом» быть —
Это надо быть прелатом;
Мне же честь и в том, что сводне
Прихожусь я сводным братом.
Писано тогда-то, там-то;
Подписи своей не ставлю,
Ибо сочиненьем этим
Вряд ли я себя прославлю.
Не надписываю адрес,
Веря, что письмо, однако,
К вам дойдет: вас в околотке
Знает каждая собака.

КОШАЧЬЯ СХОДКА

Кровля моего жилища
В прошлую субботу стала
Местом общего собрания
Для котов всего квартала.
По чинам расположились —
Чем почтеннее, тем выше:
Наиболее маститым
Отведен конек был крыши.
Черные стеснились слева,
Белые сомкнулись справа,
Ни мур-мур, ни мяу-мяу
Ни единый из конклава.
Встал, дабы открыть собрание,
Пестрый кот с осанкой гордой,
Загребущими когтями
И величественной мордой.
Но другой на честь такую
Заявил права, — тем паче,
Что он слыл как провозвестник
Философии кошачьей.

«Братья! — вслед за тем раздался
Вопль заморыша-котенка;
Был он тощим, словно шило,
Чуть держалась в нем душонка. —
Братья! Нет ужасней доли,
Чем судьба котенка в школе;
Терпим голод, и побои,
И мучительства. Доколе?»

«Это что! — сказал иссохший,
С перебитою лодыжкой
Инвалид (не поделил он
Колбасу с одним мальчишкой). —
Это что! Вот мой хозяин,

Из ученого сословья,
Исповедует доктрину:
„Голод есть залог здоровья”.
Чем я жив, сам удивляюсь.
Адские терплю я муки,
Поглощая только знанья
И грызя гранит науки».

«Мой черед! — мяукнул пестрый
Кот-пройдоха сиплым басом.
Был он весь в рубцах, поскольку
Краденым питался мясом. —
Вынужден я жить, несчастный,
С лавочником, зверем лютым;
По уши погрязший в плутнях,
Он кота ругает плутом.
И аршином, тем, которым
Всех обмеривает тонко,
Бьет меня он смертным боем,
Если я стяну курчонка.
Пряча когти, мягкой лапкой
Он ведет свои делишки:
Покупателю мурлыча,
С ним играет в кошки-мышки.
Ем я досыта, и все же
Я клянусь свой жребий жалкий:
К каждому куску прибавка —
Дюжина ударов палкой.
Хоть не шелк я и не бархат,
Мерит он меня аршином.
Вы мне верьте — хуже смерти
Жизнь с подобным господином».

Повздыхав, все стали слушать
Следующего собрата.
Речь, манеры выдавали
В нем кота-аристократа.

«Вам поведаю, — он всхлипнул, —
О плачевнейшей судьбине:

Отпрыск знаменитых предков,
Впал в ничтожество я ныне.
Обнищав, от двери к двери
Обхожу я околоток
И свои усы утратил
На лизанье сковородок.
Должен я в чужих помойках
Черпать жизненные блага,
Ибо хоть богат сеньор мой,
Он отъявленнейший скряга.
Голодом моря, однако
Он не пнет и не ударит:
Ведь тогда б он дал мне взбучку,
А давать не может скарעד.
Нынче, из-за черствой корки
Разозлясь, он буркнул хмуро:
„Жалко бить: скорняк не купит,
Коль дырявой будет шкура”.
Неужели вас не тронул
Страшной я своей судьбою?»

Он замолк. Тут кот бесхвостый
И с разорванной губою,
Кот, что выдержать способен
Десять поединков кряду,
Кот, что громче всех заводит
Мартовскую серенаду,
Начал речь: «Я буду краток —
Не до слов пустопорожних, —
Сущность дела в том, сеньоры,
Что хозяин мой — пирожник.
С ним живу я месяц. Слышал,
Что предшественников масса
Было у меня; в пирог же
Заячье кладет он мясо.
Если не спасусь я чудом,
Вы устройте мне поминки
И на тризне угощайтесь
Пирогами без начинки».

Тут вступил оратор новый,
Хилый, с голосом писклявым.
Познакомившись когда-то
С неким кобелём легавым,
Вышел он из этой встречи
Кривобоким и плешивым.

«Ах, сеньоры! — обратился
Он с пронзительным призывом. —
То, что вам хочу поведать,
Вы не слышали вовеки.
Злой судьбой определен я
К содержателю аптеки.
Я ревенного сиропа
Нализался по оплошке.
Ах, такой понос не снился,
Братцы, ни коту, ни кошке!
Ем подряд, чтоб исцелиться,
Все хозяйские пилюли;
Небу одному известно,
Я до завтра дотяну ли».

Он умолк. Тут замурлыкал
Кот упитанный и гладкий,
Пышнохвостый, на загривке —
Жирные, в шесть пальцев, складки.
Жил давно безгрешной жизнью
В монастырской он трапезной.
Молвил он проникновенно:

«О синклит достолюбезный!
От страстей земных отрекшись,
Я теперь — от вас не скрою —
К сытости пришел телесной
И к душевному покою.
Братие! Спасенья нет нам
В сей юдоли слез, поверьте:
Заживо нас рвут собаки,
Гложут черви после смерти.

Мы живем в боязни вечной
Высунуться из подвала,
А умрем — нас не хоронят,
Шкуру не содрав сначала.
Я благой пример вам подал.
От страстей отречься надо:
Оградит вас всех от бедствий
Монастырская ограда.
Вы пройдете некий искуc,
Ознакомитесь с уставом, —
И трапезная откроет
Вожделенные врата вам.
Добродетели кошачьей
Мир не ценит этот черствый.
Хочешь быть блажен — спасайся,
Тщетно не противоборствуй.
Страшен мир, где кошек топят,
С крыш бросают, петлей давят,
Шпарят кипятком и варом,
Бьют камнями, псами травят.
Главное, что угрожает
Гибелью нам, мелкой сошке, —
То, что с кроликами схожи
Освежеванные кошки.
Ловкачами и ворами
Нас молва аттестовала:
„Знает кот, чье съел он мясо”,
„Жмурится, как кот на сало”.
А хозяева-то наши
Разве не плутуют тоже?
На сукне ловчат портные,
А башмачники — на коже.
Каждый норовит снять сливки.
Им ли укорять нас, если
Плут указы составляет,
Плут сидит в судейском кресле?
Альгвасил, сеньор мой бывший,
Прятался в чулан, коль скоро
Слышал по соседству крики:

„Караул! Держите вора!”
Братья, следуйте за мною,
Процветем семьей единой...»

Тут собрание всколыхнулось:
Явственно пахнуло псиной.
Миг — и крыша опустела,
Врассыпную вся орава,
Дабы избежать знакомства
С челюстями волкодава.
И шептались, разбегаясь:
«До чего ж ты безысходна,
Жизнь кошачья! И на крыше
Не поговоришь свободно».

РАЗБИТНАЯ БАБЕНКА РАСХВАЛИВАЕТ СВОЕГО МУЖА

Муж мой, хоть не вышел ростом,
Выше многих из мужей
Украшением, что носит
На макушке на своей.
Слова лишнего не скажет,
За обедом только смел:
Хвалит все, что ни сготовлю,
Сам не зная, что он съел.
Если вздумает браниться
(С основаньем или без),
Я молчу себе тихонько —
Пусть ругается балбес.
Разве только по бумагам
Он отец своих детей:
Я рожаю, он гордится
Плодовитостью своей.
Если я скажу, что платье
Заказала сшить к среде,
Даст мне денег и не спросит,
Где же счет и платье где.
Если дряхлая старуха
Косо смотрит мне вослед,
Пусть припомнит, как молодой
И сама жила без бед.
Если ж муженьки другие
Моего начнут жалеть,
«Есть, — скажу, — на солнце пятна,
Вам бы за собой смотреть!»

ГДЕ ОРФЕЙ ПРЕДСТАВЛЕН ПРООБРАЗОМ СЧАСТЛИВОГО СУПРУГА

В ад певец Орфей спустился
За женою, говорят;
И куда еще спускаться
За женою, как не в ад.
По преданью, шел он с песнью;
Что же, верится охотно:
Ведь покуда был он вдовый,
Жил и пел себе вольготно.
Валуны, утесы, кряжи
В немоте ему внимали;
Впрочем, если б и сфальшивил,
Расшумелись бы едва ли.
В царстве мертвых, пред глухими,
В голос плакал о жене;
Кто по глупости женился,
Плачет по своей вине.
Выплакал у них согласие,
Чтоб забрать жену из ада,
Хоть вернуть себе супругу —
Больше кара, чем награда.
Два поставили условия:
Чтоб увел, да без оглядки,
Обернется — вмиг утратит,
Строгие у них порядки.
В путь наверх жену повел он,
Первый брал крутые склоны;
Но когда мы вниз сползаем,
Нас влекут, незрячих, жены.
Все ж несчастный оглянулся;
Коли с умыслом — понятно,
Коль без умыслу промыслил,
Путь ей, так и сяк, — обратно.
Видим мы из этой притчи:
Всякий брак — такое зло,

Что вовек не быть бы счастьем,
Да несчастье помогло.
Только тот супруг удачлив,
Кто расстанется с женою,
Кто с одной и той же — дважды,
Благ удачею двойною.

О ТОМ, КАК МОИ ИЗЪЯНЫ ВИДЯТСЯ СО СТОРОНЫ

Скольким людям я не нравлюсь,
Скольких сам сужу я строго!
Мне опасней изливаться,
Ибо я один, их много.
Слухи про меня — частенько
Просто выдумки и сказки;
Но, признаться, сам я тоже
Иногда сгущаю краски.
Не на что мне обижаться,
И оправдываться не в чем —
Им и мне равно внимайте,
Как внимают птицам певчим.
Что скрывать, мои успехи
Впрямь походят на качели:
Только, смотришь, взмыли кверху —
Снова книзу полетели.
Может, впрямь я вроде дыма,
В коем снисхожденья нету:
Всех черню, вгоняю в слезы
И сиять мешаю свету.
Не вельможей я родился.
Не вельможей кончу дни,
Но ученым стать пиитом?
Мне? Да боже сохрани!
Молвят — я в мечтах витаю,
Словно бы святой Антоний,
Но при этом искушеньям
Поддаюсь без церемоний.
Говорят — я, дескать, робок,
Дескать, избегаю риска.
Что ж, быть храбрым должен Юлий,
Должен кротким быть Франсиско.
Жалуются — скупают я,
Мол, нечасто угощаю:

Как подсесть бы им хотелось
К даровому караваю.
Дескать, все мои писанья —
Из трактирного кувшина:
И недешево, и кисло,
И воды в них половина...
Впрямь, в своих я начинаньях
Часто прихожу к конфузу:
Так игрок, шары гоняя,
Их загнать не может в лузу.
Лишь к удачливым коллегам
Подойду — кричат: «Изыди!...»
А дальнейшего не смею
Повторить в печатном виде.
Сколько всякого отребья
Развелось в земной юдоли!
То-то радость этой швали
Наступать мне на мозоли.
Я, мол, как потоп всемирный
Для кропателей элегий.
Верно! И нечистым тварям
Места нет в моем ковчеге.
«Только на бурдюк он годен», —
Пущен слух по околотку;
Это выдумали злыдни,
Что заткнуть хотят мне глотку.
Я для них — чужой. Как славно!
Пусть швыряют комья грязи!
Но чтоб стал на них похож я?
Чур меня! Ни в коем разе!
*Не вельможей я родился,
Не вельможей кончу дни,
Но ученым стать пиитом?
Мне? Да боже сохрани!*

БУРЛЕСКНЫЙ РОМАНС

«Горсть каштанов и бутылка —
У огня мы коротаем
Вечерок вдвоем так славно,
Что январь нам мнится маем.
Я из всех поэтов первый
Воспеваю вечер зимний
Без потоков, вихрей, ливней —
Новшество уж ты прости мне.
В тоге — мог бы простудиться,
Мне в тулупчике уютней;
И привычней обращаться
С кочергою мне, чем с лютней».
Так я молвил, — не взыщите,
Если изъяснялся низко:
Не Белардо пел Филиде —
К Марте подъезжал Франсиско.
Я не звал ее пастушкой:
Не случилось быть ей рядом
Со скотами — коль влюбленных
Не считать козлиным стадом.
Я сказал ей, восхищенный,
Пламенный восторг не спрятав:
«О подруга, ты прекрасна,
Словно тысяча дукатов!
Ротик твой, моя голубка,
До того приятен — чудо!
Словно бы кошель раскрытый,
Полный звонкими эскудо.
Если б реже ты просила,
Чаще просьбы выполняла,
Денег бы скопил я много,
Ссорился б с тобою мало.
Подарить тебе намерен
Я сонетец с пылу с жару,
Сладостный романс, а также

Звонких редондильей пару».
С жалостью она взглянула
На бездельника-поэта,
Оценила предложенье
И ответила на это:
«Бог подаст! Ты, друг любезный,
Попусту хлопочешь, ибо
Отдавать свою любовь я
Не привыкла за спасибо».

САТИРА

Тем, кто о друзьях умерших
Новости послушать рады,
Без утайки все открою;
Я ведь только что из ада.

Там картежник есть матерый,
Здесь хитро сдавал он карты:
Что тебе он ни подсунет —
Неудачу примешь в дар ты.

Адвоката с адвокатшей
Мучат по причинам разным:
Склочным нравом муж известен,
А супруга — безотказным.

Там за глиноядство девы
Непорочные сгорают:
Словно грешниц за проступки,
Их за помыслы карают.

Там распутный содомит
В круге отроков прекрасных
Так вопит, что лимбу тошно
От стенаний громогласных.

Я дивился, что уродки
Там, в аду, не столь уж гадки;
Ад их красит, без сомненья —
На дурнушек черти падки,

Стоит в ад спуститься франтам —
Сражены все черти разом:
Франты впрямь народ особый,
Побеждают черта — сглазом.

Заразились черти модой,
Знать, пришлась она под стать им:
Ходят в локонах и брыжах,
Голубым кичатся платьем.

Там как другу мне Орфей
Страшную поведал тайну:
Он, спасая Эвридику,
Оглянулся не случайно.

Неудачник-муж молился,
Чтоб жену на небо взяли:
Пусть ревнивая мегера
Будет от него подале!

Там открыли горе-мужу,
Что супруга не строга:
Ведь, причесываясь, олух
Мог наткнуться на рога.

Есть там вдовы, что наследство
Мужа детям передали,
Но детей плутовки эти
Не от тех отцов зачали.

Здесь врачи едва плетутся,
Там за ними не угнаться,
Верно, души пациентов
По пятам за ними мчатся.

Там семь шкур спускают с тестей,
Смухлевавших на приданом,
Особливо с тех, чьи дочери
Хоть с приданным, да неожиданным.

Там, впридачу к горбунам,
Служат топливом для ада
Их родители — поскольку
Стряпали не так, как надо.

Там терзают блудодеек,
У кого мужья рогаты;
Жены — в крик: мы не грешили,
Нас пленяли лишь аббаты.

А монашек-любогострастниц
С набожными их дружками
Пепелит и сквозь решетку
Взоров и касаний пламя.

Разве только борзописцев
Не узнал я в адском гаме,
Ибо в ад они приходят
Впрямь прожженными чертями.

Кто узнать поболее хочет,
Пусть письмишко в ад отправит;
Как загнется мой портняжка —
Вмиг послание доставит.

ОТШЕЛЬНИЦА И ПИЛИГРИМ

«Ах, отшельница святая,
Ты, что в тишь уединенья
Скрылась от мирских соблазнов
Для молитвенного бденья! —
Долгой истомлен дорогой,
Молит странник Христа ради. —
Переночевать позволь мне
Здесь в покое и прохладе».

И отшельница, услышав
Столь смиренное моление,
Опустила очи долу
И рыгнула от смущенья.

«Ах, я вам состражду, отче,
В том порукой Вседержитель.
Принимать вас недостойна
Жалкая моя обитель,
Но коль вы проголодались
И утомлены дорогой —
Не побрезгуйте, отец мой,
Этой хужиной убогой».

Вводит она гостя. В келье —
Плеть, вериги, власяница...
Странника за стол сажает,
Предлагает подкрепиться.
Есть козлятина, да только
Ни полена дров в жилище.
Странник постных яств отведав,
Возжелал скоромной пищи.
С шеи сняв полпуда четок,
Пламя он разжег такое,
Что на нем в одно мгновенье
Подрумянилось жаркое.

До жаркого на закуску
Подала она орехи,
Возбудили они в старце
Тягу к сладостной утехе.
После трапезы отменной
С богомольной голубицей
За ее гостеприимство
Старец ей воздал сторицей.

О ЛЮБВИ К МОНАШЕНКЕ

Мне о Тантале вспомнился рассказ:
Как он стоит, наказанный богами,
По грудь в воде, и ветвь, дразня плодами,
Качается пред ним у самых глаз.

Захочет пить — уйдет вода тотчас,
Захочет есть — плод не достать руками;
Средь изобилья стонет он веками,
От жажды и от голода томясь.

В сей притче видишь ты, как, окруженный
Богатствами, терзается скупой, —
Мне ж видится в монашенку влюбленный:

Вблизи плода стоит он над водой,
Но, голодом и жаждой изнуренный,
Лишь иногда дотронется рукой.

* * *

Те, кто в погоне за своим товаром
Способны поднести лишь мадригал,
В ответ не удостоятся похвал,
Неблагодарность заслужив недаром.

Пуškai зудят: мол, обрекаешь карам
Ты, как Далила. Что бы там ни врал
Ударившийся в выпренность бахвал,
Ты без даров не соблазнишься даром.

Все те, кто не из Марсова колена,
Тебя к любви лишь золотом склонят,
А нет его, — как ни склоняй колена,

Бессилен шквал стихов и серенад.
Пером не завоюешь Трёмесена:
Амур — дитя и лишь подаркам рад.

ПРОДАЖНОМУ СУДЬЕ

Вникать в закон — занятие пустое,
Им торговать привык ты с давних пор;
В статьях — статьи дохода ищет взор:
Мил не Ясон тебе — руно золотое.

Божественное право и людское
Толкуешь истине наперекор
И купленный выводишь приговор
Еще горячий от монет рукою.

Тебя не тронут нищета и глад;
За мзду содеешь с кодексами чудо:
Из них не правду извлечешь, а клад.

Коль ты таков, то выбрать бы не худо:
Или умой ты руки, как Пилат,
Иль удавись мошною, как Иуда.

ВОРОВСКОЙ РОМАНС

Вот из Алькала выходят
На мадридскую дорогу
Три дружка: Антон Утрилья,
Рибас и Мартин Кирога,
Три молодчика бедовых, —
Вон плащи у них какие,
А на шляпах что за ленты —
Позументы золотые!
Так идут они к Мадриду,
Ибо Двор уже в столице.
И в корчме у Викальваро
К ним сядутся три девицы,
Три девицы, три красотки.
И для пущего веселья
Три молодчика бедовых
Им такой куплет пропели:
*«Ай да, ай да, ай да мы,
Добрались мы до корчмы!
Ай да, ай да, ай да мы,
Добрались мы до корчмы!»*

«Не в Мадрид ли вы, герои?»
«А куда ж еще, красотки?
За дружков мы там заплатим,
За баланду и колодки».
Пригорюнились девицы,
И взмолилась Марьянилья:
«Не ходи туда, мой ангел,
Там тебе подрежут крылья.
Там тюрьма стоит большая
И повсюду альгвасилы, —
Не ходи туда, мой ангел,
Не ходи туда, мой милый.
Королевский суд — короткий,
Там не судьи судят — звери,

Так и сгинешь, Антонильо,
Так и сгинешь на галере». I
«К черту! Что мне альгвасилы?!
Нож я выхвачу — и нет их.
Насадить пора на вертел
Эти чучела в колетах!»
«Ай, Антон, Господь рассудит,
Мне прощанье смертью будет!»
«Альгвасилы — псы цепные,
Избегать я их не стану.
Кровь за кровь! Клянусь, расплата
Будет им не по карману.
За кандальников, за братьев,
Заедавших голод жаждой,
Наколю я в этих шкурах
По две тыщи дырок в каждой.
После дюжины стаканов
Заявлюсь к ночи на Прадо,
Чтоб столкнуться с правосудьем,
Ведь его-то мне и надо.
Ох, уж тут нельзя не выпить,
Ох, от выпивки горяч я;
Заваруха без хмельного —
Это слякоть лягушачья.
У меня вода простая
В глотке застревает комом,
И клинок за то люблю я,
Что с водою не знаком он.
Не помогут щит с кольчугой
Этим воинам-гнилухам —
Сколько будет по Мадриду
Их валяться кверху брюхом!
Ай, Мадрид, обитель наша,
Друг ты молодцам отпетым,
Там, где ночью порезвимся,
Там и скроемся с рассветом!
Ай, Мария, Марьянилья,
Мы еще гульнем с победы,
Я вернусь к тебе, голубка,

Отомстив за наши беды!»
Ну и хватит! Бойню эту,
Эту гибельную ночь
Отложить не грех до завтра,
А сейчас я ставлю точку.
Ай да, ай да, ай да мы,
Добрались мы до корчмы!
Ай да, ай да, ай да мы,
Добрались мы до корчмы!

НА ОРФЕЯ

Когда Орфей за Эвридикой
В Аид спустился, бог Плутон
Был беспредельно возмущен
Такою дерзостью великой.
Запел пленительный Орфей,
Как никогда не пел. Однако,
Хотя Плутону в царстве мрака
Вдруг стало на душе светлей,
Багровый от негодованья,
Вернул Орфею он жену,
Что было даже в старину
Тягчайшей мерой наказанья.
Засим смягчился грозный бог
И смертному в вознагражденье
За удивительное пенье
Вновь потерять ее помог.

ЭПИТАФИЯ СЕЛЕСТИНЕ

Скучать не будет в преисподней
Та, чей талант незаурядный
Воспет у нас, что подвиг ратный, —
Она была прекрасной сводней.
Блаженство среди звезд вкушать
Не пожелала, понимая,
Что там, где святость всеблагая,
Дев даже ей не замарать.

ЭПИТАФИЯ ГРЕШНИКУ

Прожорливым червям наверняка
И зад его по вкусу, и бока,
Но, право же, не чают в нем души
Отведавшие гноища души.

* * *

Вчера не знал я женщины, с которой
Поспорить не могла бы ты красой...
Сегодня же не знаю я такой,
Которая сравнится с Теодорой.
Поверь мне, Феникс, время — волк матерый.
Вчера лишь ты в душе моей жила,
Сегодня Теодора мне мила.
Хотя она увянет так же скоро,
Но ныне ты не то, что Теодора,
Как и не то, чем прежде ты была.

ИСКУШЕНИЕ РОСТОВЩИКА

Меня ты выудила ловко
Из груди золотых монет.
Но деньги из меня, о нет,
Тебе не выудить, плутовка.

Ты знатен, ты в высоком чине,
 И здесь, сеньор, твоей гордыне
 Богатства все принадлежат:
 Твой этот лес, твой этот сад,
 Твой этот пруд в твоей долине,
 Твой этот погребок вина,
 Твое и этих звезд сиянье.
 Здесь все твое, и лишь одна
 Твоя законная жена —
 Общественное достоянье.

* * *

Все уверяют, что Элой
Себя не балует едой
И целый день молчит сурово.
Мне ненавистен друг такой,
Но вот бы мне слугу такого!

**СТАРУХЕ,
КОТОРАЯ НОСИЛА НА ЦЕПОЧКЕ
ЗОЛОТУЮ ФИГУРКУ СМЕРТИ**

Смотрю на вас я и в который раз
Теряюсь, Ана, в этой круговерти:
То вижу смерть я на цепи у вас,
То вижу вас я на цепи у смерти.
Отдайте лучше мне ее. Зачем
Старухе быть на шее у старухи?
Я с ней, костлявой, досыта поем,
А с вами смерть подохнет с голодухи.

ЭПИТАФИЯ ПОЭТУ

«Здесь спит, кто ближнему не сделал в жизни блага».

«Наверное, какой-нибудь сутяга?»

«Нет, не было ни в чем ему удачи».

«Идальго был он, не иначе».

«Нет, был он богачом, к тому же прохиндеем».

«Коль так, наверняка был иудеем».

«Нет, был разбойником, погряз в разврате мерзком».

«Он был вдовцом? Банкиром гемуззским?»

«Нет, слишком уж был глуп да и болтлив не в меру».

«Все ясно мне: покойник — кабальеро».

«Секрет открою вам: он был поэт, и вместе

Все эти доблести в одном собрались месте».

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Против женщин Испании

Я под тяжелою лежу плитой;
Будь милосерд, прохожий, и пятой
Не наступи на камень сей плиты,
Ведь лишней тяжестью меня придавишь ты.
И только женщины страны моей
Плиту не смогут сделать тяжелей.
Так вот когда за благо я почту
Их пустоту!

КУЛЬТИСТСКАЯ ЛАТИНОБОЛТОВНЯ,

*катехизис вокабул для обучения культистских
и женолатинских дам*

*с приложенным к оному чепухарем, сиречь словарем,
дабы сии дамы могли толковать и переводить словеса
нашего макаронического алкорана;
а также лабиринт из восьми слов.*

Сочинение

*лиценциата Альдобрандо Анафемы Пустомели,
обучавшегося вслепую, дипломированного во мраке,
уроженца Преисподних Одиночеств.*

Посвящается

*донье Схоластике Всезнайке де Калетино,
владычице Триязычья и Вавилона*

ПОСВЯЩЕНИЕ

Известно, что Ваша милость более знаменита описательными оборотами, нежели прическами из прелестнейших *синекдох* и *какофоний*; что в дерзновенности *гипербол* нет ей равной; что, перебрав самого Небриху, она заимела больше существительных, чем воздыхателей; что в искусстве сотворения чудищ она соперничает со святым Антонием и его искушениями и мерлинкокайностью превзошла Мерлина, — а посему я, человек в сих делах искушенный (хоть еще не искусанный), долго своим почитаю вознести Вашу милость в бездны, для прочих дам недоступные, хотя, возможно, и не очень-то звездные, и воздать Вам должное троехвостной, то бишь триязычной, плавтопунической речью (не в обиду Плавту будь сказано), адресуя Вашей милости сей светильник для плаванья по крошечным водам. Для всех

нас Ваша милость — тайна непроницаемая, страдающая недержанием загадок; любое посещение Ваше может стать предлогом экзамена для принимающих сан. В слогe своем Ваша милость повторяется чаще, чем пресловутый кабальеро «Вышеупомянутый», без коего не обходится ни одна строка в протоколах. Обликом своим Ваша милость столь же схожа с абракадаброй, сколь дождь с ливнем. Читали мы намеренно одну Вашу грамоту вместе с армянским епископом, двумя цыганами, одним почти-астрономом и одним полу-доктором. Такой мрак объял нас, будто мы провалились в яму, а перевернув страницу, мы едва не убились насмерть, наткнувшись на *постамент* и двоих *навигаторов*.

Никакие разборы и размышленья не помогали, и мы прибегли к заклинаниям — силою магии нам удалось обнаружить две полстрочки, обряженные в ветхие пакувиевы хламиды, и тут мы принялись открещиваться и кричать им «Чур меня!», как привидениям. Тысячи фу-фу-кидидов послал я по адресу Вашей милости, рассуждающей столь умопомрачающе, что поневоле вспомнишь об отлучениях и назовешь Вас Премудрой Паулиной. Ежели Ваша милость, упорствуя в темном слогe, окончательно погрузится во мрак, люди скажут, что язык Ваш подобен волчьей пасти в ненастную ночь и что через рассуждения Вашей милости без фонаря не проберешься. Да проавморит Бог Вашу милость и избавит ее от сана принцессы мрака, ибо поместье сие принадлежит сатане, князю тьмы. С подлинным верно, как пишут писцы, *grīdie idus* (накануне ид). Надеюсь, Ваша милость меня поняла, а ежели и нет, то впредь все же будет щадить наш слух.

Лицензиат Пустомеля

СВЕТЛОМУ, ЯСНОМУ, КРИСТАЛЬНО ПРОЗРАЧНОМУ
И ПОЛУДЕННО ЯРКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

*заколоченных наглухо писаний,
с пожеланием спокойной ночи*

Скорбя о том, что в наше время по нежным комплиментам дубасят палками расхожей латыни, а по мольбам влюбленных прохаживаются жесткой грамматической скребницей; и глядя на то, с каким трудом по-испански влюбленные разбирают культистские письма своих дам, и изъясняются туманно, и растаскивают по клочкам латинскую грамматику; и сокрушаясь о том, что на красоты мирской речи учейшие судьи напялили позорный балахон дурословия; и слыша, как под звон колокольчика ночные дозорные возглашают: «Помните, братья и сестры, о тех, кто погряз в смертном грехе, и о тех, кто плавает в море, а также о тех братьях и сестрах ваших, что томятся в культистском плену!», — побуждаемый всем этим, я надумал смастерить тебе сей светильник для отпугиванья слов-сов и мыслей-не топырей. Разрешено и одобрено светлейшими Венеции, не в шутку, а всерьез.

СВЕТИЛЬНИК

Дамам, приверженным сей ереси и помешанным на смешении слов, советуем вместо прежнего (когда они были еще непосвященными) способа выражаться, например: «Некто сказал то-то», «Гонсалес сказал так-то», «Верно сказал дон Хуан», говорить так: «Платон учит», «Таков принцип Стагирита», «Так утверждает Гомер». Вставая в конце визита, будет весьма кстати воскликнуть: «Ах, где мой Плутарх?» — выронив его, будто невзначай, из рукава. У такой дамы будут свои «карманные критики» вместо собачек и «ручные авторы» вместо попугаев; к соседям она пошлет «за Тертуллианом, чтобы кое-что проверить». А коль вздумается ей осуждать современных писателей, словечки вроде

«кретин», «плагиатор», «эпигон» будут для нее дороже золота.

Заурядные женщины говорят, что они делают ме-режки; культистская же дама на вопрос, что она делает, должна ответить: «Комментарии, примечания и схо-лии» — желательно к Плинию. Недомогания будут у нее «от разночтений», а в случае, ежели она забеременеет, то потребует «сырых Скалигеров». В галантерейной лавке она спросит «пояса Муссата» или «шали Кассаубона» — имена эти самые подходящие. Когда в гостях другие дамы станут жаловаться на боли в матке, пусть она ни к селу ни к городу заведет речь о том, как «утомлена чтением иноземцев». Когда спросят, чем она умывается, надо ответить: «некой жидкостью из седалища папы», то есть из Ватикана, — что не очень понятно, зато весьма по-культистски.

Пусть ежечасно поднимает крики и вопли на весь дом — да где там, на весь околоток, — требуя: «Найдите моего Квинтилиана, не то всех сживу со свету! Не думайте, что это вам сойдет, как было с Макробием!» (тут надо драть горло до хрипоты); таких выражений, с помощью Божией, никто не поймет, да и сама она, говоря на этом гермафродитном языке, перестанет себя понимать. А ежели кто скажет: «Да, я тебя понял», тот будет равен святому Антонию, не убоявшемуся адских чудищ, для других же культисток это будет загадкой. Только прося о чем-то, пусть бессечно расточает «Ваши милости», ибо «давать» — глагол трудный и чаще всего сопровождается переводом и комментарием «У меня нет».

Далее следует

ЧЕПУХАРЬ,

с помощью коего в кратчайший срок, без учителя, вполне самостоятельно, любая женщина может облагородить свой язык и стать занудой, каких свет не видывал, для самих чертей несносной. Метод испытан.

Мужа своего — из отвращения, вызываемого этим словом, — она должна называть «мой перманентный», «мой константный»; ему же предоставляется величать ее «моя легитимная», кроме тех случаев, когда он называет ее по имени.

Когда надо снять нагар со свечей, она скажет: «Утри сопли этому катаральному светильнику», или «Убери эти обскурантные наросты», или «Проясни аспект пламени».

Клича служанок, она не должна говорить: «Ола, Гомес! Ола, Санчес!», но «Унда, Гомес! Унда, Санчес!», ибо испанское слово «ола» означает то же, что латинское «унда», то есть «волна», и хотя служанки не поймут ее по-латыни, они все равно будут повиноваться по-испански — крушить и уничтожать все, как волны морские.

Коль надо сказать, чтобы ей купили каплуна — или зажарили, или прислали в подарок (что вероятней всего!) — пусть не называет его, дабы не напоминать о постигшей его беде, но скажет «экс-петух» или «пернатый дискант».

Вместо крепкого бульона она попросит «тонизирующий экстракт».

Ломоть хлеба назовет «фрагментом».

Так как слово «капля» напоминает о дожде, холоде и тем самым о приступе подагры, она, вместо того чтобы попросить: «Дайте мне капельку воды» или «Дайте мне две капли вина», скажет: «Дайте мне подагру воды» или «Дайте мне две подагры вина».

Слепой узел она назовет «узлом-побирушкой».

Сыр — «млечной ветчиной».

Оруженосца — «манипулятором».

Чтобы не сказать: «У меня месячные» или «регулы», она, вспомнив о том, что дни, когда предписан пост, обозначают красным, скажет: «У меня нынче красный день», а ежели собеседник имеет ученую степень: «У меня нынче пурпурные календы».

На вопрос «Как поживает Ваша милость?» она, чтобы не отвечать избитыми и истасканными словами «К услугам Вашей милости», скажет: «Я адъюнктирована Вашей милости». А ежели захочется подпустить чувства — «Я экстазно аффектирована Вашей милости».

Драку назовет «палестрой», испуг — «паникой», невежество — «профанством». Вместо «Я в сомнении» скажет «Я в дубитации». Вместо «Подайте мне кусочек дичи» попросит «кусочек вздора», но пусть остережется говорить так, если хозяин дома — охотник.

Она не скажет: «Дай мне вина», но, культивируя свой слог, попросит: «Дай мне провинность», ибо «вино» и «провинность» — одного корня и никакой беды тут для желудка не будет. Некая дама, слышал я, просила свести ее в таверну «со здоровыми сосудами», то есть где наливают полную меру и где сосуды таковы, что из них впору пить португальским карнавальным великанам.

Пучок волос ученая дама назовет по-культистски «наследство», так как его оставляют в память о покойницах; а на плюсквамкультистском наречии скажет: «Я ношу эхо завитого черта», либо «врага человеческого без „дья“» (ведь враг и «дьяволос» — это один черт, а если убрать «дья», останется «волос»!); и также назовет его «квази-дьявол», но пусть будет осторожна и не скажет «волосатый пучок», дабы не допустить неприличия.

Олью назовет она «полуденная кормилица», а вместо «Я буду есть олью» скажет: «Сейчас я обольюсь», и, возможно, окажется права в двух, а то и в трех смыслах. Шум назовет «резонансом», костер — «крематорием».

Вместо «Я люблю воду со льдом» скажет: «Я люблю воду с зимними горностоями, с водяными сырками, с декабрьским стеклярусом, с замерзшей ватой, с белым мясом облаков», ибо высказывать свою мысль разнообразно — искусство весьма ценимое.

Ни одна культистка с дипломом всех четырех спряжений не назовет карету каретой, дабы ей в ответ не раскаркались вороны. Нет, она прикажет: «Аурига, заложи улицеход!» — и, хоть я рискую вызвать свалку среди

возниц, я буду отстаивать это словечко как лучший товар моей прозы.

Если дама-культистка стара — что бывает нередко, — то за туалетом она не скажет служанке: «Намажь мне румянами щеки и припудри морщины», но выразится так: «Наиордань мне саван моего лица и засыпь эти могильные рвы». А приказывая окрасить свои седые космы, промолвит: «Сокруши эти серебряные века, затемни эти лучи зари». Когда ей, беззубой, надо попросить, чтобы рот ее заполнили вставными зубами из чужих костей или камешков, она скажет: «Доктор, забросайте мне челюсти камнями», или «Вы видите, у меня голос без костей».

Если же дама молода, но лицо ее, точно ведьма, вот-вот вылетит в трубу — так густо оно намазано, — она не должна говорить, что употребляет притирания, но скажет: «Нынче привирание пошло на пользу моей красоте».

Желая сказать, что мажет руки кремом, выразится так: «Десять моих обманщиков приняли смягчительную ванну».

Чапины она назовет «потомки пробкового дуба», «пробковые пьедесталы», «котурны красоты», «нули, прибавляющие рост».

Вместо «Я не одета» скажет «Я безоружна» и сошлется на трактат Вегеция.

Новшество назовет «новацией».

Дуэний будет величать «трауроносные», а ежели на этот эпитет заявят права кипарисы, то, пока суд да дело, даст им прозвище «безмужницы».

Хоть бы ее резали на куски, не скажет: «Я беременна на третьем или на четвертом месяце», но задаст загадку: «Девять разделить на три или к двум прибавить два», — пойми, кто может!

Во время визита не попросит: «Пододвиньте мне, пожалуйста, кресло» — это было бы ей горше казни! — но скажет: «Приблизьте, пожалуйста, заупокойное» или «реквием», не опасаясь услышать в ответ заупокойные молитвы.

Входящих будет называть «ингредиентами» — назло аптекарям и алхимикам.

Не скажет: «Я ношу туфли малого размера» или «У меня маленькая нога», но — «Я ношу бискайские туфли», «У меня лаконическая нога».

Коль случится попросить прохладительного напитка и вафель, истинная культистка скорей умрет от жажды, чем вымолвит эти слова. Она скажет: «Подайте мне жидкого морозу и воспоминание о причастии». А ежели на столе будут крендели, назовет их «сахарные вензеля», и дай бог чтобы ее поняли и подали желаемое! Так следует изъясняться в харчевнях.

Вместо «Это удивительно» скажет: «Это адмирально».

Слоеный торт назовет «двуличным плутом».

Чтобы не сказать: «У меня прическа не в порядке», выразится так: «У меня не в порядке мои атрибуты».

Пажа назовет «юниор».

Вместо «поблизости» скажет: «в минимальной дистанции».

Вместо «Я устала вконец» скажет: «Я агонизирую» — и услышь ее бог!

Вместо «Подмети пол» прикажет: «Подмети нецелое».

Сорочку назовет «черно-белой птицей».

Скажет не «окруженная», но «обциркуленная».

Главу двадцати четырех членов севильского аюнта-мьенто назовет «Сеньор двухдюжинный» — соблюдая точность в счете.

Вместо «Мне не везет» скажет: «Мне не транспортирует».

Не скажет: «Ваша милость меня убедила», но «Ваша милость меня аргументировала».

Когда случится попросить жаркое или пирог с трюфелями, она, дабы не употреблять пошлых слов, скажет: «Дайте мне тропического мяса и пирога с плодами земли».

«Меланхолия» всегда будет звучать лучше, чем «печаль».

Чтобы не сказать попросту: «У меня колики от ветров», культистка выразится так: «У меня в желудке сражение эолов и зефиров».

Если врач попросит руку, чтобы пощупать пульс, ни в коем случае нельзя говорить: «Возьмите!» — это ужасное слово не должно звучать в устах женщины. Пускай мужчины говорят: «Возьмите, Ваша милость», но культистка скажет: «Пальпируйте мой пульс».

Выражая соболезнование, следует говорить не «слезы», но «лакримы», не «похороны», но «сепультация», не «гроб», но «саркофаг».

Не забывать слова «монумент»!

И ежели вдовец или другой, кому выражают соболезнование, благодарит, надо напомнить ему про «урну», «астральные сферы» и «пряжу Парок».

Остатки обеда надо называть «рудиментами», а десерт — «финальным аккордом».

Когда надо попросить: «Дай мне два яйца, отдели белки и оставь желтки», культистка скажет: «Дай мне два эллипсоида петушиной супруги, отдели светлую, некультистскую часть, а золотой остаток свари».

Яйца всмятку следует именовать «моментальные эллипсоиды».

Настоятельно советуем, к месту и не к месту, произносить слова «ретардация», «интерпелляция», «иллюминация» и особенно «прецедент» и «метаморфоза».

Вместо «У меня светлые комнаты» надо говорить: «У меня иллюминированные апартаменты».

Говоря о проповедниках, следует их называть «методическими», «элоквентными», «эрудированными», «импозантными», «инвективными» и «гиперболическими».

Спринцовку или шприц культистка назовет «латунным недругом», а клизму — «втирушей, сующейся в чужие дела».

Чтобы не сказать попросту: «Ваша милость скорее скуповата, чем щедра», она скажет: «Кошелек Вашей милости страдает скорее запором, чем недержанием».

А когда, бывает, гости засидятся и беседа затянется, у иных дам иссякают запасы культизмов, приходится ла-

тать разговор простыми неучеными словечками, а под конец, желая «доброй ночи», и вовсе переходить на добрый испанский. В таких трудных случаях мы советуем воспользоваться «лабиринтом из восьми слов», которыми можно заполнить любой разговор.

Восемь слов: «поелику», «сохранять», «приветливый», «недоверие», «промах», «уступать», «восхвалять», «жаждать».

В виде подкладки и дополнения предлагаются еще: «галантный», «любезный», «вкус», «соперничество», «верно то, что», «усилия», «трудно», «хотя бы».

Пример культисловия

Нескончаемая пряжа из нелепостей, обо всех предметах трактующая, не выходя за пределы восьми слов. На случай если у Латиноболтушки заstopорится ее трещотка, советуем говорить так:

«Хотя бы недоверие и уступило, любезность галантна, если жаждет похвально; соперничество — это промах вкуса, но все же, будучи любезным, пребудешь и галантным; и верно то, что при недоверии трудно сохранять приветливость, а также при восхвалении соперников, а также когда уступают усилиям, коим, хотя бы и с приветливым видом, было высказано недоверие в галантности, поелику таким усилиям не доверяли».

Почаще повторяя «верно то, что» (оно связует любые архинелепости) и уснащая речь множеством «поелику», наша славная культистка будет без труда расточать глупости в любом обществе.

Ежели она последует этим советам, да поможет ей латынь, ежели нет — наш испанский черт ее побери! Аминь!

АНТОНЕО МИРА де АМЕСКУА
(1573—1644)

**Гонгористы
и концептисты**

Воскликнул: «Гонгористы!»
Нагол унылым
И крылатый
Над бескрайней
Сверкала
Желтая
Соловей
И, облетев
Добрую свою и муку,
Занебесная птичка, все вокруг
Внимало ей — цыган, акробата, дурака,
Но вдруг, не зная
Прервал, кто-то вышел из заслода,
И острый
Пронзил, как меч, и вывел —
Занебесная
Устал полет на луг благоуханный,
Ах, мирок его — мирок
Монх счастливым дном и тихим бед!

Стремись к луна, в раздольные просторы,
Шалуну жизни вырвался на волю
Из-под родного крова, промывая
Жизнью и чистой соей, обтираю
Ежечасно мать, дуба и бела,
На диком свете и сажать траву

АНТОНИО МИРА де АМЕСКУА
(1575—1644)

ПЕСНЬ

Веселый, беззаботный и влюбленный,
Щегол уселся на сучок дубовый
И крылья отряхнул, собой гордясь:
Над белой грудкой клюв его точеный
Сверкал, как иней на кости слоновой,
Желтела, в перья нежные вплетясь,
Соломенная вязь;
И, облекая в сладостные звуки
Любовь свою и муки,
Зашебетала птичка: все вокруг
Внимало ей — цветы, деревья, луг...
Но вдруг, ее рулады
Прервав, охотник вышел из засады,
И острая стрела
Пронзила сердце бедного щегла —
Замолкший, бездыханный,
Упал певец на луг благоуханный...
Ах, жизнь его — портрет
Моих счастливых дней и тяжких бед!

Стремясь в луга, в раздольные просторы,
Шалун ягненок вырвался на волю
Из-под родного крова, променяв
Живительный и чистый сок, которым
Его вспоила мать, любя и холя,
На запахи цветов и свежесть трав,

На множество забав
В долинах пышных, где светлы и новы
Весенние покровы,
Где можно мять зеленый шелк полей,
Вкушая сладость молодых стеблей.
Но счастье так недолго!..
И вот уже ягненок в пасти волка,
Чьи хищные клыки
Его порвали в мелкие куски,
И, кровью залитая,
Пурпурной стала шерстка золотая.
Как высока цена
Тех радостей, что дарит нам весна!

Кичась своим роскошным опереньем,
Задумала напыщенная цапля
Достичь досель невиданных высот
И распластала крылья с упоеньем,
И взмыла вверх, и в блеске звезд, как сабля,
Сияет хохолок ее; и вот,
Под самый небосвод
Взлетев, она в безудержной гордыне
Решила стать отныне
Царицей птиц и рвется дальше ввысь,
Где не страшна ей никакая рысь.
Но недреманным оком
Узрел ее на облаке высоком
Орел и в небо вмиг
Вспарил, и птицу гордую настиг:
Остались пух и перья
От цапли и ее высокомерья.
Ах, горький сей исход —
Портрет моих несчастий и невзгод!

Гудит тугая кожа барабана,
Поют призывно боевые горны,
Построен эскадрон за рядом ряд;
Пришпоренный красавцем капитаном,
Храпя, летит галопом конь проворный
И увлекает за собой отряд;

Уже рога трубят
Желанный клич к началу наступленья,
Вперед без промедленья
Отважный капитан ведет войска;
Победа, мыслит он, уже близка...
Но что там? Строй расколот!
Был капитан неопытен и молод
И вел на бой солдат
Без должного порядка, наугад;
И в схватке той кровавой
Простился он и с жизнью, и со славой.
О, как изменчив лик
Фортуны, чью вражду и я постиг!

Красотка дама в зеркало глядится
И мнит себя Венерой в упоенье;
И впрямь не зря прелестница гордится:
В игре любовной, в сладостном сраженье
Немало ею пленено сердец;
И старец и юнец
Под взглядом глаз ее прекрасных млеет,
И перед ней бледнеет
Самой Дианы девственной краса,
За что кокетка хвалит небеса...
Но ах! Какое горе:
Откуда ни возьмись — недуги, хвори,
Нет больше красоты,
Искажены прелестные черты,
И на лице у дамы
Сплошь оспины, рубцы, морщины, шрамы.
О, горестный итог —
Сник луч, затмился свет, увял цветок!

Влекомый ветром, парусник крылатый
Скользит, качаясь, по равнине пенной;
На судне том, своей добычей горд,
Из Индии плывет купец богатый,
Тростник бенгальский, перламутр бесценный,
Духи и жемчуг погрузив на борт;
Родной испанский порт

Блеснул вдали — корабль уже у цели,
Все флаги ввысь взлетели,
И щедрые дары купец раздал
Тем, кто отчизну первым увидал.
Но... рулевой небрежный,
В тумане не приметив риф прибрежный,
Наткнулся на утес,
Который в щепу парусник разнес,
И поглотили воды
Купца, его надежды и доходы.
Все кануло на дно,
Где счастье и мое погребено!

К вершинам ваших совершенств, сеньора,
Веселый, беззаботный и влюбленный
Мечты моей заоблачный полет
Победой славной был увенчан скоро —
Ей удалось, любовью окрыленной,
Развеяв холод и расплавив лед,
Достигнуть тех высот,
Где красоты слепящее светило
Мне душу озарило,
И радостный поток
Понес по морю страсти мой челнок...
Ах, в этот миг победный
Я, как щегол и как ягненок бедный,
Как цапля в вышине,
Как капитан на резвом скакуне,
Как дама и как судно,
Играл своей удачей безрассудно.
Так, жизнь сгубив себе,
Я сплавил судьбы их в своей судьбе.

Та прочная колонна,
Что жизнь мою держала неуклонно,
Подточена, и вот
Лишь женщина — последний мой оплот.
Судьбы моей твердыня,
Ты на песке построена отныне!

ПЕДРО де ЭСПИНОСА
(1578—1650)

ПСАЛОМ

Тебе возносит небосвод хваленье,
На всем — твоя ладонь,
Земля и море, воздух и огонь,
И книга сердца моего — творенье
Твоих могучих рук;
Все, что я зрю вокруг,
К смирению склоняет
И жаждою любви воспаляет;
Но своеволие, увы, сильней.
Ты все читаешь сам в душе моей:
Я глух, мой Боже, к чудесам священным,
Какие ты, с усердьем неизменным,
Являешь мне, любя.
Скажи, Господь, кто научил тебя
Бутон весенний выводить из почки
И украшать столь дивно лепесточки,
Чтоб радовали взор?
Откуда — розы царственный убор,
Где дремлют ароматы,
Лилеи завиток витиеватый,
Гвоздики тонко вышитый узор?
Где взял ты кисти,
Чтоб разукрасить ириса цветок,
Прорисовать все жилки и разводы?
Откуда ты извлек
Луну и солнце — очи небосвода,

Лампады яркие ночей и дней?
А эту горсть огней —
Дрожащих драгоценных слез Вселенной?
А этот беглый факел дерзновенный,
Летающий знак беды?
А гибкую материю воды —
И все ее извивы, переливы,
Что ропота полны
И, как душа, прохладно прихотливы?
А возмутителя морской волны,
Полуседой от бурь и треволнений, —
Родителя смерчей и наводнений?
Скажи, а Мать-Земля
На чем покоится? Царей палаты,
Громады гор, цветущие поля
И берегов испытанные латы,
Что отбивают приступы морей...
О мой всевышний Бог! Ответь скорей,
Я продолжать не смею:
Ты мощью оглушил меня своею.

О ПОЗНАНИИ САМОГО СЕБЯ

Поток, забывший свой исток смиренный,
Гремит, катясь меж склонами крутыми,
И воинству дубов грозит своими
Волнами ярыми, и брызжет пеной;

И возрастает силою надменной,
И мчится к морю все неотвратимей,
А там — теряет мощь и топит имя
В пучине безвременной, неизменной.

Но ты безумнее трикрат, без страха
Стремящийся за тению лукавой
Дорогой невозвратной и печальной!

О смертный, сын ничтожества и праха,
Как можешь ты, спеша за брэнной славой,
Забуть свой край святой, первоначальный?

ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЕ МАРИИ

Как мореход усталый впадает в скорбь и горе,
Застигнут бурей лютой в пучине беспредельной,
И мается при виде опасности смертельной
В плюющем черной пеной, беснующемся море,

Но вдруг — о счастье! — видит, с надеждою во взоре,
Огни Святого Эльма на башне корабельной
И прекращает ропот, бессильный и бесцельный,
И в порт благополучно приводит судно вскоре, —

Так я, скитаясь в море отчаянья и гнева,
На гибель обреченный средь гор и впадин водных,
Звезду свою утратил и веру в провиденье,

Когда твой свет увидел — о Пресвятая Дева! —
Очей твоих сиянье, благих и путеводных,
Что путь мне указали до гавани спасенья.

К ЛЕТНИМ ВЕТЕРКАМ, С ПОДНОШЕНИЕМ ЦВЕТОВ

Охапку роз пурпурных, что впервые
Узрело небо на груди Авроры,
И лучшие из лилий, чьи уборы
Белей, чем гор вершины снеговые,

Я подарю вам, ветерки живые!
Обвейте лик моей прекрасной Флоры,
Чтоб солнца жгучего шальные взоры
Не обожгли ее ланит и выи.

О странники небесные, взгляните:
Свежи, как нимфы девственной объятья,
Мои цветы — прекрасней всех на свете!

От слез рассветных — их жемчужны нити,
От солнца — блеск, от Флориного платья —
Шелк лепестков и ароматы эти.

ОРТЕНСИО ПАРАВИСИНО (1580—1633)

ПОСЛАНИЕ ЧЕРНЫМ ОЧАМ

О дивные черные очи!
Ваш раб, нарушая молчанья смиренный обычай,
Ум, сердце, а молвить короче —
Себя целиком объявляющий вашей добычей,
Почтет за безмерное счастье,
Коль встретит у вас он к его вдохновенью участие.

Подобные звездам лучистым,
Что вкраплены в черную неба ночного порфиру,
Мерцаньем высоким и чистым,
Сулящим бессмертие света померкшему миру,
Вы блещете, дивные очи,
Похитив сиянье у дня, цвет похитив у ночи.

Два зеркала — верх совершенства
(Любовь да послужит для вас драгоценной оправой),
Смягчите бальзамом блаженства
Страданья мои, причиненные сладкой отравой.
Надеяться небо велит нам, —
Иль могут быть очи хрустальными, сердце гранитным?

О вы, ледяные озера,
Где тонет мой дух, захлебнувшись бездонною жутью!
Точь-в-точь как в забаву для взора
Стекло покрывают с изнанки сверкающей ртутью,
Так вас небеса зачернили,
Дабы там свой образ узреть в полной славе и силе.

Из Индии нам мореходы
Привозят алмазы и жемчуга скатные груды;
Лишенья терпя и невзгоды,
Везут из Китая песок золотой, изумруды —
Однако в их грузе богатом
Сокровищ нет равных двум этим бесценным агатам.

Вы, очи, две черные шпаги,
Подобны клинкам вороненым толедской работы:
Коль метите в сердце бедняги —
Спасения нет ему, с жизнью покончены счёты,
И, черным покорствуя чарам,
Он падает, насмерть поверженный первым ударом.

Любуюсь я, сколь грациозно
Врага вы слепите каскадами выпадов ложных;
Оружие ваше столь грозно,
Что ранит смертельно оно и тогда, когда в ножнах,
А раненый враг поневоле
Скрывает свое упоенье от сладостной боли.

Как жизнь холодна и бесцветна
Для тех, кому сердце не жжет ваше черное пламя!
Неволю сношу безответно,
Не ропщет мой дух, он простерся во прахе пред вами,
Но жду я с терпеньем упорным:
Любовь да воздаст мне за все этим счастьем черным!

АЛОНСО ХЕРОНИМО
де САЛАС БАРБАДИЛЬО
(1581—1635)

---

* * *

Ты судился круглый год,
Скупердяй и плут отпетый,
Но скорбишь ты, что и этой
Тяжбы близится исход.
Чем напрасно сокрушаться,
Ты женись-ка, милый мой,
И до сени гробовой
Будет с кем тебе тягаться.

Сеньор, без всякого стеснения
Бегите от глупца заранее:
Он вас лишит уединения
И не составит вам компании.

Что нужно вам и чем вы можете,
Мне не известно.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

Вам же, как и мне, не нужно знать,
Что вы хотите.

ЛУИС КАРРИЛЬО де СОТОМАЙОР (1582—1610)

О БЕССМЕРТИИ МЫСЛИ

Самой земле — да что земле! — внушала
Светилам зависть красота чела,
Которое ты к небу вознесла,
Когда Сагунт — о башня! — украшала.

И вот лежишь руиной обветшалою,
И камни повилика оплела:
Она твою обиду приняла,
На скорбь твою легла, как покрывало.

Повеет ветер — и мощной нет стены.
Что устоит пред властью бесконечной,
Которой крылья Времени грозны?

Взгляни же, путник, в горести сердечной
И знай: бессмертье, стойкость, мощь даны
Не камню и не бронзе — мысли вечной!

О ДЕРЗНОВЕННОСТИ МЫСЛИ И ОБ УТЕШЕНИИ

Служа заблудшему, вы заблудились.
Прочь, мысли дерзкие! С меня довольно
Шагов, что завели в тупик невольной,
Шагов, что на распутьях заблудились.

Что нужно вам и чем вы возгордились,
Мои печали вознеся крамольно?
Ведь вам подобных покарала больно,
Ведь боги на дерзнувших осердились.

Даруют жизнь моим досужим думам
Сосна могучая, ручей проворный
Здесь, в милой сердцу роще сокровенной.

Но ветром древо зыблется угрюмым,
Но мчит без усталости поток покорный:
Страшится мощный, слезы льет смиренный.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОБ ОПАСНОСТЯХ, КОИМИ ГРОЗИТ МОРЕ

Ты снова, мысль моя, стремишься в путь
По волнам, что вчера тобой играли,
Выводишь снова челн в морские дали,
Раз море гнев умерило чуть-чуть.

И хоть уже пришлось тебе тонуть
И ризы влажные сушить в печали,
Хоть бури первый твой корабль разъяли,
О мысль, ты с новой страстью рвешься в путь!

Ты видишь на песке обломки эти?
То море говорит с тобой без слов —
Вся мудрость вечная в его совете.

Пусть грозных не страшишься ты валов,
Ждет риф тебя, тебе не жить на свете,
И я тебя оплакивать готов!

Повеет астр — и мощной нет стены,
Что устоит пред властью безграничной,
Которой кризис Времени грозит?

Видели жг, лутцы, в горах та сарлчвой
И знаи: бессмертье, стойкость, мощь даны
Не ханю и не бронзе — мысли ветной!

В СВОЕЙ БЕДЕ ПОЭТ СРАВНИВАЕТ СЕБЯ С ФАЭТОНОМ

Ты пал? О да — ведь ты дерзнул, храбрец.
Дерзнул ты? Да — и пал, о дерзновенный.
Твой прах сокрыт в могиле белопенной,
А слава в небо вознесла венец.

К чему ты был покорен, о юнец,
Судьбе (ошибка горькая!) надменной?
Чьи слезы льются? То янтарь бесценный,
Дар Гелиад, дань любящих сердец.

Решился ты, отвагою младою
Подвигнутый, достичь своей мечты;
Огнем объятый, принят был водою.

И я, пусть не достигнув высоты,
Тебя, бесстрашный, превзошел бедою:
Пал, неоплаканный, — и пал, как ты.

О БЫСТРОЛЕТНОСТИ ВРЕМЕНИ

Как ускользаешь ты легко, незримо!
О время, как ты мчишься быстролетно!
Увы, тиран, в руке твоей бесплотной —
И сам я, и все то, что мной любимо!

Хочу остановить — несешься мимо;
Бегу вослед — ты скрылось беззаботно;
Тебя искал — и тратил я бессчетно:
Пока искал — терял невосполнимо.

Унижен я судом твоим жестоким:
Косе твоей даровано всеилъе;
О, горечь правды, сердцу непонятной!

Я жил слепым, но в бедах стал стооким
И вижу: вдаль тебя уносят крылья,
И я тебя утратил безвозвратно.

ПРИМЕР ТОГО, ЧТО ВСЕ НА СВЕТЕ ПРЕХОДЯЩЕ

Боясь хозяйских окриков и кары,
Пегас в былом, с терпеньем бедняка
Влечет он плуг и сносит боль пинка,
Прикрыт рядом, униженный и старый.

Он, злато презиравший, в битвах ярый,
Ослаб и одряхлел, дрожат бока:
Ему, смиренному, страда тяжка,
Ему, смиренному, тяжки удары.

Сопровождал его ретивый бег
Лишь огонь его дыханья; долгий век
Сломил того, кто первый был меж всеми.

Пред правдой, юный, он не трепетал,
Но вот последний день его настал:
Всему несет конец седое время.

О ТОМ, ЧТО НАДОБНО СТРАШИТЬСЯ БЛАГОПРИЯТСТВА ФОРТУНЫ

Мое чело и думы вознеслись
Над пеленою туч, густой и темной,
И в страсти честолюбья неумной
Мне даль — земля и мне светила — близь.

Глядел орлом, орлом взмывал я ввысь,
Но знаю, что крыла мои заемны,
И страшно пасть мне с высоты огромной,
Отколь уже другие сорвались.

Они презрели рок, фортуны, время,
И сами — гибели своей виной;
Но я-то прав во всем и перед всеми:

Коль прахом я паду во прах земной,
Причиною — не злодеяний бремя,
Нет, то злосчастье завладело мной!

О РАЗЛУКЕ ПОСЛЕ ОТПЛЫТИЯ НА ГАЛЕРЕ

Властитель-ветер отдал свой приказ —
И паруса несут галеру споро.
Прощай, далекий брег! Прощайте, горы, —
Я возносился мыслью выше вас!

Полны соленой влагой чаши глаз,
Куда ни глянь — соленых вод просторы;
Все горше мне утрата, о которой
С тоской и скорбью думаю сейчас.

Уже не виден за грядою пенной
Высокий кряж, любимый с давних пор;
Суров он, моря приговор надменный!

Таков же и разлуки приговор —
И все ж стремлюсь я мыслью неизменной
К тебе, о госпожа, за гребни гор.

ГОРЬКАЯ ПРАВДА О ЖЕСТОКОСТИ ЛЮБВИ

Коль, в душу заглянув свою, застану
Ее во власти призрачной и милой
Обмана, что сама она просила,
Сочту я легким бремя, легкой — рану.

Но если не поддамся я обману
И душу боль охватит с прежней силой,
Взмолюсь Амуру: «Исцели, помилуй!
Меня преследуешь ты слишком рьяно».

Звезда меня жестокая мытарит;
Влача незрячих подозрений бремя,
Не вижу благ, провижу лишь мученья.

И лишь одно сулит мне исцеленье:
Кончину мне в свой срок подарит время,
Но знаю: мне и жизнь оно подарит.

**ОДНОЙ ДАМЕ,
КОТОРАЯ ТО ОТКИДЫВАЛА ПОКРЫВАЛО,
ТО СНОВА ПРЯТАЛА ЛИЦО**

Ты на меня взглянула — и одел
Мне лик (о, счастье!) ясный блеск светила;
Ты покрывало снова опустила —
И мрак ночной всем миром завладел.

О Лиси, как печален мой удел,
Поймет лишь тот, кем правит та же сила:
Сама Аврора свет свой погасила,
И мрак моей душою завладел.

Но, не смиряясь с темнотою ночною,
Я горько сетовал — и вновь блеснит
Светило дня красою неземною,

И песнь душе о нем благовестит;
Так образ твой всегда владеет мною,
Открыт ли взорам иль от взоров скрыт.

К ЛИМОНУ, КОТОРЫЙ ОДНА ДАМА БРОСИЛА С БАЛКОНА СОЧИНИТЕЛЮ

Любимец неба, золотистый плод,
Ты дорог мне в сей доле безотрадной:
Как мысль моя, свет солнца пил ты жадно,
Как мысль моя, низринулся с высот.

Луч солнца ты? За что ж светило шлет
Тебя в изгнание? Лиси беспощадна!
Иль, может, ты — звезда, что безоглядно
Покинула родной небесный свод?

Но падают ли звезды с неба в руки
Несчастному? Ужель разят лучи
Того, кто неповинно терпит муки?

О сердце, покорись и замолчи!
Сей плод звездою будет мне в разлуке
И малым солнышком в моей ночи.

РОМАНС

Грусть велит мне песни множить,
Горе — волю дать рыданиям,
Жизнь велит мне умереть,
Чем терзаться, изнывая.
Их печальным зовам внимлю,
Беспощадной мукой маясь:
Только мук недоставало
Мне для пущего несчастья!
Полнят слезы мне глаза,
Их в озера превращая,
В тех озерах тонет мука,
Но никак ей не уняться —
Слишком слезы солонь;
И томлюсь я, неприкаян.
От рыданий онемев,
Не могу стихи слагать я:
Немоты недоставало
Мне для пущего несчастья!
Смерть ищу я, смерть зову —
Не дожидаться, не дозваться:
Эдак жить недоставало
Мне для пущего несчастья!
Виноватый без вины,
Сам себя готов карать я:
Так велит мне мысль-тиран,
День и ночь меня тираня.
Хоть судьба ко мне щедра,
Шлю ей пени да роптанья,
И за то, чего в них нет,
Зол на наши времена я.
Знаю, не поймут меня,
Мастер путано писать я:
Вот чего недоставало
Мне для пущего несчастья!

ЭКЛОГА

Избавившись от плена ледяного,
Ручей смешливый к морю держит путь,
Чтоб вволю отдохнуть
И позабыть про зимние оковы, —
И серебром излук
Он изумрудный прорезает луг.

Деревья, что клонились, еле живы,
Под тяжким грузом снежной седины,
Свежи и зелены,
Вонзают в небо кроны горделиво,
Так высоки — смотри! —
Что их касается стопа зари.

На зависть небу лето устелило
Ковром из звезд-цветов простор полей,
И, чтоб сиять светлей,
Ревнивое крадет у них светило
Их блеск и, с высоты
За звезды мстя, палит огнем цветы.

Кочевник-ветер, кроткий и влюбленный
(И ветер не свободен от любви),
Признания свои
Твердит полям и рощице зеленой
И, чтя любви закон,
Цветы целует, травы нежит он.

Не правда ль, Фабью, радостное лето
Божественно и прелести полно?
Так вот, ничто оно
В сравненье с той, что, вся в сиянье света,
Владеет мной всегда,
Венец красоты и чистоты звезда.

ПЕСНЬ

Снега сошли, оделся луг травой,
Зазеленел красавец вяз кудрявый,
Через доли и дубравы
Стремит река бег неустанный свой
И стелется в угоду
Мосту, — и ропщет ток, и пенит воду.

Ты видел, как земля, нема, седа,
Подобно небу зимнему, белела, —
Но вот она надела
Убор зеленый, сбросив бремя льда,
И день в потоках света
Блаженно возвещает радость лета.

Тот, кто войну с самой землею вел
(И устрашал могучую сурово),
Кто дуба векового
Расшатывал несокрушимый ствол,
Исполнясь ликования,
Крадет из уст цветов земли дыхание.

Неслышной осень явится стопой
С колосьями, с плодами наливными
И красками своими
Пробудит зависть радуги самой,
А там опять готовы
Смешливой речке ледяные оковы.

Но все ж надежда — мне оплот она —
Амуру лютому надменно скажет:
«Пусть снег на землю ляжет, —
Придет ко мне та, что, как снег, холодна.
Дождусь зимой Селину,
Коль раньше от напрасных мук не сгину».

**ХУАН де ТАССИС-и-ПЕРАЛЬТА,
граф ВИЛЬЯМЕДИАНА
(1582—1622)**

**БЕСЕДА ДВУХ ПАСТУХОВ О ПРАВЛЕНИИ
КОРОЛЯ ФИЛИППА IV**

— Наш король могуч, велик,
Трепет он внушает свету.

— Нам знаком он по портрету,
То личина, а не лик.

— Значит имя для царей
Больше, чем для прочих — сила.

— Имя — только звук, мой милый,
Человек всего важней.

— Молод наш король годами,
Но суров, умом глубок.

— Знаешь, правду видит Бог,
Да и сами мы с глазами.

— Хищных он изгнал мздоимцев,
Он с предателями крут.

— Да другие тут как тут:
Худших он пригрел любимцев.

— Безупречны имена
Всех, кто у него в фаворе.

— Те ли, эти ль — вор на воре,
А ворах одна цена.

— Взял он в свой совет вельмож,
Что радетельны на диво.
— Если пчелка нерадива,
Скуден сбор и нехорош.

. . . . .

— Вкривь и вкось дела пошли,
Кой-кому здесь тесно стало.
— Ибо ненасытным мало
Золота со всей земли.

— Что же, есть на зло управа:
Выполнять, что решено.
— Ветру, братец, все равно,
Он ведь ветреного нрава.

— В чем же зло для государства?
Объясни, премудрый друг.
— В том, что застарел недуг
И бездейственны лекарства.

— Если б разум был в чести,
А не лесть да поклоненье...
— Что способны, без сомненья,
Лишь к гибели вести.

— Если б вздора не вещали
Нам пророки-болтуны...
— Да нажившись от казны,
Впредь ее не истощали.

— Если б людям воздавалось
Точно в меру их заслуг...
— Да бесстрашие честных слуг
Глупостью б не называлось.

— Если б Марс-кошун притих,
Не держал бы нас в печали...

— Да притом не забывали
Мы с тобой себя самих.

— Если б в глубях наших вод
Злые твари не кишели...

— Что, в судах проделав щели,
Сгубят даже целый флот.

— Если б, наконец, блюли
Все закон святой и строгий.

— И король не рвался в боги,
А министры — в короли...

— Если бы не подлецы,
Что под пару Катилине...

— Встарь нашлись — найдутся ныне
Вириаты-храбрецы.

ГЛОССА

*Снилось мне, обретенны
Сердцем радости без меры.
Мать, не дам обману веры,
Ибо сны — всего лишь сны.*

Мало шалуну с колчаном,
Что, хоть жив я, не живу:
Чувства мне прельстив обманом,
Отобрал он наяву
То, что дал во сне туманном.
Блага все — им нет цены,
Заслужить их невозможно —
Были мне в том сне даны,
Были мною непреложно,
Снилось мне, обретенны.

То, что сон мой усладило,
Горькой болью вьявь терплю.
Знать, божку угодно было,
Чтобы память пробудила
Муку чуткую мою.
Мне примнилась благодать,
Но без сладостной химеры
Неоткуда счастья ждать,
Нет мне способа познать
Сердцем радости без меры.

От обмана только зло,
Страх сильней, слабей надежды.
Облегченье вмиг ушло;
Стоило поднять мне вежды —
Вновь на сердце тяжело.
Лживы сны, познал тому
Я на опыте примеры.
Мнимых благ я не приму,

Сна нет горю моему.
Мать, не дам обману веры.

О, сколь дорогой ценой
Я плачу за обольщенья
Сладостного наважденья!
Шутит злобно явь со мной,
Шутят злее сновиденья.
Жалобы мои грустны:
Нет лекарств, а боль жестока.
Пусть сужденья и верны,
Да от них немного прока,
Ибо сны — всего лишь сны.

*Рассказать про круговерть
Жизни я своей хотел,
Чтобы изменить удел, —
За рассказ грозит мне смерть.*

*Время слишком неприветно;
Лучше ждать кончины мне
С мукою наедине,
Чем писать о ней, запретной.*

*Видно, мне сужден и впредь
Тот же горестный удел:
Он мне в муках жить велел,
В горших муках — умереть.*

*Нет беде моей исхода,
Выход же один — уйти:
Если в жизни нет пути,
В смерти будет мне свобода.*

*Жить мне — как в огне гореть,
Кто б такую боль стерпел!
Чтоб исправить мой удел,
Мне осталось умереть.*

* * *

Ни взлететь, ни пасть во прах
Не могу; но средь невзгод
Разве не благой исход —
Пред судьбой утратить страх?

Видно, я себя обрек,
Сетуя на время наше,
Зло испить из полной чаши,
А добра вкусить не смог.

Мудр иль впрямь безумен тот,
Кто под бременем обид
Благ от времени не ждет
И ничем не дорожит.

О КРАСОТЕ ВСЕГО СУЩЕГО

Прекрасное — луч трепетный рассвета,
Рожденный в бесконечной высоте;
Запечатлевшись в чистой красоте,
В нем Солнца Вечного живет примета.

Не передать достойно диво это
Искуснейшею кистью на холсте
И не сыскать слова благие те,
В которых может быть оно воспето.

Диана ль посребрила ночь луной,
Квадрига ль Феба полдень позлатила, —
Во храм преобразился мир земной,

И чудеса, что в нем любовь явила,
Под силу описать любви одной:
Мир — холст ее, слова ее — светила.

К РУЧЬЮ

Рождаясь в изумрудной колыбели,
Бегучим серебром блестит волна,
И вьется струйка, радостна, юна,
Меж светлых берегов виднеясь еле.

Оковы льда преодолев и мели,
Все ширится, все полнится она
И мчит, не зная отдыха и сна,
К гибели, к недостижимой цели.

Вот зеркало твое, вот твой портрет,
О жизнь! На крыльях суеты обманной,
В неведение грядущих горьких бед

Летишь ты к цели — к избранной, желанной, —
Чтоб в чаяньях пустых сойти на нет,
Чтоб умереть в погоне постоянной.

* * *

Пройдя чреду и радостей, и мук
По воле времени, любви, судьбины;
Надежды все утратив до единой
И цепи, ваш подарок, сбросив с рук;

Постигнув суетность всего вокруг —
И вы, и целый мир тому причиной;
Остыв душою — в этом вы повинны —
И честолюбья излечив недуг;

Вкусив покой, хотя его смутила
Угроза, жизнь мрачившая мою
И страх в нее вселившая постылый, —

Я обольщеньям веры не даю;
Скрестил я руки перед грозной силой,
Впервые в жизни побежден в бою.

* * *

Он, в белоперый облачен убор,
Брат нежный нимф из рощи густолистой,
Стремится вдаль кометой серебристой,
Стихии пенной бороздя простор.

И пусть сатир вперяет острый взор:
Не аквилон вздувает парус чистый,
А тщится белизна красой лучистой
Сравняться с вечными венцами гор.

Так пусть же, сил божественных орудье,
Гладь озера он белой режет грудью
И снега затмевает торжество!

Всё воды эти обрекут забвенью:
Мои мольбы, мое уединенье,
Мой вздох завистливый — и песнь его.

* * *

Пришел, увидел, был я побежден;
Как все, я заплатил свой долг пред вами —
В единый миг опутан был цепями
И без вины на муки осужден.

Непостижим вердикт, но утвержден.
Надежд лишенный, тешусь я мечтами,
Живу одним — своим служеньем даме,
И знаю, что умру, не награжден.

Тот, для кого надежда — преступленье,
Не может согрешить и в помышленье,
Я эту истину познал вполне.

Но коль несчастья виной сочли вы,
Конечно же, виновен несчастливый.
И оправдаться не под силу мне.

* * *

Вторично я на опыте своем
Познал, Фортуна, гнев твой и гоненья;
Ты, как Луна, щедро на измененья,
Но мне печали шлете вы вдвоем.

Надежды я теряю с каждым днем,
Сбываются одни лишь опасенья;
Не обольстясь, отверг я обольщенья,
Честолюбивым не горю огнем.

Порой читаю в немоте страданья
Слова, которые теперь таю,
Слова, в которых веку отдал дань я.

В молчанье чашу скорби изопью,
Чтоб не постигло разочарованье
Вторично страсть опасную мою.

* * *

Хоть аспид злой к твоей груди приник
И, в одоление доблести напрасной,
Из мук твоих творит свой яд опасный,
В исток отравы обратив родник,

Лови спокойствия блаженный миг
Под ширью неба безмятежно ясной:
Не слышен здесь рев бури своевластной,
Не виден времени свирепый лик.

Так, не склоняясь пред нещадным роком,
Лишь зрителями будем мы с тобой
В театре мира суетно жестоком.

Там недостойный вознесен судьбой.
Следит Фортуна равнодушным оком,
Кто победит, кто проиграет бой.

* * *

Молчанье, в склепе я твоём укрою
Перо слепое, хриплый голос мой,
Чтоб скорбь не обратилась в звук пустой,
В знак на песке, что будет смыт волною.

Ищу в забвенье смерти и покоя,
От опыта, не от годов седой;
Не перед разумом — перед судьбой
Склонюсь, дань времени платя — собою.

Желанья и надежды укрошу
И в ясности, отринув обольщенья,
Жизнь в тесные пределы помещу,

Чтобы меня не одолело мщенье
Того, чьих ков я избежать хочу
В спасительном своём уединенье.

* * *

С тех пор, как отлучен я от фавора
Фортуны, злобной и предубежденной,
Живу куда вольней, освобожденный
От уз терпенья, от его укора.

Ничто мне боле ни ума, ни взора
Не обольстит в свободе обретенной:
Одним владеет благом осужденный —
Ждет только исполненья приговора.

Быть может, безрассудство — не смирение —
Убережет того, кто от страданья
Привычного не в силах отрешиться.

И коль Судьбы неправой оскорбленья
Смягчает лишь отказ от упованья,
Лишенному надежд — чего страшиться?

* * *

Двойная мука мне в удел дана:
Когда молчу, я не в ладу с собою,
А между тем признание любое —
И новый риск, и старая вина.

Вот и сейчас угроза мне слышна:
Сулит мне кары враг, грозит бедою;
Он знает: права нет за правотою,
За все я обречен платить сполна.

Мне суждено Фортуной своенравной
Принять в молчанье смерть и злой навет:
Коль право немо, истина бесправна.

Таков подлейший времени завет:
Сойди с ума, умри в борьбе неравной,
Но воли ни перу, ни слову нет.

* * *

Пусть время множит без конца гоненья,
Обиды нанося мне ежечасно,
Я не хочу губить себя напрасно
Словами, что сказал без умысленья.

Пусть будет добрым или злым правленье
Того, кому закон и жизнь подвластны,
Мы оба — я и мой судья пристрастный, —
Не изменяясь, примем измененья.

И пусть крыла свои надежда сложит;
Мне ведомо: гибель ждет изгоя,
Что на полет решился дерзновенный.

Умри же, упованье: век твой прожит,
Коль зависть — не намеренье благое —
Врата открыла клевете презренной.

* * *

Сколь малым времени обязан тот,
Кто родился на свет в наш век бесплодный,
Когда обман и зло царят свободно,
Гонима доблесть, низости почет;

Когда ничьей души не увлечет
Пыл бескорыстья, доброты природной,
И должен быть доволен неугодный
Обидами и чередой невзгод.

Ловушки честолюбья, месть, измены;
Одно лишь правда — правый страх того,
Кто, чуя гибель, прочь спешит с арены.

Лесть ярая попрала естество,
Попрала честь, лжи даровав презренной
Всю власть закона, славу, торжество.

НА СВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В АЛЬКАЛА, КУДА ОН БЫЛ СОСЛАН

Вот я опять студентом без ученья
Здесь, в городишке ректорском и книжном,
Где волен не внимать я шаромыжным
Указам, чуждым смысла и значенья.

Пусть кто-нибудь поет в коловращенье
Двора хвалы хулителям облыжным,
Властям бессильным, судиям сквалыжным,
Тяжебщика ввергающим в мученья.

Пусть Адонис смелей усы расправит:
Марс стерпит с безразличием привычным,
Зато Венере по сердцу прикрасы.

Измену, кражу в наше время славят!
Ох, вновь я тщусь проткнуть пером обычным
Стальные новомодные кирасы!

ПРОТИВ ПРИДВОРНЫХ СОБЛАЗНОВ ЧЕСТОЛЮБИЯ

Не обольстят меня надежды впредь,
Не огорчат, рассеясь, обольщенья:
Мне дорого дались года ученья,
Смирив себя, сумел я присмиреть.

Зато могу без горечи смотреть
На перемены все и превращенья,
Как должное, приму вражду и мщенье,
Прощу обиды, чтобы их презреть.

Не обманусь, как все, тщетой придворной,
Где выгод ищут в низости позорной,
Чтоб, проиграв, изведать стыд вдвойне.

Обычай общий изменить посмею
И буду горд, коль сохранить сумею
То, что бесценно, хоть и не в цене.

Избыть бы тщетные мои стремленья,
Упрямой одержимости сродни,
Избыть бы мне надежды, жить в тени,
Обманы позабыв и сожаленья, —

И слов моих не загрязнит глумленье,
Участье добрых обретут они;
Увижу солнце я, увижу дни,
Дарящие покой и просветленье.

Склоняюсь я к прозрачному ручью
И в беге чистых вод, живящих поле,
Читаю кару зримую свою.

В одном уверился я поневоле:
Свой иск на суд я ветру отдаю,
От смутных чаяний жду лучшей доли.

НА МОЮ ВСТРЕЧУ С ОТЦОМ ПЕДРОСОЙ

Повстречался я с Педросой,
Молвить слово с ним успел.
Изгнан он, — сказал он прозой
То, о чем в стихах я пел.
Отче, нам один удел;
Нынче время не певуче:
Есть сеньор, весьма учен,
Удружил мне ссылкой он, —
Выше лирных сладкозвучий
Он железа ценит звон.

ОПИСАНИЕ КОРДОВЫ

Скорей подворья, нежели дворцы;
Кривые улочки; бездомных рати;
Здесь женщины — как жеребцы по стати
И слабосильней женщин — жеребцы;

Богач епископ, нищие купцы;
В речах уколы — кстати и некстати;
Тьмы санбенито, мало благодати;
Дрянь на виду, в загоне храбрецы;

Прокисший и поблекший Вакх в таверне;
Церера хилая; Гермес — прохвост;
Тончайший Гонгора средь глупой черни

Да провалившийся навеки мост —
Вот Кордова; кто к сей прибавит скверне,
Пускай присочинит к сонету хвост.

**АКТРИСЕ ХОСЕФЕ ВАКА ЕЕ МУЖ,
НАСТАВЛЯЮЩИЙ ЕЕ НА УМ**

«Хосефа, стольный град под стать Содому:
Благоразумно здесь себя ведите;
Чернь любит сплетни, за собой следите —
Льстецы не научили бы худому!

Верны союзу нашему святому,
На герцогов да графов не глядите;
Со всей заботливостью честь блюдите
И преданность супругу, церкви, дому».

Докончив, наш Моралес помолился.

«Ох, провались ты! Что стращаешь букой? —
Ему в ответ Хосефа, — муж отпрянул. —

Что я честна, в том честь моя порукой!»
Тут сумасброд простушке умилился
И прочь пошел. И с неба гром не грянул.

**НА ЧЕТУ НЕОБЫКНОВЕННО БЕЗОБРАЗНЫХ
ГРАФА САЛАСАРА
И ДОНЬЮ МАРИЮ ЛАСО ДЕ КАСТИЛЬЯ**

В Сейчас граф Саласар Страшило
Да Смотрелся в зеркало опять,
Х Чтоб на жену свою взирать
Са Ему не так уж страшно было.

**НА ПРИДВОРНОГО
АЛЬГВАСИЛА ДОНА ПЕДРО ВЕРХЕЛЯ**

За тысячу шагов видны
На расфуфыренном Верхеле
Брильянты, коими владели
Любовники его жены.

ЭПИТАФИИ РОДРИГО КАЛЬДЕРОНУ

I

В тебе, прохожий, горестного вздоха
Да не родит покойный Кальдерон:
Хорошее он делал столь же плохо,
Сколь хорошо плохое делал он.

II

Друзья, здесь похоронен тот,
Чья слава в мире не умрет,
Кто славно разорял державу,
Кто славно шел на эшафот,
Кто был преступником на славу.

ФРАНСИСКО де РИОХА
(1583—1659)

---

* * *

Я полон самым чистым из огней,
Какой способна страсть разжечь, пылая,
И безутешен: тщится зависть злая
Покончить с мукой сладостной моей.

Но хоть вражда и ярость все сильнее
Любовь мою преследуют, желая,
Чтоб, пламя в небо взвив, стгорел дотла я,
Душа не хочет расставаться с ней.

Твой облик — этот снег и розы эти —
Зажег во мне пожар, и виновата
Лишь ты, что, скорбный и лишенный сил,

Тускнеет, умирая в час заката,
А не растет, рождаясь на рассвете,
Огонь, горящий ярче всех светил.

* * *

В тюрьме моей, где в скорбной тишине
Лишь вздохи раздаются одиноко
И цепь звенит, сдавив меня жестоко,
Я мучаюсь — и мучаюсь вдвойне

Из-за того, что по своей вине
Я променял покой на чад порока,
На жар страстей, чтобы сгореть до срока
В оковах тяжких, жгущих тело мне, —

Как бурная волна в спокойном море,
Отвергшая родные воды ради
Чужой земли, блеснувшей вдалеке,

И к берегу, взбив пенистые пряди,
Бегущая, чтобы, себе на горе,
Окончить жизнь, разбившись на песке.

Уже Борея гневные порывы
Утихли, и холодная зима
Сошла в глубины, где гнездится тьма,
И залил нежный свет луга и нивы.

В листву оделся тополь горделивый,
Избавившись от снежного ярма,
И обвила зеленая кайма
Гвадиамара светлые извивы.

Вы счастливы, деревья: сбросив гнет
Застывшей влаги, под лучами Феба
Искрятся ваши пышные венки.

А я грущу: хотя жестокий лед
По-прежнему сжимает мне виски,
Затерян светоч мой в просторах неба.

Душа не хочет расстаться с ней.

Твоей улыбкой — этот свет и радость —

Зажел на мне пожар, и выжигает

Лишь ты, что, скорбный и измученный свет,

Тусклее, умирая в час Меланк,

А не растет, раздана на растопки.

Оголь, горючий снег всех светов.

* * *

Как я устал брести Фортуне вслед,
Надежду заблуждениями питаю!
Но, разумом их тщетность сознавая,
Свой путь вершу покорно много лет.

Льет для других звезда удачи свет,
Мне лишь одни напасти предрекая.
О, кто б поверил, что судьба людская
В себя вместить способна столько бед?

И все звучит обмана сладкий шепот
И сказочные блага мне сулит,
Хоть рок не даст дожидаться исполнения.

Но честолюбие душе велит
Поверить лжи, не слыша в ослепленье,
Как правду изрекает горький опыт.

ПРИМЕР САГУНТО

Плоть укрепи и душу закали,
Презри невзгоды и не бойся боли.
Кто вынес все, что выпало на долю,
Велик вовеки средь сынов Земли.

Знай: счастья никогда не обрели
Не знавшие страдания в сей юдоли.
Но стойкий вознесен бессмертных волей
Превыше, чем князя и короли.

Взгляни: чело героя в воздаянье
За то, что духом был несокрушим,
Зеленый лавр венчает величаво.

Так твердости в годину испытанья,
А не оружием, не стенам своим
Сагунто вечною обязан славой.

НА ПОГИБШУЮ АТЛАНТИДУ

Дону Хуану де Фонсека-и-Фигероа

По имени Атланта океан
Зовущийся, который столь сердито
Грызет волнами скалы из гранита,
К земле слепою злобой обуян,

На дне своем скрывает, дон Хуан,
Державу, что когда-то знаменита
Была, но ныне всеми позабыта, —
Прекраснейшую из подлунных стран.

Она погибла во мгновение ока.
Ответь же мне: ужель твоя печаль
В том, что судьба к тебе всегда жестока?

Как ты не прав и как тебя мне жаль,
Коль неизменности страшишься рока!
Преходит все, как ветер, летящий вдаль...

К РЕКЕ ГВАДАЛКВИВИР

Глубокой, полноводной и бурлящей,
Недавно любовался я тобой,
А ныне зрю: текучий мрамор твой
Жестоко иссушает зной палящий.

Так что же лучше, думаю все чаще:
Пускай над гесперийских рек красой
Свершает солнце путь свирепый свой
Иль, как над Истром, холод леденящий?

Но если лета яростного гнет,
О Бетис, гордость Западного края,
Ты терпишь, хоть и чтишься божеством,

Я, помня о величии твоём,
Уже былом, жару не проклинаю,
Когда на горизонте Феб встает.

К ИТАЛИКЕ

Повсюду зрю руины, разрушенье.
Какую скорбь внушает мне твой вид!
Амфитеатр в развалинах лежит,
И дивные повержены строения.

Бессмертные, как мнилось нам, творенья
Седое время медленно крушит,
И жалкий сей удел меня страшит —
Меня к нему влечет невзгод течение.

О, сколько перебивали здесь,
Ступали на расколотые плиты,
Восторга изумленного полны!

Но пышность, и величие, и спесь
Давно в былом, ковром травы укрыты.
Остался только ужас тишины.

К РОЗЕ

Пылающая роза,
Соперница пожара,
Что разожгла заря!
Ты счастлива, увидев свет, — но зря:
По воле неба жизнь твоя — мгновенье,
Недолгий взлет и скорое паденье;
Не отвратят смертельного удара
Ни острые шипы,
Ни дивный твой цветок —
Поспешен и суров всеильный рок.

Пурпурная корона,
Что нынче расцвела
Из нежного бутона,
Лишь день пройдет — в огне сгорит дотла.
Ты — плоть от плоти самого Амура,
Твой венчик — золото его волос,
А листья — перья легкого крыла;
И пламенная кровь, что полнит вены
Богини, из морской рожденной пены,
Свой алый цвет похитила у роз.

Но солнце жжет, и никакая сила
Смягчить не властна ярости светила.
Ах, близок час, когда
В лучах его сгорят
Дыханье нежное, роскошный твой наряд;
И лепестки, обугленные крылья,
На землю упадут, смешавшись с пылью.
Жизнь яркого цветка
Безмерно коротка:
Расцветший куст едва омоют росы,
Аврора плачет вновь — о смерти розы.

К ЖЕЛТОЙ РОЗЕ

О чудо-роза, дай ответ:
Какая неземная сила,
Слив краски все в твой несравненный цвет,
Тебя в цветок желанья обратила?
Когда душа людская расцвела
В тебе, исполнилась ты страстной
Тревоги, жгучей и прекрасной,
И на свидание звала
Любимого, но — ах! — напрасно.
Несчастливая, о, сколько раз
С призывом обратясь к нему несмело,
Ты тотчас же от слез немела!
Но на земле богиня есть,
Которая твое узрела пламя
И, тронута смиренными мольбами,
Благая, погасить смогла
Огонь, что душу жег тебе дотла,
Из памяти стерев печаль и нежность,
Укрыла тонкою корой
Твоих ланит баgreц и белоснежность.
И вот тобой сохранено
От красоты твоей былой
Теперь лишь золото одно,
Что было некогда густою
И дивною волной волос.
И стала ты навеки золотою,
Пример любовных зол и росных слез,
Единственная среди роз.

К БОГАТСТВУ

Исток тревог, обманчивое благо,
Богатство, манишь ты людей
Надеждой счастья и покоя!
Но нет, не будет знать спокойных дней
Тот, кто копил тебя, как скряга,
И позабудет про досуг навек.
У злата свойство есть такое:
Едва его коснется человек,
Он вмиг стократ становится жадней.
Не зря бессмертными богами
Сокрыто злато в недрах гор,
В глубинах потайных земли.
Но алчность поселилась под луною,
И тишину, в какой росли
В лесах сосна и ель веками,
Нарушил дерзостный топор —
Деревья стали кораблями,
Что ныне бороздят морской простор.
Покорно людям стало море,
И вот в чужих краях на свет дневной
Явилось из земной утробы
Ты, детище корысти, и войной
На нас пошло, исполнясь злобы.
С тобой на свет явилось горе,
И жалость умерла в душе скупой.
Богатство, ты несешь с собой
Для смертных только злоключенья!
Ты даже мертвецу порой
В могиле не даешь отдохновенья:
Коль на усопшем дорогой наряд
Иль золотом украшены уборы,
Его приют последний скоро
Бесчестные злодеи осквернят.
Покой посмертный лишь бедняк найдет,

Склеп богача разграбят воров.
На самый край погибельных невзгод
Сколь многих привело ты, злато!
Ты для людей — жестокий рок!
Из-за тебя в объятия разврата
Ввергается невинности цветок,
И ложе чистое сквернит порок.

Ты даже робкого душой
Отвагою даришь безмерной,
Чтоб смог он овладеть тобой.
Но на земле нет никого, наверно,
Кто б обладал тугой мошной
И в страхе не дрожал.
Что в мире злом таким чревато?
Ты так настойчиво, так торовато
В посулах, но без счета бед
В себе скрывает твой безумный бред.
Что проку обличать? Я так сказал бы:
Будь благом ты и в самом деле,
Бессмертные тобою бы владели.

ПЕДРО СОТО де РОХАС
(1584—1658)

АД ЛЮБВИ В СЕРДЦЕ

В груди моей — кромешный ад: вражда
Зловещих фурий, дар ослепшей страсти,
Мучительная грусть —
Ничьей печали не сравниться с нею.

Я страх и ужас сею,
Я приношу отчаянье. И пусть
Нет утешенья для моих несчастий, —
В чужую память, как в речную гладь,
Вглядевшись, их вовек не увидать;
Как в зеркале, беда
В реке забвенья моего всегда.

ЩЕГЛУ

О, как же сходственно с житьем твоим мое
Печальное житье!

И ты, и я — в неволе;

Поешь ты, я пою;

Ты прост, а я — тем боле;

Ты резв, а я уныл в единой нашей доле.

Ты услаждаешь слух врагам своей свободы,

Я услаждаю слух, хоть слез и не таю,

Той, что дарует мне лишь цепи да невзгоды.

Щегол мой, лишь одно

Различье нам дано:

Судьбы не выбирая,

Ты с песнею живешь, я с песней умираю.

МАДРИГАЛЫ

1

Блаженная пичуга!
Как песнь твоя нежна,
Когда зовет она
Любезную твою и верная подруга
Летит, любви полна;
А вот моим никто не внемлет столам,
Мне не дано парить под небосклоном.
Счастливое создание!
Вся песнь твоя — признание,
Что ты природою награждена.
Тебе смиренный жребий
Не дал познания, но дал блаженство в небе.

2

О, мой тиран лукавый!
Поведай, прежде чем меня убить:
К чему тебе чтить серебро и золото,
Фортуны дар богатый,
Коль от природы в дар
Ты получила все богатства чар?
Когда тебе по нраву
Корыстно и неправо
Сокровища любить,
Любить добро чужое —
Любовь мою люби безлюбою душою!

3

По воле той, кого я Фениксом зову,
На утлом челноке душа моя пустилась
За перлами ее в морскую синеву,

Но тотчас же смутилась,
Узрев их сквозь волну;
Челнок пошел ко дну,
Но в благодати крушенья
На золотой косе душа нашла спасенье.

4

Стенал и плакал горько
Эрот, ужаленный крестьянкою-пчелой
За то, что в соты к ней залез, мальчишка злой;
И, мститель непреклонный,
Помазал медом он пурпурные уста
Красы, что Фениксом зову я неспроста,
Красы, что затмевает солнце,
И молвил: «Пусть на лепестках
Гвоздики благовонной
Запечатлеется история моя;
Навек прославлен буду я
За кражу, что и боль мне принесла, и сладость, —
Тот, кто коснется вас, да примет, всем на страх,
Дары летуны малой:
Мед на губах, а в сердце — жало».

ЛУИС де УЛЬОА-и-ПЕРЕЙРА (1584—1674)

---

* * *

Божественные очи! Не тай
Вулканов своего негодованья,
Отриньте страсть мою без состраданья,
Чтоб горечь мук познал без меры я.

Коль ваша гордость и любовь моя,
Как равный грех, заслужат наказанья,
Нас в темной бездне будет ждать свиданье
Там, далеко, за гранью бытия...

Но если вы — за нрав, что столь надменен,
А я — за страсть, которую клянусь,
В аду должны попасть в два разных круга,

Останется удел наш неизменен:
Мы будем в муках искупать вину,
Ни здесь, ни там не обрета друг друга.

**ПРАХУ ВОЗЛЮБЛЕННОГО,
ПОМЕЩЕННОМУ ВМЕСТО ПЕСКА
В ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ**

Струится, сокращая ежечасно
Нам жизни срок, отпущенный в кредит,
И о печальном опыте твердит
В сосуде крохотном сей прах безгласный.

То прах Лисандро, кто любим был страстно
И ветреностью был столь знаменит...
Сон жизни завершив, сном смертным спит
Источник горьких мук, к ним безучастный.

Огнем любви он обращен был в прах,
И ввергло в сей сосуд его отмщенье
За то, что предал он любви закон.

За то, что жил он с ложью на устах,
Ему и после смерти нет прощенья,
И в смерти не обрел покоя он.

ЭСТЕБАН МАНУЭЛЬ де ВИЛЬЕГАС
(1589—1669)

К ЗЕФИРУ

Сапфические строфы

Рощи зеленой постоялец нежный,
Вечный любимец младости цветущей,
Друг и спутник матери — Киприды,
Зефир приятный;

Если б ты ведал все мои томленья,
Ты, доносящий вздохи всех влюбленных,
Плач мой услышав, Расскажи ты нимфе,
Что умираю.

Филис когда-то я поведал душу.
Тронулась Филис тайной скорбью сердца,
Даже любила! Но бегу я ныне
Гнева прелестной.

Вечные боги с преданностью отчей,
Небо благое так с любовью кроткой
Да остановят в дни, когда блажен ты,
Снежные вихри!

Да не заденет пасмурная туча
В пору рассвета на вершине горной
Плеч твоих хрупких; град да не поранит
Век твоих крыльев!

СТЕНАНИЯ ПТИЦЫ

Кантилена

Вьется птица со стоном
Над гнездом разоренным,
Над весенним простором,
Над тимьяном зеленым,
Вьется птица с укором
Над крестьянином-вором.
Да, я видел, с какою
Кружит птица тоскою;
Сколько муки, испуга,
Как металась пичуга
Над притихшей землею!
То печально вздыхала,
Полускрыта листвою,
То летала устало
Над кустами тимьяна,
То звенящей стрелою
Снова в небо взмывала,
То, крича непрерывно,
Вора вновь настигала,
Сквозь сплетение веток
К селянину зывала:
«О, верни моих деток!
Не губи!» — заклинала.
Скорбен голос был птичий.
Но, хоть птаха стенала,
Не смущаясь нимало,
Шел крестьянин с добычей.

ГОЛУБКА

«Мне поведай, голубка,
У ручья отдыхая,
Далеко ли путь держишь,
Из далекого ль края?»
«Песни Анакреона,
Как весна, легкокрылы,
Он — хозяин мой славный,
Повелитель мой милый.
Как награда, поэту
Отдана я Дионой —
Она гимн его дивный
Приняла благосклонно.
А сейчас он к Батиллу
Отнести дал посланье.
„Отпущу на свободу”, —
Мне сказал на прощанье.
Но зачем мне свобода,
Что мне делать на воле?
В холе выросшей птице
В лес вернуться легко ли?
Мне голодною смертью
Умирать в чистом поле.
Пусть меня он не гонит;
Рядом с ним быть все время,
Ждать его приказаний —
Сладко мне это бремя.
А когда после пира
Возлегал он устало,
То своими крылами
Я его укрывала.
Мне кифара поэта
Лучше мягкой постели;
Сколько раз ее струны
Ночью песни мне пели!

Все, закончена, путник,
Моя повесть простая.
Я и так разболталась,
Словно сойка лесная».

К РОДНИКУ

По пескам золотистым
Ты, родник, пробегаешь
Серебристым потоком,
Многоводным и чистым,
И надменно взираешь,
Как в страданье глубоком
Я, измученный роком,
Слезы лью неизменно.
Ты, вскипев белопенно,
Вдаль, как прежде, струишься,
К водам Эбро стремишься.
Жизни опыт жестокий,
Слез обильных потоки —
Все уносит течение.
И в бесплодном мученье
Я клонюсь над волнами.
Дни уходят за днями —
Остается смятенье.
Что прошло — не вернется;
Сколь, родник, мы похожи:
Все вода твоя льется,
Слезы горькие — тоже.
Но любой путь конечен —
Ты мне скажешь, конечно.
Пусть поток твой не вечен,
Но слезам литься — вечно.

ЛИДИЯ И ПЧЕЛЫ

Цветы лаская взором
И стройный грядок ряд,
Свой Лидия дозором
Обходит вертоград,
И голосистым хором
Ручьи ей вслед звенят.
Меж тем бесчеловечный
Амур, который вечно
Нам кознями грозит,
Уж тут как тут, конечно.
Покровом легким скрыт,
Он к пчельнику спешит.
Всегда готовы к бою,
Чтоб помешать разбою,
Дом отстоять и чад,
Свирепым пчелы роем
Над ним, жужжа, кружат
И жалами грозят.
Но, видя, что раздора
Виной — пустой фантом,
Из них иные скоро
Вернулись в свой дом,
Те — радостно и споро
Дань собирать с цветов
По саду разлетелись.
Как вдруг одна пчела,
На Лидию нацелясь,
Ей на лицо уселась
И жалом обожгла
Уст нецветных прелесть.

ЛЕТО

Разлившихся вод потоки,
Как беды мои, жестоких,
Безбрежных, как слез моих море,
Пролитых долгой зимою,
Переступая отважно,
Во всем величии Лето
Походкой шествует важной
И их усмиряет стопою.
Теплом его первым согреты,
В лесах соловьи, что пели
О злой судьбе Филомелы,
Оставили горькие пени
И заливаются смело.
Вот в пестрых своих нарядах
Щеглы по лугам гуляют
И гордо так выступают,
Словно щеголи с Прадо.
И, солнцу и зелени рады,
Щеглами луга щеголяют.
Холодные ветры смолкают,
И птицы с веселой песней
Взвиваются в поднебесье.
Ручьи, что всю зиму проспали
Под снегом в холодной постели
И шевельнуться не смели
В оковах, что тверже стали,
Забыли прежние беды,
Забыли прежнее горе
И, зажурчав победно,
Гурьбой устремились к морю.
Сама хозяйка Цитеры,
Новое платье примерив,
Новой славы взалкала
И взором своим лукавым
Того, кто громами правит,

В самое сердце ранит.
И Лидия, что владеет
Любовью моей безраздельно,
Лидия, что, бесспорно,
Могущественней, чем Флора,
Чтоб встретить его, с приветом
Выходит навстречу Лету.
Где только она ни ступает
Своею стопой воздушной,
Розы ей путь устилают
И, резвясь простодушно,
Ей ветры чело овевают.

ХЕРОНИМО де КАНСЕР-и-ВЕЛАСКО (1590—1655)

САТИРА

Хоровод, кружись! Игру в пинки затеем.
Судомойка с толстошеим
Богачом вступила в брак.
Ходит с пажем. Двух макак
Завела. Как с богатеем
Чудно жить! Он, думать смеем,
Деньги сам чеканит ей.
Хоровод, кружись бойчей!

Щедрый в прежней горькой доле,
Сей сеньор богатым стал
И дрожит за свой реал.
Очерствело сердце, что ли?
На его щедроты боле
Ты надежды не лелей.
Хоровод, кружись бойчей!

За старухой, что насилиу
Тянет ноги, — о Творец! —
Приударил кто? Юнец.
Пусть она глядит в могилу,
Он найдет златую жилу
У избранницы своей.
Хоровод, кружись бойчей!

Дама, будучи пригожей,
Кавалера прочь гнала.
Под окном он досветла

Зря простаивал. И что же?
Глаз она в его прихожей
Не отводит от дверей.
Хоровод, кружись бойчей!

Жил школяр. Он у вельможи
Вел нехитрые дела.
Но мошенничья была
У него душа. И что же?
За морем он в волчьей коже
Судит и рядит людей.
Хоровод, кружись бойчей!

Дама тает пред богатым
Воздыхателем. Но тот
Ей подарки не несет,
И уж назван он проклятым.
До нее ему — куда там!
То и это — не по ней.
Хоровод, кружись бойчей!

ПОЭТ ДАМЕ СВОЕГО СЕРДЦА,
ИЗРАНЕННЫЙ КАМНЯМИ,
КОТОРЫМИ ЗАПУСТИЛИ В НЕГО
ПОХИТИТЕЛИ ПЛАЩЕЙ

Разностопные строфы

Клори, вам дозвольте с шуткой,
Слов опасных избегая,
Рассказать о том,
Как головоломкой жуткой
Стал вчерашний день, когда я
Шел к вам вечером.

Грезил вами я и даже
Брал вас мысленно в объятья.
Вдруг слова
Мне доносит голос вражий
И завистливый: «Эй, братья,
Я метну сперва».

Впереди, за домом, шорох.
Продолжаю путь, но трушу.
Ловит взгляд
Шесть грабителей матерых —
По мою, конечно, душу.
Повернул назад.

«Если хочешь жить — ни шагу!
И отдай немедля плащ нам», —
Крикнул атаман.
Тотчас отдал бы я шпагу
Вместе с темляком изящным,
Страхом обуян.

Но за плащ любви во славу
(Хоть меня на части режь — на!)
Встал я горячо,
Вспомнив, как он вам по нраву,

Переброшенный небрежно
Чрез плечо.

Я из-за него и ране
Много раз был атакован.
Ведь на нем, ей-ей,
Не видна потертость ткани:
Все считают, будто нов он,
А сыщи старей!

И вскричал я: «Не хотите ль
Вы со мной сразиться? Я ведь
Вам под стать!»
Но сумел один грабитель
Мне булыжником поставить
На челе печать.

Я не ждал такого пыла.
Положение безотрадно.
Ох, не сдобровать!
Всё же шесть бандитов было.
Что? Не верите? Ну, ладно,
Пусть их будет пять.

Не в далекую Сеговью
Ездил плащ свой покупать я,
Но из-за плаща
Я стоял, залитый кровью,
Шля налетчикам проклятья,
Помощи ища.

Тяжко одному. Не диво,
Что лишь мне судьба быть биту
В потасовке той.
Не жалею. Справедливо
Я поднялся на защиту
Байки шерстяной.

Горожан толпа явилась.
Воры — что? Бежать пришлось им.
Храбрость их

Мигом в трусость обратилась,
И они остались с носом,
Ну а я — в живых.

Клори, мне без вас так худо!
Как цыплят, разлука-кречет
Нас забьет совсем.
А пишу я вам оттуда,
Где меня цирюльник лечит
Бог весть чем.

Горькой потчует микстурой
Сей неумолимый, строгий
Коновал.
Я же жажду, бледный, хмурый,
Вас увидеть на пороге.
Ждать устал.

А врачу я не перечу,
Ибо перед ним какая
Устоит скала?
Нет надежд на нашу встречу.
Голова меня больная
Подвела.

Вас томит ли это бремя?
Неразлучны, дорогая,
Вы со мной,
В голове моей все время,
Как по каменной гуляя
Мостовой.

Тошно мне, как в клетке зверю.
К вам сегодня же сбегу я.
Да! На все горазд.
Не в ланцет — в любовь я верю.
Пластырь мой для поцелуя
Духу мне придаст.

МИГЕЛЬ МОРЕНО (1596—1635)

---

* * *

Алонсо выдал твой секрет.
Ты негодуешь, ты за это
Грозишься сжить его со света.
Гаспар, вот мой тебе совет:
Все то, что разнесла молва
И что тебя волнует крайне, —
Не сохранил ты первый в тайне,
Себя и накажи сперва.

«Завистников чрезмерно много
У нас становится опять.
Судья, — спросил правитель строго, —
Как мне их лучше наказать?»
«Поскольку зависть людям этим
Яд в души точит, как змея,
Позволь завидовать и впредь им», —
Ему отвечивал судья.

Еще ждем ли это время?
Нервную стрелу,
Вы не ждите.
В голове моей все время,
Как по каменистой грядке
Моему.

Точно мне, как в эфире засрах
К вам сиюминутно обещу я,
Да! На все готов.
Не в эфире — в любви и верности.
Планы мои для вас —
Душу мою отдаю.

Дабы на слуг ты положиться мог,
Не потакай им ни за что на свете,
Свои грехи держи от них в секрете,
А главное — плати им деньги в срок.

Уж, находясь в таком
Смелом бедном дельце,
Чуждым являясь им,
Плати им * * *

Ах, будь умней немоты
Ты горюши молитву
То, что просишь ты у бога,
Плати им * * *

БЕРНАРДИНО де РЕБОЛЬЕДО
(1597—1676)

---

* * *

Ана, будь умней немного,
Ты творишь молитву зря.
То, что просишь ты у Бога,
Попроси у звонаря.

* * *

У доньи Клары грустный вид.
Все та же мысль ей душу ранит:
Коль смерть нечаянно нагрянет,
Ах, кто бедняжку причастит?
Увы, находится в таком
Смятенье бедная девица,
Что даже спать она ложится
Лишь со своим духовником.

Я в церкви спросил у возлюбленной:

«Чью душу спасти ты молила?

Мою ль, что тобою погублена,

Свою ль, что меня погубила?»

Улы, находишь в твоем
Смешном безделье
Что для себя она
Может со своим

Ах, была ты так же
Ты так же жила
То, что просишь ты у Бога,
Попроси у твоего

НА ТРУСЛИВОГО ВРАЧА

Как! Врач заикой стал с испугу?!
 Оставь пустые разговоры.
 Не струсит человек, который
 Наводит страх на всю округу.

* * *

Но зачем, наконец, столько лет
 Меня постигали твой позор и стыд?
 Не заметил — так такую ты стал
 Для каждого из нас примером?

К жите вытёлся — что ты жалкой бред?
 Вдаль, отстояв новые высоты,
 Раздумок мой все жизненные успехи
 Губил, и жизни в жите этой нет.

Смириться с жизнью — вот в чем откровение!
 Подозрею, я смирился со своей,
 Но если, жертва вытённого разума,

Начну обман выискивать в я ней —
 Не хватит мне всего остатка дней,
 Чтоб исчерпать всего одно мгновение.

* * *

Ты, брат, охотник до похвал.
Но я моих творений боле
Тебе не дам по доброй воле,
Чтоб ты своих мне не читал.

АНТонио Энрикес Гомес (1600—1660)

---

* * *

Не ведая причины стольких бед,
Меня постигших, этой несвободы
Не замечая — так тянулись годы,
Что каждый был длинней, чем сотни лет.

Я жить пытался — что за жалкий бред!
Ведь, отменяя новые невзгоды,
Рассудок мой все жизненные всходы
Губил, и жизни в жизни этой нет.

Смириться с жизнью — вот в чем откровенье!
Положим, я смирился со своей,
Но если, жертва пагубного рвенья,

Начну обман выискивать и в ней —
Не хватит мне всего остатка дней,
Чтоб исчерпать всего одно мгновенье.

Когда, изгнанник, растравляя раны,
Клянусь себя и к людям вопию —
Ищу напрасно я в чужом краю
Сочувствия — небесной этой манны.

Увы, слабеет разум окаянный,
Когда теряешь родину свою,
Ведь жив ты словно в пику бытию,
В котором сплошь — смертельные изъязны.

И вот надежда, подводя итог,
Внушает мне, что без ее заботы
Я пропаду, что в ней одной залог

Спасенья, но, увы, ее щедроты
Сомнительны, — откройся тут подлог,
Пришлось бы с жизнью мне покончить счеты.

ВОЙНА

Я видел сыновей твоих в сраженье:
Безумцы гибли в пенной круговерти,
Как будто не бывает лучшей смерти,
Чем тут, на корабле.
Их никогда не предадут земле.
Они твоей повержены рукою.
Какой ты чепухою
Им головы забил?
Откуда этот людоедский пыл?
Когда я вижу стяги,
Зовущие к отваге,
И тут же кровь, сожженные дома —
Мне кажется, что мир сошел с ума!

Что ж это за прожорливая гидра,
Которой так нужна —
Свирепая война,
Что для нее и Божья благостыня —
Мир, данный миру, — вовсе не святыня?!
Да что ж это за жажда вновь и вновь
Сосет из нас пылающую кровь?

А ты, убийца, несравненный воин,
Пускай ты почитанья удостоен,
Пускай весь белый свет
Узнал кровавый блеск твоих побед —
Неужто, в груди трупов умирая,
Ты думаешь добыть ключи от рая?

ЧЕСТОЛЮБИЕ

Неужто этот вымысел бредовый,
Безумный этот хмель
Погнал тебя за тридевять земель,
Погнал ограбить брата,
И для тебя не свято,
Что вас на безграничные моря
Господь развел, земле благотворя?
О спесь и жадность, бешеная свора!
О злая вакханалия раздора!
Как ваша власть над миром велика,
И, чтобы утвердиться на века,
Осталось вам, присвоив мощь природы,
Закабалить закаты и восходы!

Опомнись, варвар, ведь у нас на всех
Одна земля — и так она богата!
Зачем же плыть куда-то,
Чтоб там, подняв свой окаянный флаг,
Лишить наследных благ
Того, кто мирно жил под мирным кровом?
Теперь он станет мстителем суровым!
Неужто вечный мир
Не лучше грома ружей и мортир?!
Оставь свою погоню за фортуной.
Зачем отягощать поля Нептуна,
Хрусталь пугливый повергая в дрожь?
Грехов своих ты этим не сотрешь!

Кто дал тебе губительное право
Монархию свою
Насильно утверждать в чужом краю?
Уймись, и да возрадуются жизни
Все те, кто никогда твоей отчизне
Зла не творили. Пусть они слабы —
Властителем судьбы

Не становись для них. Ведь вот могли бы
Покончить с мелюзгой большие рыбы,
Но, видишь, не хотят.
Животные — и те смиренье чтят.
Исполни-ка хоть этого смирения,
Коль ты не хочешь быть венцом Творенья!

Далеко вдали —
И дождь «блуждает»!
«Сам бандит!» — все грешит —
И жернов, и веретено —
Вор похититель у двери
У кумушки сестры —
Проща без призора.

Для восточной дорожки
Неизменная жемчужина
И думная сестра
Подписали морского
Но такая уж дорожка —
Чтоб даровое у них
Не теснилось, всех святых
Повыкидывают скоро
У кумушки сестры —
Проща без призора.

Пусть придумывают шару
Наша судьба, сестра Душа.

СУДЬЕ

Тебя я видел и в судейском кресле:
Ты грозно восседал, как богдыхан,
Верша безбожный, гибельный обман.
Тебя молили: «Сжался, благодетель,
Не виноват я, Бог тому свидетель».
И ты, привычно взвесив... что? вину?
О, вовсе нет, — мощну,
Приказывал тому, кто был полегче:
«А ну, горлан, полегче!»
И дальше к пеням оставался глух;
Воистину твоя погибель — слух.
Так вот, послушай, — этой тирании
Не долго виснуть на покорной вые!

Опомнись, жарвар, ведь у нас на всех
Одна земля — и так она богата!
Зачем же пасть куда-то,
Итаб твои, итаб твои океанский флот,
Лашасть лашасть флот
Тот, кто миром жил под мирным зорем?
Теперь он станет мучителем суровым!
Неужто вечный мир
Не лучше трона златого и мантии?
Сутань свою потяни за вертуню,
Зачем отапливать пола Истину,
Хрусталь пугливый померкая в дыму?
Грехов своих ты этим не соприкоснешь!

Кто дал тебе губительное право
Монументы строить
Насильно утверждать в чужом краю?
Уймись, и да изгладятся иконы
Все те, кто некогда тесно отлучал
Зак не творили. Пусть они слабы —
Вамстажем губабы

У КУМУШЕК ССОРА — ПРАВДА БЕЗ ПРИЗОРА

Подвели данайцы Трою,
Подложили ей коня —
Вот уж где была грызня:
Жечь его, тащить с собою?
Все ручались головою.
А теперь и стар и млад:
«Виновата, — говорят, —
Распрекрасная сеньора».

*У кумушек ссора —
Правда без призора.*

Воровал бы дон Ворюга
И ловчил сеньор Ловкач,
Да впились в один калач —
Облапошили друг друга.
И пошло: «Бандит! Хапуга!» —
«Сам бандит!» И все грешки —
И вершки, и корешки —
Вор повытаскал у вора.

*У кумушек ссора —
Правда без призора.*

Для взаимного дохода
Ненасытная жена
И дуэнья-сатана
Подцепили морехода.
Но такая уж порода —
Чтоб дареное у них
Не теснилось, всех святых
Повыкидывают скоро.

*У кумушек ссора —
Правда без призора.*

Пусть придумывает кару
Наш судья, сеньор Дукач,

И бесценный адвокат
Грудью рвется к гонорару —
Распалясь, они на пару
Суд по кочкам понесут,
Над собой устроив суд
Разве что без приговора.

*У кумушек ссора —
Правда без призора.*

САЛЬВАДОР ХАСИНТО ПОЛО
де МЕДИНА
(1603—1676)

РОМАНС

Ах, как мчится по полянам
Ручеек в стремленье рьяном, —
Травы пышные колебля,
Спотыкается о стебли;
Меж гвоздик и белых лилий,
Средь душистых изобилий,
Меж цветов благоуханных,
Меж препон блаженно-пряных
Вьется, светлый, прихотливый,
Мужественно-горделивый!
Приближаясь, углубляясь
И хрустально убыстряясь.
(Вдруг — задержано движение,
Чтоб затмилось отражение,
Помутилось и затмилось,
Чтобы впал Нарцисс в немилость!)
И, в цветов изящной рамке,
Он, спеша, обходит ямки
И колдует, неспокоен,
В царстве радужных промоин!
Он течет, листву листая,
Где алеет пышность мая, —
Он, грустя, выводит трели
В царстве белого апреля,
Где пастух любовью призван,

И в прелестнице капризной
Вдруг испуг сменил отвагу,
Право, к твоему же благу,
Сильвио!

Обозначали
Мы обманами печали, —
Но ручей, бегуч и весел,
Хрустали вдруг поразвесил.
Меж камней в стеклянном блеске
Он выводит арабески
И течет, в веселье рьяном,
По лугам благоуханным!
В нем полей святая треба
И совсем немного неба, —
И все небо, все — в полмира, —
И лазурь, и блеск сапфира!
Здесь, в долине вешних жалоб,
Нам склониться надлежало б
Над его, меж здешних кущей,
Светлокрылостью бегущей!
Ах, ручей, ручей нарядный,
До всего цветенья жадный
И до головокруженья
В непрестанности движенья!

ЭПИТАФИЯ ПРОПОЙЦЕ

Здесь навсегда почил
Тот, кто без просыпу пил
Не для того, чтобы жить,
А для того, чтобы пить.

**НА ОДНОГО ЗНАКОМОГО,
ОДЕТОГО В ПЛАТЬЕ
С БОЛЬШИМИ ВСТАВКАМИ**

Тебя вчера я увидал,
Луис, когда гулял по Прадо;
Прекрасней не было б наряда,
Но вставки... с кем ты воевал?
Такие вставки — в самый раз! —
Огромные сокрыли б раны,
Что наносили великаны —
Орландо или Фьерабрас.

* * *

Вы, Христофор-силач, переносили
Через протоку на спине своей
Ребенка, имя ему — мир. Ей-ей,
Не стану я дивиться вашей силе.
Но вот иное мне постигнуть сложно.
Коль целый мир вы на себе несли,
Где отыскать смогли клочок земли,
Чтобы поставить ногу было можно?

АНТОНИО де СОЛИС-и-РИВАДЕНЕЙРА
(1610—1686)

РОЗА

Шуточная притча

Настал апрель. Листвой осыпал он
Куст розовый. Взглянул: еще что надо?
Есть петли у весеннего наряда,
Нужна для каждой пуговка — бутон.

Бутонами куст щедро одарен,
И время пурпуром зажечь их радо:
Они, как угли, вспыхнут в кущах сада
И каждый в розу будет превращен.

Но лишь успеет роза распуститься,
То ливень ей грозит, то суховей...
Коль устоит она пред их угрозой,

Ее возжаждет щеголя петлица
И кладбищем аптека станет ей...
На кой же черт тогда родиться розой?!

ПРОТИВ ОДИНОЧЕСТВА

Ты от людей, расставшись даже с другом,
В уединенную укрылся сень...

Скажи: тебя туда погнала лень

Иль гнет тоски сразил тебя недугом?

Заворожен своих мечтаний кругом,

Ты мнишь, что длится дольше каждый день.

Ну, а зачем? Ведь жизнь твоя — лишь тень:

Не радует ни делом, ни досугом.

Обрел ли счастье, став беглецом,

Живя один и гордый жизнью оной?

И можно ль быть счастливым без людей?

Кому достойный станет образцом?

Пред кем ученостью блеснет ученый?

И жертву в ком найдет себе злодей?

**ВЛЮБЛЕННЫЙ ВЫНУЖДЕН ПРИЗНАТЬСЯ
ДВУМ ДАМАМ, ЧТО ЛЮБИТ ИХ ОБЕИХ
ОДНОВРЕМЕННО**

При этом он посылает им нижеследующее:

Я в двух влюблен. Суд не чините скорый:
Ведь та любовь особенно сильна
В борьбе с забвением, коей не одна,
А две надежные даны опоры.

Разрежьте уж на части, кончив споры,
Меня, — и часть на что-нибудь годна!
Но голова мне самому нужна,
Вы обойдетесь без меня, сеньоры.

Любовь и ненависть вели не раз
Сраженья в сердце, как на бранном поле,
Но умудрялись в сердце жить в одном.

Коль жили в нем в один и тот же час
Любовь и ненависть — пусть поневоле, —
Как две любви не уживутся в нем?

И, движимый своей любви огнем,
Готов напополам я разорваться,
Но чтобы каждой из двух дам достаться
При этом мог бы целиком я, весь:
«Уйти — оставшись в то же время здесь».

БЕСПУТНОЙ ЖЕНЩИНЕ

Поняв, что уж не так юна
И вянет красота былая,
Быть старой девой не желая,
Решила девкой стать она.

ВЕСЬМА ТОЩЕМУ СЕНЬОРУ

Смотрю я на него в тревоге:

Как нитки, тонки его ноги.

Но он — как правда: слаб на вид,

А твердо на ногах стоит.

И я живу любовью. Суд не чините скорый:
Ведь та любовь особенно сильна
В борьбе с табачком, кой-то она,
А для надежд есть дань опора.

Горюхоту от нас, конечно, не надо,
Меня, — я часть из него-нибудь, тогда!
Но голоса мне самому нужна,
Вы обойдетесь без меня, сеньоры!

Любовь и ненависть есть не раз,
Сраженно я в сердце, как из бранной палы,
Но утешаюсь в сердце жить в одном.

Жаль, жаль в нем в один и тот же час
Любовь и ненависть — пусть несправедливо, —
Как две любви не уживуся в нем?

И, делая свой любви огнем,
Готов прогореть и разорваться,
Но чтобы каждой из двух дань оставить.
При этом мог бы великом в, весь
«Ужас — оставившись с тою же любовью»

ПРЕСТАРЕЛОЙ КОКЕТКЕ

Прекрасна, спору нет, она,
Года не тронули лица;
Но зубы — взяты у слона,
А волосы — у мертвеца.

ПРЕЗЕРВАНЕ К СУДЬБЕ

Блажен, кто, не боясь, идет в мир,
Кто смертельный жар не боится,
Блажен, кто, не боясь, идет в мир,
Соблазнами обильной удачи.

И (хоть найдется) нет блжен тот,
Кто, зная, в чужом не идет,
И кто, не боясь, идет в мир,
От влеченья преледей греховных.

Блажен, кто, не боясь, идет в мир,
Покладами влечет его страх,
Где не страшим удачи и раская.

Но тот, кто, уйдя от влеченья,
Живет, не боясь, смертию,
Судьбы глупости, — тот блжен.

НЕКОЕЙ СЕНЬОРЕ, ПОСЫЛАЯ ЕЙ КУВШИН СО СВЯТОЙ ВОДОЙ

Примите, о сеньора, в дар от друга
Кувшин святой водицы. Сей презент,
Возможно, не излечит от недуга,
Но жажду утолит в любой момент.

ФРАНСИСКО де ТРИЛЬО-и-ФИГЕРОА (1615—1675)

ПРЕЗРЕНИЕ К СУДЬБЕ

Блажен, кому счастливых дней в достаче,
Кого смертельный жребий не пытается;
Блажен, кто упования не питает
Соблазнами обманчивой удачи.

И (коль найдется) тот блажен тем паче,
Кто зависти к чужому не питает
И кто над ложью бабочкой витает,
От пламени проворно крылья пряча.

Блажен, кто не изведает падений,
Покуда высь влечет его такая,
Где не страшны упадок и распад.

Но тот, кто, удалясь от искушений,
Живет, неприхотливостью смиряя
Судьбы гневливость, — тот блажен стократ.

ДАМАМ, КОТОРЫМ УГОДНО ВИДЕТЬ В ПОЭТЕ СВОЕГО ПОКЛОННИКА

Я уже не тот, сеньоры, —
Был и я среди влюбленных,
В знак любви носящих банты
На роскошных панталонах.
Но надеяться на то, что
Я терзаться стану снова, —
Все равно что камни сеять
Или звать глухонемого.
Если ж кто из вас прельстится
И польстится на такое,
И меня захочет видеть,
Что ни полночь, под рукою,
Я с красоткой этой тут же
Отправляюсь на свиданье —
Рядом с ней французской кухне
Заплачу любую дань я.
И хотя, как всем известно,
Я не из маркизов чванных —
Чтоб ухаживать, найдется
Кое-что в моих карманах.
У меня есть слух и голос,
И одет я очень модно:
Всюду прорези в одежде —
Сбоку, сзади, где угодно.
Я не глуп, хотя, быть может,
Не сойду за златоуста.
В бороде волос немного,
Но зато в усах негусто.
Нрав мой мягок и покладист,
Я готов ходить влюбленным
До заката — на посылках,
До рассвета — под балконом.

Ловко я метаю барру,
Бью без промаха по цели —
Предложить могу, сеньоры,
Чтоб мы вместе попотели.
И в такой игре девицу
Предпочту другим красоткам:
Ей отыщется награда
Под плащом моим коротким.
Ну, а ту, что согласится
На игру со мной однажды,
Все равно я обыграю,
И не менее чем дважды.
Управляюсь я с уздою,
Лошадиный норов знаю,
И горячую кобылку
Я на скачках обуздаю.
Шесть дворянских родословных
У меня ветвей — не нищ я!
Два торчат на том же древе
Поэтических сучища,
Чтоб избранницу прославить, —
Пусть блистает в целом свете
В звучных песнях, а не в платьях,
И в стихах, а не в карете.
Для того же, чтобы это
Все устроилось как надо, —
Даже если обеднею,
Пусть она мне будет рада,
Но не ждет, чтоб ей в угодую
Я в дуэлях стал неистов,
Задираю бы всех, покуда
Есть у нас алькальд и пристав.
Дал обет я Селестине
Быть спокойным, умудренным,
Чтобы девственница-шпага
Не грешила с эспадроном.
А захочется красоте
Позаботиться о платье —

Пусть она меня не просит
Позаботиться о плате.
С той, что примет все условия,
Обручаюсь в тот же день я,
Даже если не найдется
Пастыря для обручения.

ОДНОЙ МОНАХИНЕ, КОТОРАЯ ХОТЕЛА, ЧТОБЫ ЗА НЕЙ УХАЖИВАЛИ

Мы, Марика, на посмех —
Мясоед и мясопустье:
Как, скажи, с тобой сойдусь я
Для поваренных утех?
Спрятан первородный грех
Даже в пресноводном блюде;
Я мечтаю лишь о чуде,
Что соединило б нас,
Чтобы выловить тотчас
Все, что есть в твоей запруде.

Признаюсь, от ловли мне
Мой трофей вкуснее втрое,
Хоть и боязно, не скрою,
Вплавь пускаться по волне;
Видно, прячется на дне
Золотая рыбка либо
В этих водорослях, ибо
Не осилить ей сетей, —
Открывай же их скорей:
Сам я в них застрял, как рыба.

А не можешь — так крепись;
Пусть Амур, моя Марика,
Лечит болью боль — пойдика
С ним украдкой пошепчись:
И срамник шепнет, что вблизи
Поглядим мы друг на дружку
Так, как рыба на лягушку,
В ячее застряв одной, —
Ведь от близости такой
Проку нет ни на полушку.

Так что всё решим, когда
Доберемся до рубашки;

Как бы мне не дать промашки:
Коль монашка так худа,
Что костяшки без труда
Проступают, словно пряжки,
Там, где ляжки у бедняжки, —
Кто ж ее захочет взять,
Если своему не дать
Самолюбию поблажки?

* * *

К чему, судьба, тебе хватает пыла
Всечасно в бедняков швырять камни —
И, если блага нет им от мученья,
К чему твоя безжалостная сила?

Терпенье — вот мытарства их мерило.
Но ежели не хватит им терпенья —
Прервись. Ведь с высоты униженья
Куда же им сойти, как не в могилу?

Смерть, говоришь, не разбирает чина —
Да ты, судьба, куда жесточе смерти!
Ведь, и живой, бедняк — что мертвечина

В пучине бытия, под гнетом тверди.
От жизни избавляет нас кончина,
Но отличишь ли нашу жизнь от смерти?

ТИРСО де МОЛИНА
(1579—1648)

ИЗ ПЬЕСЫ
«СТЫДЛИВЫЙ ВО ДВОРЦЕ»

СОНЕТ

Когда за серебристою рекою
Пасется конь, веревкою стреножен,
Мир для него спокоен и несложен,
Как луг, поросший свежеею травою.

Когда ж уздой с насечкой золотою
И дорогим седлом облагорожен
Все тот же конь — горяч он и тревожен.
Не ест, не пьет, готов к пути и к бою.

Вот так и я — как будто бы раздвоен...
Недавно жил, не мудрствуя лукаво,
Простой пастух в плаще из шерсти черной.

Сейчас надеждами обеспокоен:
Мне нужен подвиг, почести и слава...
И этому виной — камзол придворный!

ИЗ ПЬЕСЫ
«БЛАГОЧЕСТИВАЯ МАРТА»

СОНЕТ

Бык пахаря, влача постылый плуг,
Ждет вечера, когда конец работе;
Приговоренный и на эшафоте
Ждет милости из королевских рук;

Пловец все мнит, что он спасется вдруг,
В погибельном крутясь водовороте!..
Все существа из крови и из плоти
Надеются, спасенья ждут от мук.

Надежды луч — для страждущих отрада.
Надежды нет лишь в темной бездне ада,
И оттого страшнее он стократ.

Но дни мои мне только скорби множат,
Ждать нечего, надежды быть не может,
Жизнь безнадежна, как крошечный ад!

СОНЕТ

Жизнь безнадежна, как крошечный ад.
Двойная скорбь подтачивает силы:
Убит мой брат, и вдаль бежал мой милый,
Чьей шпагою заколот был мой брат.

Невыносимо бремя двух утрат.
Чего мне ждать? Напрасен зов унылый:
Мертвец уже не встанет из могилы,
А беглецу дороги нет назад.

В разлуке он разлюбит, я предвижу...
Убийца он! Люблю и ненавижу.
Переступить невмочь мне этот круг.

Я как бы два оплакиваю гроба:
Ведь для меня мертвы отныне оба —
Мой брат погибший, мой бежавший друг.

ИЗ ПЬЕСЫ
«ДОН ХИЛЬ ЗЕЛЕННЫЕ ШТАНЫ»

ПЕСНЯ

Листья тополей
И фонтанов струи!
Расскажите ей,
Как по ней тоскую.
Пусть она сравнит
Холод безучастья
С пламенем любви,
С нежностью и страстью.
В тишине ночей
Сердце ей волнуя,
Расскажите ей,
Как ее люблю я.

ПЕСНЯ

Свои надежды весело
На мельницу любви
Несла поутру девица,
Господь ее храни.
Кружится жернов ревности,
Любовь берет зерно,
И вот тончайшей, белою
Мукой течет оно.
Текут надежды девичьи
За струйкою струя.
Она внимает песенке
Бегущего ручья:
«Среди коралловых ракушек,
Среди узорчатых камней
Моя волна журчит и плещет,
Когда она идет ко мне.

И птицы гнезда покидают,
Поют, порхают меж ветвей,
Душистые цветы лимона
Бросая на колени к ней». —
Но голосом серебряным
Поющая вода
Быками подозрения
Вся выпита до дна.
Не мелет больше мельница,
Безмолвная стоит,
И спрашивает девица,
Причастница любви:
«Ты что не мелешь, мельница?» —
«Повинны в том быки».
Та мельничиха перед нею,
Что, вся в муке, из года в год
Покой и беззаботность мелет
В помол страданий и невзгод.
«Не муку отборную —
Мелешь му́ку черную». —
«Не ходи, как тень за мной,
Не измажешься мукой».

ИЗ ПЬЕСЫ «СЕВИЛЬСКИЙ ОБОЛЬСТИТЕЛЬ, ИЛИ КАМЕННЫЙ ГОСТЬ»

ПЕСНЯ

За любовь мою когда ты
На меня зовешь мой рок,
Если в смерти ждешь оплаты,
Сколь даешь мне долгий срок!

Если мне дает мгновенье,
Чтоб тобой упился я,
Жизнь длинна, испьем забвенья,
Пусть проходит жизнь моя.

За любовь мою когда ты
На меня зовешь мой рок,
Если в смерти ждешь оплаты,
Сколь даешь мне долгий срок!

ПЕСНЯ

Знайте все, кто ждет от Бога
Наибольшего суда,
Каждый срок в свой час окончен,
Каждый хочет долг — расплат.
Пусть никто из тех, кто в мире,
Не промолвит между вас:
Срок даешь мне столь далекий!
Он придет в короткий час!

ЭПИГРАММЫ

* * *

Когда любовь не праздная игра,
Язык у нас немеет, и не диво:
Ведь та любовь, что на слова щедра,
Столь ненадежна, сколь красноречива.

* * *

Замечено, что женщина всего
Два раза в жизни счастлива бывает:
Сперва — когда супруга обретает,
Затем — когда лишается его.

* * *

Как-то раз палач с учеником
Чучело связали из соломы
И свои обычные приемы
Стали отрабатывать на нем.
Вслед за палачом не без волненья
Повторял уроки новичок,
Но никак по робости не мог
Выполнить простого упражненья.
Лопнуло терпенье палача:
«Вот что: если в нашем честном деле
Столь неповоротлив ты доселе,
То поди учиться на врача».

* * *

Жил да был король. При нем
Свита числилась большая.
Был король немного хром,

И вослед за королем
Лизоблюд ходил, хромая.
Каждый шедший в тронный зал,
Чтоб не кончить дни в опале,
Лизоблюду подражал.
Раз уж сам король хромал,
То и все вокруг хромали.

ПЕДРО КАЛЬДЕРОН де ла БАРКА
(1600—1681)

ИЗ ПЬЕСЫ «ПО СЕКРЕТУ — ВСЛУХ»

ПЕСНЯ

Хор

Когда полна дурманом голова
И сердце пьет любовную отраву,
Пенять ты вправе. Но к чему слова?
В любви не предъявляй права:
Любовь не подчинится праву.

Певец

Унылой чередой идут года...
А ты все ждешь с бессмысленным упорством,
Стократ встречаясь с равнодушьем черствым,
Участья не встречая никогда.
Но если страсть твоя — твоя беда,
А боль твоя — любимому в забаву,
То на любовь свою найди управу,
Забудь — пока душа еще жива!

Хор

В любви не предъявляй права:
Любовь не подчинится праву!

Певец

Своей враждою не дерзни обидеть
Любимую, когда ты ей не мил.
Уже того, что ты ее любил,
Довольно, чтоб теперь не ненавидеть.
Кляни жестокий рок, что учинил
На сердце беззащитное облаву,
Что выдал сердце страсти на расправу,
Но не Любовь. Любовь всегда права.

Хор

В любви не предъявляй права:
Любовь не подчинится праву.

ПЕДРО КАЛЬДЕРОН де ла Барка
(1596—1681)
ИЗ ПЬЕСЫ
«ДАМА-НЕВИДИМКА»

СОНЕТ

Так велика к тебе любовь моя,
Так страсть сильна, так верность непреложна,
Что если б разлюбить старался я,
То разлюбить мне было б невозможно.

Но если б разлюбить хватило сил,
То я бы сделал это непременно
И добровольно снова б полюбил:
Ведь только добровольное нам ценно!

Кто полюбил помимо воли, тот
Не стоит благодарности любимой,
Его любовь — насилья тяжкий гнет.

Он — только раб судьбы неумолимой.
Любить тебя — мой рок. Моя звезда
Любовью пламенной к тебе горда.

СОНЕТ

Но если мы свободно выбираем,
А над судьбою властвует звезда,
То воля, чей закон неизменяем,
Надежнее мне кажется всегда.

Не любишь ты, не уверяй же боле!
Мою любовь я щедро отдаю;
Когда б ее моя отвергла воля,
То волю я отвергла бы мою.

И если бы хоть на одно мгновенье
Я захотела позабыть любовь,
Чтобы потом к ней возвратиться вновь,

Я поняла б: не для меня забвенье —
Ведь я в тот миг была б тебе чужда,
А этого не будет никогда!

Приселый мой был после,
Война и довер к нему жила,
Но зима, осыпавшая
На ней ризь, была была.
Вино и застывшие в нем,
Что зима, жарко горела
И злущива гла в бела.
Хочешь, вода, так промела
Жарко, жила в жила,
Горела от жила-жила.
А ты, жила, Промела,
На то, что жила жила.

ИЗ ПЬЕСЫ «СТОЙКИЙ ПРИНЦ»

СОНЕТ

Они смеются, чуть рассвет проглянет,
И поутру кичатся красотою,
Но пышность их окажется тщетою,
Лишь только ночь холодная настанет.

Букет оттенков, что снега багрянит
И окаймляет дымкой золотою,
С зарей расцвел и канет с темнотою;
Вот наши судьбы: день лишь — и следа нет.

Цветы, вы торопились распуститься,
Раскрылись утром — ввечеру увяли;
Бутон — и колыбель вам, и гробница.

О жизнь людская, ты не такова ли?
Едва проснемся, как пора проститься,
Прошли часы — столетья миновали.

ЭПИГРАММЫ

* * *

Один никудышный художник
Дом никудышный купил
И осмотреть покупку
Друга он пригласил.
Вошли они в зал неприглядный,
И другу художник сказал:
«Скоро ты не узнаешь
Этот невзрачный зал.
И потолок, и стены
Будут сверкать белизной,
А после я распишу их
Своей вдохновенной рукой».
И друг с улыбкой заметил:
«Я бы на месте твоём
Их расписал — сначала,
А побелил — потом».

* * *

Придворный угощал посла,
Войти в фавор к нему желая,
Но дичь остывшая такая
На сей раз подана была,
Вино ж настолько теплым было,
Что гость изрядно осерчал
И опустил еду в бокал.
Хозяин, видя, как премило
Жаркое плавает в вине,
Оторопел от изумленья.
А гость сказал: «Прошу прощенья,
Но то, что подано здесь мне,

Могло бы повредить желудку.
Да будет что-нибудь одно:
Пусть утка охладит вино
Иль пусть вино согреет утку».

* * *

Латал подмастерье жилет,
Достав из сумы все пожитки.
Я крикнул: «Здорово, сосед!
Что нового?» Он мне в ответ:
«Как видишь — одни только нитки».

* * *

Случаются четыре стадии
В любви. Понаблюдаем вместе:
Сперва она сопротивляется,
Затем растет в своей потребности,
Затем живет в приюте радости
И умирает в доме ревности.

* * *

Я слышал, что, когда однажды
Дон Хусто сильно занемог,
У изголовья дона Хусто
Сидел, исполненный тревог,
Его любимый друг. И Хусто
Сказал растроганно: «Дай бог
Себя здоровым мне увидеть
И при смерти тебя, чтоб мог
Ты убедиться, сколь приятно,
Когда больной не одинок».

* * *

Гнусавый Пабло в плен попал
И притворился на галере
Глухонемым. «По крайней мере,
За бессловесных выкуп мал», —
Решил наш хитроумный пленник.
Вот у паши он как немой
Был вскоре выкуплен родней
За небольшую сумму денег.
На свой корабль взойти спеша,
Он прокричал, свободный снова:
«Паша, ты продал не немого!» —
«Чудак, — отвечивал паша, —
Зачем молчал ты, непонятно.
Когда б я только слышал, как
Гнусавишь ты, презренный враг,
Я б отпустил тебя бесплатно».

* * *

Спросил безумец: «Чем нетрудно
Людей насытить?» И, таким
Вопросом всех смутив, ответил:
«Умом! Давайте проследим:
Те, у кого его хоть капля,
Уже довольствуются им».

* * *

Нельзя столь несчастливым стать,
Чтоб зависти людской не знать;
Нельзя счастливым стать таким,
Чтоб не завидовать другим.

* * *

В лохмотьях, голодом томим,
Ученый плелся по дороге,
Как самый жалкий пилигрим.
«О, как мне жить? Внемлите, боги!
Питаюсь я зерном сырым.
Все униженья перенес я!
Кто более, чем я, страдал?»
Но, обернувшись, увидал,
Что брошенные им колосья
Другой ученый подбирал.

* * *

Небо — предзнаменование,
Мир — добра и зла замес,
Время — вечное движенье,
А судьба — черда чудес.

КОММЕНТАРИИ

С 29: «Где Византия Коринфа гордой...» — Византия — город на юге Греции (в Афинском) районе Эвеевского п-ва. В период арабов — (самостоятельная) папаческая епархия Коринфского архиепископа. Титулярный рыцарь и рыцарь в Коринфе.

Ахемет (рубаха из п. мантии Ахемета) — рубашка, символ любви и верности.

Мурман (сербы) — рыцарский титул, титул избранной формы.

С 31: «Поет Ахемет...» и «плачу...» — Ахемет — имя героя по-персидски рыцаря — это имя одного из персонажей героической «Симони» — героя Пестидана, имя фамилии по острову Сакрой.

Гидиона — имя нахлебникова — (испанцы, впадают в Атавистический ритм и Гидиона — (на границе с Португалией).

С 32: «Где Перидий Эвмемистов...» — Перидий — городской (или сельский) герой — персонаж с. 31.

Аркан — Гидиона — герой и Ахемет — (на границе с Испанией) провинция Халм.

Анжуан — старинный город на берегу провинции Халм.

С 33: Испанцы и Страны. — Страны — город-французский западе Ахемет — (на границе с Испанией) в 1309 г.

Берберия (Берберы) — название населения Северный Африка.

С 37: «Исправил коней быстротой...» — Испания — испанские острова Диего у берегов Туниса, на котором испанцы (испанцы) (берберы) в 1310 и 1360 гг.

ЛУИС де ГОНГОРА-и-АРГОТЕ

С. 29. «Где башня Кордовы гордой...» — *Кордова* — город на юге Испании (в Андалусии), на реке Гвадалквивир. В период арабского (мавританского) владычества столица Кордовского халифата. Гонгора родился и умер в Кордове.

Алкион (греч.; м. р. имени Алкиона) — чайка, символ любви и верности.

Мрежа (мерёжа) — рыболовная снасть конусообразной формы.

С. 31. «Поет Алкиной — и плачет...» — *Алкиной*. — Имя героя гонгоровского романа — это имя одного из персонажей гомеровской «Одиссеи»: внука Посейдона, царя феаков на острове Схерия.

Гвадиана — одна из крупнейших рек Испании; впадает в Атлантический океан в Андалусии (на границе с Португалией).

С. 32. «Он Первый Знамённый мавров...» — *Аль-кальд* — городской (либо сельский) голова; городской судья.

Архона, Мармолехо — города в Андалусии (в нынешней провинции Хаэн).

Андухар — старинный город на севере провинции Хаэн.

С. 35. *Испанец в Орне*. — *Оран* — город-форт на северо-западе Алжира; завоеван испанцами в 1509 г.

Берберийцы (берберы) — коренное население Северной Африки.

С. 37. «Посреди коней быстроногих...» — *Гельвы* — испанское название острова Джерба у берегов Туниса, на котором испанцы потерпели поражение от мавров (берберов) в 1510 и 1560 гг.

Тремесен (Тлемсен) — город на северо-западе Алжира, находившийся под властью Испании в 1510—1551 гг.

И была она столь прекрасна... / Чем звезды на внешних полях. — Выделенные курсивом строки в скобках являются, вероятно, позднейшими авторскими вставками в романс.

С. 45. «*Белую вздымая пену...*» — *Валенсианка* — уроженка (либо жительница) Валенсии, провинции и главного города этой провинции на юге Испании.

С. 51. «*Праздники, Марика!...*» — *Тока* — женский головной убор, обычно чепец или капор, в данном случае шляпка либо платок.

С. 54. «*Здесь, в зеленых копьях осоки...*» — *Древо Алкида* — тополь; Алкид — одно из прозваний Геракла, означающее «силач».

Сегура — река на юге Испании, впадающая в Средиземное море.

Мать Ахилла — nereida Фетида, старшая дочь морского бога Нерея.

С. 59. «*И плюхнулся глупый отрок...*» — Романс представляет собой бурлескную обработку греческого мифа о любви Леандра, юноши из города Абидос (на берегу Геллеспонта), к Геро, жрице Афродиты из города Сесте (на противоположном берегу пролива). Любовь Геро и Леандра была воспета Овидием и Вергилием.

...*Выпущены из меха / Греком одной побасёнки.* — В «Одиссее» Гомера говорится о том, что бог ветров Эол, желая облегчить Одиссею возвращение на родину, подарил ему мех, в котором были спрятаны все ветры (кроме Зефира — ветра, попутного Одиссею). Эол запретил развязывать мех. Но ночью, когда Одиссей спал, его спутники развязали мех; вырвавшиеся на волю ветры подняли на море бурю, погнавшую корабль Одиссея назад, к берегам Эолии.

...*Ксерксовых весел...* — Персидский царь Ксеркс (486—465 до Р. Х.), потерпев в 480 г. поражение в морской битве с греками при Саламине, приказал высечь Геллеспонт (Дарданеллы) веслами.

Веста — в римской мифологии богиня домашнего очага и огня.

С. 62. «*Звезды теплились в хрустальной...*» — *Уэльва* — главный город одноименной провинции на юге Испании (в Андалусии).

Хлорис — греческий вариант имени Флора.

С. 66. «*Без Леды и без надежды...*» — *Леда* — в греческой мифологии мать Елены (Елены Прекрасной) и близне-

цов Кастора и Полидевка (Диоскуров). Здесь Леда, возможно, метафорическое обозначение созвездия Близнецов (Диоскуров). Легенда о Леде и лебеде (Зевсе) неоднократно становилась сюжетом для произведений поэтов испанского барокко.

С. 67. «— Кто ко мне стучится ночью?...» — *...Столько раз я море види / И ни в жизнь — мараведи!* — Игра слов: *маре види* (лат.) — море видел; *мараведи* — испанская мелкая монета.

Сан Мартин (святой Мартин; 316—397) — епископ города Тура (Франция). Однажды, встретив у городских ворот замерзающего нищего, он разорвал свой плащ и половину отдал несчастному. Этот эпизод стал сюжетом одной из картин Эль Греко.

Сид (Родриго Диас де Бивар; 1043—1099) — самый прославленный участник Реконкисты (отвоевания испанцами своей территории у мавров, VIII—XV вв.); герой испанского национального эпоса «Песнь о моем Сиде» (XII в.) и многочисленных народных романсов.

Тисона — меч Сиды.

С. 69. «Не свою верность, пастушка...» — *Нимфа лесная* — здесь: наяда Сиринга. Спасаясь от преследовавшего ее Пана, Сиринга бросилась в реку и превратилась в тростник, который издавал на ветру жалобные звуки. Из этого тростника Пан вырезал пастушескую свирель (сирингу).

С. 72. «Разочарование...» — *...Скорбным Амадисом / На Стремнине Бедной!* — Во второй части испанского рыцарского романа «Амадис Гальский» (опубликован в 1508 г.) рассказывается, в частности, о том, как заглавный герой, отвергнутый своей возлюбленной Орианой, удаляется в обитель на скале Бедная Стремнина.

С. 75. *Анджелика и Медор*. — Романс представляет собой переложение песни XIX «Неистового Роланда» итальянского поэта Лудовико Ариосто (1474—1533), в которой рассказывается о любви китайской принцессы Анджелики и мавра Медора.

Кроткий мир — здесь: сельская община.

Алмаз Китайский. — В этой метафоре красота Анджелики соединена с твердостью ее характера: она отвергла любовь Роланда (испанский вариант имени — Орландо).

...И двойную ревность Марса... — Бог войны Марс был любовником Венеры (ее супругом был бог огня и кузнечного ремесла Вулкан).

Адонис — в греческой мифологии отличавшийся редкой красотой юноша, которого полюбила Афродита (Венера).

Борть — улей в дупле дерева; дерево с дуплом, в котором поселились пчелы.

Сарацин. — Античные писатели называли сарацинами арабское население северо-западной Аравии. В Средние века европейцы стали называть сарацинами всех арабов.

...От безумного Орlando / Да спасут благие боги! — В песне XXIII поэмы Ариосто говорится о том, что Роланд (Орlando), найдя в долине свидетельства любви Анжелики и Медора, лишился рассудка и, впад в буйство, принялся крушить все вокруг.

С. 82. «Нынче песне подыграю...» — *Бандуррия* — музыкальный инструмент, похожий на небольшую гитару.

Виола — разновидность скрипки. Виолы получили распространение в эпоху Ренессанса.

...Католической армаде... — Речь идет об испанской Непобедимой армаде.

...Затмевая подвиг старый... — Намек на десятый подвиг Геракла (Алкида), который воздвиг на обоих берегах Гибралтарского пролива скалы (Геркулесовы столпы) в знак того, что далее пути мореплавателям нет.

...Фландрии достигнув... — С конца XV в. по первую половину XVII в. Фландрия (часть нынешних Франции, Бельгии и Нидерландов) принадлежала Испании. В современную Гонгорю эпоху король Филипп II (1527—1598) вел во Фландрии затяжную войну.

Лебриха (Небриха) *Антонио* (1444—1522) — испанский гуманист, автор первой грамматики испанского языка.

Эстремадура — историческая область на западе Испании (граничит с Португалией).

...В утро на Луку Святого... — День Святого Луки — 18 октября.

Финей — в греческой мифологии царь Салмидесса во Фракии. За то, что Финей истязал своих детей, Зевс покарал его, предложив избрать смерть либо слепоту. Финей избрал слепоту. Гелиос, раздраженный тем, что смертный добровольно согласился никогда не видеть солнца, послал к Финею гарпий, которые похищали его пищу, и поэтому царя терзал вечный голод.

...Сон твой — точно журавлиный... — Журавлиный сон — бессонница (считается, что пока стая журавлей спит, ее вожак бодрствует).

С. 86. «Жизни радуюсь земной...» — *Леандр* — см. примеч. к с. 59.

Тисба и Пирам. — История трагической любви Тисбы и Пирама рассказана Овидием в книге IV «Метаморфоз» (в ее основе греческий миф; шекспировская трагедия «Ромео и

Джульетта» в известной степени тоже является развитием темы этого мифа).

С. 88. «Коль сеньоры станут слушать...» — *Сауда* — героиня многих «мавританских романсов».

Родамонт — отважный рыцарь, один из героев «Неистового Роланда» Ариосто.

Бравонель — фанфарон, бахвал (уничижительное от исп. *bravo* — храбрец, смельчак).

...златыми / Фердинандом с Изабеллой... — На золотых дублонах были изображены профили Католических королей Фердинанда II Арагонского и Изабеллы I Кастильской. Благодаря их браку в 1469 г. начало создаваться единое государство Испании.

С. 90. **Фортуна.** — *Санбенито* — колпак, который надевали на голову приговоренных инквизиционным судом к казни; также список имен осужденных инквизицией, который вывешивался в церкви.

С. 92. «Каждый хочет вас обчесть...» — *Ронда* — город на юге Испании (провинция Малага).

С. 94. «Что несет Эсгева ток?..» — Летрилья написана Гонгорой в 1603 г., когда он впервые приехал в Вальядолид, бывший в то время (с 1600 по 1606 г.) столицей Испании. Отсутствие в Вальядолиде канализации привело к тому, что река Эсгева, на берегах которой расположен город, превратилась в сточную канаву.

Писуэрга — река, в которую Эсгева впадает неподалеку от Вальядолида.

С. 102. «Мысль моя, дерзанья плод...» — ...*И взлетел в слепой отваге...* — речь идет об Икаре.

...*Тот охотник быстроногий...* — В данном случае персонаж греческой мифологии Актеон. Во время охоты юноша Актеон увидел купающуюся Артемиду (Диану). Разгневанная богиня-девственница превратила Актеона в оленя, и его растерзали собственные собаки.

С. 116. «Зовущих уст, которых слаще нет...» — Вольное переложение одного из сонетов итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595).

Ганимед — в греческой мифологии сын троянского царя Троса. Из-за своей необыкновенной красоты был похищен богами и взят ими на Олимп, где стал любимцем и виночерпием Зевса (Юпитера). По более позднему мифу, сам Зевс, приняв облик орла, похитил Ганимеда.

С. 118. «Я пал к рукам хрустальным; я склонился...» — ...*За сыном вслед...* — Речь идет о Фаэтоне, сыне бога солнца Гелиоса. Фаэтон умолил отца разрешить ему один

день управлять солнечной колесницей, но не сумел справиться с конями. Колесница сбилась с пути, кони помчали ее к земле. От сильного жара стали пересыхать реки и гореть леса. Зевс, чтобы спасти землю, поразил Фаэтона молнией, и тот, пылая, упал в реку Эридан (эта река иногда отождествляется с итальянской рекой По).

С. 119. «Взойди, о Солнце, вспыхни, расчерти...» — *Фавоний* — встречающееся в поэзии название легкого западного ветра.

С. 121. «Рои печальных вздохов, ливни слез...» — *...Алкидовых деревьев...* — См. примеч. к с. 54.

С. 123. «Вы, сестры отрока, что презрел страх...» — *Сестры отрока* — Гелиады, сестры Фаэтона. Они оплакивали гибель брата до тех пор, пока боги не превратили их в тополя. Слезы Гелиад стали янтарем.

С. 125. «Нет ни в лесу, ни в небе, ни в волне...» — *Стримон* (Струма) — река во Фракии (на территории нынешних Болгарии и Греции).

Певец великий — здесь: Орфей.

С. 126. «Где кость слоновая, где белоснежный...» — *Паросский мрамор* — мрамор, который добывали на острове Парос (в Эгейском море); славился своей белизной.

С. 128. «Как трепетно, на тысячу ладов...» — *Филомела* — в греческой мифологии дочь родоначальника нескольких царских династий Пандиона, сестра Прокны. Фракийский царь Терей, муж Прокны, изнасиловал Филомелу и, чтобы скрыть свое преступление, вырезал ей язык. Затем он решил ее убить. Зевс, желая спасти Филомелу, превратил ее в соловья (вариант: в ласточку).

С. 131. *Кордове*. — Сонет написан в 1585 г., во время пребывания автора в Гранаде. В XX в. сонет был положен на музыку испанским композитором Мануэлем де Фалья (1876—1946), дружившим с Федерико Гарсиа Лоркой и другими поэтами «поколения 1927 года».

Хениль — впадающая в Гвадалquivир река, на берегах которой стоит Гранада.

С. 132. «Пусть со скалою веры стройный бот...» — *Арион* (VII—VI вв. до Р. Х.) — греческий поэт и музыкант. Однажды, во время путешествия Ариона на корабле, моряки решили убить его и ограбить. Арион попросил у моряков разрешения спеть в последний раз и, спев, бросился в море. Зачарованный пением Ариона дельфин вынес его на берег.

Палинур — кормчий Энея в «Энеиде» Вергилия.

С. 134. *На христианские реликвии и портреты отцов церкви...* — *Ниньо де Гевара Фернандо* (1541—1609) — ис-

панский религиозный деятель, Великий инквизитор в правление Филиппа III.

...И кормчие Петрова галеона... — то есть апостолы.

С. 136. **На могилу Доменико Эль Греко.** — *Эль Греко Доменико* (наст. фамилия Теотокопулос; 1541—1614) — испанский живописец, один из крупнейших художников эпохи барокко, по происхождению грек; в Испанию приехал в 1577 г., жил в Толедо. Сонет написан в 1615 г.

Ирида — в греческой мифологии вестница олимпийских богов, богиня радуги.

С. 137. **Предание о Полифеме и Галатее.** — Поэма написана в 1612—1613 гг. В ее основе греческий миф об одноглазом великане (циклопе) Полифеме, сыне Посейдона (Нептуна; Гонгора, как и другие поэты барокко, подчас не делает различий между греческой и римской мифологией). Миф о Полифеме разработан в «Одиссее» Гомера. У поэтов более позднего времени появилось сказание о любви Полифема к нерееде Галатее. (См. также вступительную статью А. Миролубовой к настоящей антологии.) В публикуемом отрывке (седьмая и восьмая октавы поэмы) дается описание Полифема.

С. 138. **Одиночества.** — Незаконченная поэма; создавалась в 1613 г. Центральное произведение «темного» Гонгоры. Об этой поэме см. вступительную статью, а также «Письмо некоего друга дона Луиса де Гонгоры, написанное по поводу его „Одиночества“» и «Письмо дона Луиса де Гонгоры в ответ на присланное ему». Публикуемый отрывок включает в себя начальные строфы поэмы.

Европы ложный похититель — Зевс, принявший образ быка и похитивший финикийскую царевну Европу. Гонгора соединяет образ быка с зодиакальным знаком Тельца. Под этим знаком (20 апреля—20 мая) и происходит все описанное в поэме.

Чела оружие — лунный полукруг — то есть бычьи рога.

...Тут юноша, от коего властитель / Олимпа принял бы фиал златой... — отсылка к мифу о Ганимеди (см. примеч. к с. 116).

Нот — в греческой мифологии бог южного ветра; южный ветер.

Зевса спутник гордый — орел.

С. 141. **«Пусть роза прелесть пышную творит...»** — *...прекраснейшей богини...* — Здесь (как и в следующем сонете): богиня Афродита (Венера).

С. 143. **Сонет, написанный по случаю тяжкого недуга.** — *Тормес* — река на северо-западе Испании, впадает в Дуэро.

Я — Ласарильо... — Отсылка к главному герою анонимного плутовского романа «Жизнь Ласарильо с берегов Торме-

са» (середина XVI в.). В одном из эпизодов романа рассказывается о том, как подросток Ласарильо был поводом у слепца. Ласарильо — уменьшительная форма от Ласаро (испанского варианта имени Лазарь).

С. 144. «Не так неистово сквозь вихрь и свет...» — *Карфаген* — здесь: символ исчезнувшего могущества, величия.

Лиций — поэтическое имя самого Луиса де Гонгоры.

С. 145. «В Неаполь правит путь сеньор мой граф...» — *Сеньор мой граф* — здесь: Педро Фернандес де Кастро, граф де Лемос (1575—1637), испанский политический деятель, в 1610—1615 гг. — вице-король Неаполя, меценат. Сервантес посвятил графу второй том «Дон Кихота» и роман «Странствия Персилеса и Сихисмунды». Попытки Гонгоры сопровождать графа де Лемоса в Италию, а также герцога де Фериа (1587—1634) во Францию оказались безуспешными.

С. 147. «Спесь гранда — грандиознее слона...» — Одним из поводов для создания сонета послужило то, что в 1581 г. губернатор Явы прислал в дар испанскому королю Филиппу II несколько слонов и носорога.

С. 148. «Вальядолид. Застава. Суматоха!..» — Когда в начале XVII в. Вальядолид стал временной столицей Испании, король Филипп III издал указ: подвергать досмотру и описывать имущество въезжающих в город. Исполнение указа было возложено на некоего Дьего де Айалу.

С. 149. «Так вы — Вальядолид, в чьем аромате...» — См. летрилью Гонгоры «Что несет Эсгева ток?..» и примечания к ней.

С. 150. Мадрид в 1610 году. — Мадрид стал столицей Испании в 1561 г. (при короле Филиппе II).

С. 151. «Я, тетушка, в Маморе. Не успеваю...» — Сонет написан в 1614 г., когда король Филипп III отправил отряд придворных на выручку защитников крепости Маморы (на побережье Туниса), осажденной маврами. Придворные отправились в поход как на увеселительную прогулку.

С. 152. «Желая жажду утолить, едок...» — ...у *генуэзца в кабале...* — В XVI—XVII вв. крупнейшими банкирами Европы были генуэзцы. В Испании существовали их банки и ссудные кассы.

С. 155. «Дон Отхо, душой постоянно кривящий...» — ...дал *командорскую власть...* — Командор — глава религиозного ордена.

С. 156. Особе, которая слыла девственницей, но таковой не была. — *Из чрева... Иона вышел...* — Ироническое

сравнение с библейским Ионой (см. Книгу пророка Ионы, гл. 2).

С. 157. **Почитателям Лопе де Веги.** — *Агапина* — имя, образованное от греч. *agapa* — любовь.

С. 158. **Лопе де Веге.** — В сонете упоминаются произведения Лопе де Веги «Анхелика», «Аркадия», «Драгонтея», «Завоеванный Иерусалим».

На четырех наречьях... — Один из сонетов Лопе де Веги в его книге «Рифмы» был написан на латинском, итальянском, португальском и испанском языках.

С. 159. **Дону Франсиско де Кеведо.** — *Анакреон* (570—478 до Р. Х.) — греческий поэт, певец любви, вина, праздной жизни. Анакреона переводили и Кеведо, и многие другие поэты испанского барокко.

Теренцианец — неологизм Гонгоры, образованный от фамилии римского комедиографа Публия Теренция (195—159 до Р. Х.).

С. 160. **Письмо некоего друга дона Луиса де Гонгоры, написанное по поводу его «Одиночеств».** — *Мендоса Андрес де* (1586—1644) — испанский поэт, драматург.

Калепино Амброджио (1435—1511) — итальянский лингвист, лексикограф.

Королларий — в философии, лингвистике: пропозиция.

С. 162. **Письмо дона Луиса де Гонгоры в ответ на присланное ему.** — *Корраль* — здесь: дом, где имеется театральный зал.

...меткое сие выражение взято из «Поэтики»... — Гонгора, по всей видимости, сознательно перефразирует слова из Нового Завета: «Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Матфей, 7:6) — и приписывает их Аристотелю.

Троп — двупланное употребление слова, при котором его звучание реализует одновременно два значения: буквальное и иносказательное.

Святой Августин (Августин Аврелий; 354—430) — христианский богослов, автор «Исповеди» и «О граде Божиим».

Никодим — см.: Иоанн, 3:1—21; 7:50—52; 19:39—42.

Тосканский — то есть итальянский.

ФРАНСИСКО де КЕВЕДО-и-ВИЛЬЕГАС

С. 169. **Дону Луису де Гонгоре.** — *...слуга Господень...* — В 1585 г. Гонгора принял сан священника.

С. 170. **Псалом XII.** — *Сагуито* — древний иберийский город близ средиземноморского побережья (ныне провинция

Валенсия). В 219 г. до Р. Х. после длительной осады был захвачен армией Ганнибала.

Крез (595—546 до Р. Х.) — последний царь Лидии.

Красс Марк Лициний (ок. 115—53 до Р. Х.) — римский политический и военный деятель.

Дарий — здесь: Дарий III, царь Персии в 336—330 гг. до Р. Х. В битве при Иссе в 333 г. потерпел поражение от Александра Македонского.

С. 171. Псалом XV. — *Девкалион* — в греческой мифологии родоначальник эллинов; после потопа воссоздал из камней род человеческий.

С. 172. Псалом XVI. — *Деций Гай Мессий Квинт Траян* (ок. 200—251) — римский император с 249 г.; погиб в бою с готами.

Фабий Максим Квинт (275—203 до Р. Х.) — римский полководец, был прозван Кунктатором (Медлительным).

Курций Марк (IV в. до Р. Х.) — римский юноша. По преданию, ринулся в разверзшуюся на Форуме бездну, чтобы, согласно предсказанию оракула, пожертвовав своей жизнью, умиловить богов.

С. 185. Рассуждение о том, что имеющий многие богатства беден. — *Тир* — древний финикийский город на восточном побережье Средиземного моря.

С. 189. Убеждает богиню справедливости отбросить весы... — *Астрей* (Звездная) — в греческой мифологии дочь Зевса и Фемиды, богиня справедливости. В золотом веке обитала на земле, но, увидев, что люди становятся все более порочными, вознеслась на небо.

С. 192. Предостережение Испании... — *Гот.* — Готы (точнее, вестготы) вторглись на территорию Испании в V в. Вестготское королевство просуществовало на Пиренейском полуострове до начала VIII в. В 711 г. войска последнего вестготского короля Родриго были разбиты маврами, но в 718 г. отряды скрывшихся в астурийских горах вестготов под командованием Пелайо нанесли поражение маврам в битве в ущелье Ковадонга (север Испании). Это сражение принято считать началом Реконкисты.

Бетис — так римляне называли Гвадалquivир.

Ты получила Наварру в удел... — В 1512 г. большая часть королевства Наварра была завоевана Фердинандом Арагонским и включена в состав Испании.

Брак с Арагоном... / Дал тебе земли обеих Сицилий... — Арагонцы захватили Сицилию в 1282 г., Неаполь — в 1442 г. (королевство обеих Сицилий). В результате брака Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской в 1469 г. коро-

левство обеих Сицилий вошло в состав испанского государства.

Гордым Миланом твой меч овладел. — Милан вошел в состав испанской империи в 1526 г. после победы императора Карла V над французским королем Франциском.

Ты Португалию дланью железной / Держишь. — В 1580—1640 гг. (после смерти бездетного короля Себастьяна I) Португалия входила в состав Испании.

С. 193. Покой и довольство неимущего... — *Куртаж* — комиссионное вознаграждение посредникам при коммерческих сделках.

С. 194. Преимущества добродетели и опасения жестокого властелина. — *Эвр* — в греческой мифологии бог восточного ветра (брат Борея, Зефира и Нота).

...Он страхом и надеждой не смущен. — «Ни страхом, ни надеждой» — девиз стоиков.

С. 196. О чем звонит колокол в Арагоне... — В данном сонете Арагон упоминается потому, что в Сарагосе, столице Арагона, были напечатаны «Сновидения» Кеведо, запрещенные кастильской цензурой.

Филипп III (1578—1621) — король Испании с 1598 г. В последние годы его правления Кеведо, высланный из Мадрида, находился в своем имении Торре-де-Хуан-Абад.

С. 200. Наслаждаясь уединением и учеными занятиями... — *Дон Хосеф* — Хосе Антонио Гонсалес де Салас (1588—1654), испанский гуманист, друг Кеведо, издатель его сочинений.

С. 201. Песочные часы. — *Сильва* — стихотворение со свободной рифмовкой и разностопными строками.

С. 209. Стоическая проповедь морального порицания. — *Потоси* — серебряное месторождение в Боливии, в XVI—XVIII вв. — самое богатое в мире.

И тому, кого первым на свет... зависть сулила. — Речь идет о Каине.

Суровый африканец — Ганнибал.

Марий Гай (ок. 157—86 до Р. Х.) — римский полководец и государственный деятель.

Минтурнова лагуна — лагуна Тирренского моря (Средняя Италия). В 88 г. Марий, потерпев поражение в войне с Суллой, бежал из Рима и укрылся на одной из вилл на побережье Минтурновой лагуны.

С. 220. Критико-сатирическое послание графу-герцогу Оливаресу... — *Оливарес Гаспар де Гусман* (1587—1645) — граф-герцог, испанский государственный деятель, фаворит короля Филиппа IV. В 1621—1643 гг. — первый министр.

...великих двух Кастилий. — В Испании существовали две исторические области — Старая Кастилия и Новая Кастилия.

...кантабрийца... — Кантабрия — историческая область на севере Испании.

Лигурия — историческая область в Италии (ее главный город — Генуя).

Церера — в римской мифологии богиня земли, покровительница плодородия и браков.

Брыжи — воротник, манжеты в густую сборку, служившие украшением.

Гусманов добрых призови к себе... — Гусман Добрый (Альфонсо Перес де Гусман; 1256—1309) — кастильский дворянин, капитан, руководивший обороной крепости Тарифа, осажденной маврами. Они захватили в плен сына капитана и грозились убить его, если испанцы не сдадут крепость. Но Перес де Гусман отказался принять условия мавров. Гусман — это также одна из родовых фамилий Оливареса.

Пелайо (?—737) — вестгот, основатель королевства Астурия. Разбил мавров в битве в ущелье Ковадонга (см. примеч. к с. 192).

С. 227. Его величеству королю Филиппу IV мемориал. — Этот мемориал, написанный в 1639 г., стоил Кеведо свободы: в 1639—1643 гг. он без суда и следствия находился в монастырской тюрьме.

Филипп IV (1605—1665) — король Испании с 1621 г.

Арроба — испанская мера веса, равная 11.5 кг; мера объема (масла) — 11.56 л.

...Что графу в Сан-Пласидо... — Намек на скандальную историю в женском монастыре Сан-Пласидо, в которой был замешан и Оливарес.

...второй Хулиан. — Хулиан (первая половина VIII в.) — правитель Сеуты (испанского города на африканском берегу, близ Гибралтара). По преданию, желая отомстить королю вестготов Родриго за поруганную честь своей дочери Ла-Кавы, в 711 г. призвал в Испанию арабов (мавров). В Испании имя Хулиан стало синонимом предателя.

А тут сумасброд... — речь идет об Оливаресе. Захватив Мантую, граф-герцог спровоцировал войну с Францией (1638 г.).

Святой Исидор (Исидро Землепашец; 1080—1130) — покровитель Мадрида и испанских крестьян.

С. 234. О том, как дона Альваро де Луну вели на казнь. — Луна Альваро де (1388—1453) — кастильский дворянин, фаворит короля Хуана II. Один из самых богатых и влиятельных людей своего времени на Пирснейском полуострове. Впав в немилость, был казнен.

...*Государя дон Хуана*... — Хуан II (1405—1454), король Кастилии с 1406 г.

Альгвасил — судебный исполнитель, полицейский, управляющий городом либо районом.

С. 237. *Святому Лаврентию*. — *Святой Лаврентий* (?—258) — христианский мученик. Согласно легенде, был сожжен заживо на раскаленной решетке.

С. 238. *Риму, погребенному под руинами*. — Сонет написан, видимо, под впечатлением от сборника «Римские древности» французского поэта Жоашена Дю Белле (1522—1560).

Палатин — один из семи холмов, на которых построен Рим.

С. 239. *Гимн звездам*. — *Амарилис* — имя пастушки в эклогах Вергилия. Это имя постоянно встречается в произведениях испанских поэтов XVI—XVII вв.

С. 242. *Эпитафия дону Луису Каррильо де Сотомайору*. — ...*бог, зачавший Фазтона*... — бог солнца Гелиос.

С. 243. *На смерть графа Вильямедианы*. — Граф Вильямедиана был закован в Мадриде 21 августа 1622 г. убийцей, оставшимся неизвестным. В испанской столице ходили слухи, что убийство было совершено с согласия короля.

С. 244. *Бессмертной памяти дона Педро Хирона, герцога Осуны, умершего в тюрьме*. — *Хирон Педро, герцог Осуна* (1574—1624) — испанский политический и военный деятель, вице-король обеих Сицилий, друг и покровитель Франсиско де Кеведо. В 1618 г. был обвинен в организации так называемого Венецианского заговора против короля Филиппа III (заговора на самом деле не было) и заключен в тюрьму.

С. 245. *Везувию, который ныне наполовину сад, наполовину вулкан*. — *Саламандра* — здесь: дух огня.

...*Богам грозил ты дланью дерзновенной*. — Отсылка к мифу о титанах (гигантах), восставших против олимпийских богов. Побежденные богами, титаны были погребены под вулканами.

С. 249. *Влюбленный учится любви у неразумной природы*. — *Отшельник* — здесь: крохотная птичка (два сантиметра в длину), гнездящаяся в расщелинах скал Гибралтара.

С. 251. *Мстительный сонет в форме совета красавице*... — *Препоручи же зеркало Венере*... — Стареющие испанские красавицы обычно посвящали свое зеркало Венере.

С. 266. *Глосса в октавах*. — *Глосса* (толкование) — популярный в Испании в XVI—XVII вв. вид стихотворения. Стоит обычно из начального четырехстишия (мotto) и четырех десим.

С. 285. **К Лиси.** — *Редондилья* — стихотворение, разделенное на четверостишия с обязательной рифмовкой: abba.

С. 288. **Лирическая летрилья.** — *Летрилья* — стихотворение лирического либо сатирического содержания, предназначенное для пения; стихотворение, разделенное на строфы, оканчивающееся одним и тем же рефреном.

С. 289. **Соловью.** — *Десима* (децима) — стихотворение, состоящее из десятистрочных строф. Десимы были изобретены испанским поэтом Висенте Эспинелем (1550—1612).

...кастальский ток. — Кастальский родник на горе Парнас почитался как священный источник Аполлона и муз, дарующий вдохновение поэтам и музыкантам.

С. 290. **Носатому.** — *Насон* — родовое имя Овидия.

Бушприт — горизонтальный брус на парусном судне, служащий для вынесения вперед носовых парусов.

С. 292. **К Аполлону, преследующему Дафну.** — *Дафна* — в греческой мифологии нимфа, дочь речного бога Перея. Преследуемая влюбленным в нее Аполлоном, Дафна взмолилась о помощи к богам и была превращена в лавровое дерево.

С. 296. **О том, что происходило в его время, Кеведо рассказывает в следующих сонетах.** — *Четыре сотни грандов круглым счетом; / Титулоносцев — тысяча и двести...* — В Испании XVII в. количество грандов и титулованных особ было строго регламентированным.

С. 300. **Об опасностях женитьбы и о причинах нежелания вступать в брак.** — *Куэнка* — провинция (и ее главный город) в центральной части Испании.

Клавдий (10 до Р. Х.—54) — римский император с 41 г.

С. 318. **Сатирическая летрилья.** — На русском языке есть две переводческие версии этой летрильи, выполненные М. А. Донским (1913—1996). Обе они опубликованы. Привожу начало первой версии:

Он весь мир завоевал,
Дон Капитал.
Ах! От дона Капитала,
Матушка, я без ума!
Верь мне, в нем достоинств тьма,
Недостатков нет нисколько.
То, о чем я лишь мечтала,
Он добыть мне обещал.
Он весь мир завоевал,
Дон Капитал.

...В Генуе найдет он вечный / Упокой и угомон. — Намек на то, что золото из Америки (которую в ту пору называли Индиями) оседает у генуэзских банкиров.

Донья Бланка. — Здесь игра слов: «бланка» по-испански и мелкая монета, и женское имя.

С. 323. Сатирическое послание, имеющее прямое касательство к иным персонам. — *Тока* — см. примеч. к с. 51.

С. 325. Огородная свадьба. — *Саламанка* — город в северо-западной части Испании, на берегах реки Тормес. В Саламанке находится один из старейших университетов Европы (основан в 1218 г.).

С. 334. Обличаю любовь. — *Мать, рожденная из пены* — Венера (Афродита).

Грязный и хромой отец — Вулкан (Гефест).

Юношей влюблял в скульптуры... — Отсылка к мифу о Пигмалионе и Галатее.

...А девиц влюблял в быков. — Отсылка к мифу о Зевсе (Юпитере) и Европе.

Двух любовников однажды / В два яйца он превратил... — Здесь (и далее в стихотворении), скорее всего, «мифологическая выдумка» самого Кеведа.

С. 344. Ответ на просьбу о признании отцовства. — *Карл Пятый* (1500—1558) — император Священной Римской империи в 1519—1556 гг., испанский король (*Карл I*) в 1516—1556 гг. Рим был взят войсками *Карла V* в 1527 г.

Святая Братья — инквизиция.

С. 356. О том, как мои изъяны видятся со стороны. — *Святой Антоний* (250—356) — отшельник, большую часть жизни проведший в Тебаидской пустыне (Египет). Рассказы об искушениях святого Антония начиная со Средних веков были широко известны в католической Европе.

Юлий — Юлий Цезарь.

Франсиско — Франциск Ассизский (1182—1221), основатель монашеского ордена францисканцев.

С. 358. Бурлескный романс. — *Белардо* — «пасторальный» псевдоним Лопе де Веги.

Филида — Елена Осорно, возлюбленная Лопе де Веги, актриса.

С. 360. Сатира. — *Глиноядство.* — Во времена Кеведа женщины из косметических и медицинских соображений ели белую глину, чаще всего слепленную в виде кувшинчиков. Об этом упоминается и в некоторых стихотворениях других поэтов испанского барокко.

С. 366. «Те, кто в погоне за своим товаром...» — *Далила* — возлюбленная библейского героя Самсона (см.: Книга судей, гл. 16).

Из Марсова колена — то есть из воснных.

Тремесен — см. примеч. к с. 37.

С. 367. Продажному судье. — ...удавись мошною, как Иуда. — По испанскому народному поверью, Иуда повесился на веревке своего кошель (мошны), в который ему высыпали тридцать сребреников.

С. 368. Воровской романс. — *Алькала* (Алькала-де-Энарес) — город в провинции Мадрид, в котором в 1498 г. был основан университет. В этом же городе в 1547 г. родился Сервантес.

Колет — военный мундир из белого сукна.

Прадо (букв.: луг). — В XVI—XVII вв. Прадо — место гулянья жителей испанской столицы.

С. 372. Эпитафия Селестине. — *Селестина* — сводня из «Трагикомедии о Калисто и Мелибее» испанского писателя Фернандо де Рохаса (1465—1541). Имя Селестина стало в Испании синонимом сводни.

С. 381. Культистская латиноболтовня. — *Преисподних Одиночеств* — отсылка к поэме Гонгоры «Одиночества».

Калепино — см. примеч. к с. 160.

Небриха — см. примеч. к с. 82.

...*мерлинкокайностью*... — Мерлин Кокайо (наст. имя — Теофило Фоленго; 1491—1544) — итальянский поэт, автор бурлескных произведений, создатель макаронического стиля. Мерлин — волшебник, герой народных легенд и романов артуровского цикла.

...*плавтопунической речью*... — В комедии римского драматурга Тита Макция Плавта (251—184 до Р. Х.) «Пуниец» раб беседует с купцом из Карфагена на якобы пунийском наречии, представляющем собой набор бессмысленных слов.

...*пакувиевы хламиды*... — Римский драматург Марк Пакувий (220—130 до Р. Х.) писал архаичные трагедии на греческие сюжеты. Актеры, игравшие в этих трагедиях, облачались в старинные тяжелые костюмы (поэтому у Кеведо «пакувиевы хламиды»).

...*фу-фу-кидидов*... — неологизм Кеведо, образованный от фамилии греческого писателя, историка, военного деятеля Фукидида (460—400 до Р. Х.).

Паулина — так называется акт отлучения от церкви, при чтении которого гасили свечи.

Иды — у римлян срединные дни месяца. В эти дни в жертву Юпитеру приносили овец.

Стагирит — Аристотель (он родился в македонском городе Стагира).

Тертуллиан Септимий (ок. 160—220) — христианский богослов, писатель.

Схолии (греч.) — пояснения к тексту.

Скалигеры — отец и сын: Юлий Цезарь (1484—1558) — французский (родом из Италии) медик, филолог, критик, поэт; Жозеф Жюст (1540—1609) — французский гуманист, филолог, издатель и комментатор античных текстов.

Квинтилиан Марк Фабий (35—96) — римский ритор, педагог (родом из Испании).

Макробий Амбросий Феодосий — латинский писатель второй половины IV в.

Клича служанок... — Далее следует игра слов. Исп. *hola* — междометие, восклицание; *ola* — волна.

Палестра (от греч. борюсь) — частная гимнастическая школа в Древней Греции.

Олья — национальное испанское кушанье: похлебка из мяса с овощами.

Чапины — деревянные (из пробкового дуба) башмаки, обшитые кордовским сафьяном.

Вегетий Флавий — римский писатель IV—V вв.

...ежели на этот эпитет заявят права кипарисы... — Капарис — «кладбищенское» дерево.

Аюнтамьенто — городской совет, магистрат.

Лакрима (*lacrima*) — слеза (лат.) (исп. *lagrìma*).

Сепультация — погребение (лат.).

...элоквентными... — Элоквенция (лат.) — ораторское искусство, красноречие.

ГОНГОРИСТЫ И КОНЦЕПТИСТЫ

АНТОНИО МИРА де АМЕСКУА

С. 393. *Песнь*. — *Диана* — в римской мифологии богиня охоты и деторождения, олицетворение луны (отождествлялась с Артемидой).

Тростник бенгальский. — Из бенгальского (индийского) тростника делали трости.

ПЕДРО де ЭСПИНОСА

С. 397. *Псалом*. — *Беглый факел* — здесь: молния.

С. 400. *Пресвятой Деве Марии*. — *Огни Святого Эльма*. — Огни (электрические разряды), появляющиеся на вершинах скал, мачтах и т. п., получили свое наименование в Средние века по названию церкви Святого Эльма, на башнях которой они часто возникали.

ОРТЕНСИО ПАРАВИСИНО

С. 402. **Послание черным очам.** — *Агат* — полудрагоценный камень. Агатовыми называют черные блестящие глаза из-за контаминации со словом «гагатовый» (гагат — черный со смолистым блеском уголь).

ЛУИС КАРРИЛЬО де СОТОМАЙОР

С. 406. **О бессмертии мысли.** — *Сагунт* (Сагунто) — см. примеч. к с. 170.

С. 409. **В своей беде поэт сравнивает себя с Фазтоном.** — *Дар Гелиад* — см. примеч. к с. 123.

С. 416. **К лимону, который одна дама бросила с балкона сочинителю.** — В испанском поэтическом фольклоре лимон — знак отвергнутой любви.

ХУАН де ТАССИС-и-ПЕРАЛЬТА, граф ВИЛЬЯМЕДИАНА

С. 420. **Беседа двух пастухов о правлении короля Филиппа IV.** — *Хищных он изгнал мздоимцев... / Худших он пригрел любимцев.* — Став королем, Филипп IV лишил власти фаворитов своего отца Филиппа III — герцога де Лерму и Родриго Кальдерона, а своим фаворитом сделал графа-герцога Оливареса.

Катилина Луций (109—62 до Р. Х.) — римский патриций, организатор заговора против сената (этот заговор был раскрыт Цицероном).

Вириат — пастух, возглавивший восстание португальцев (лузитан) против римского владычества во II в.

С. 430. **«Он, в белоперый облачен убор...»** — В данном сонете речь идет о Луисе де Гонгоре.

С. 431. **«Пришел, увидел, был я побежден...»** — Первая строка сонета — парафраз слов Юлия Цезаря «Пришел, увидел, победил».

С. 432. **«Вторично я на опыте своем...»** — Первый раз Вильямедиана был сослан в 1608 г. в Вальядолид, второй раз, в 1617 г., — в город Алькала-де-Энарес (в этом городе он учился в университете; см. его сонет «На свое возвращение в Алькала», а также примеч. к с. 368). Ссылка закончилась только в 1621 г., когда королем стал Филипп IV.

С. 435. «С тех пор, как отлучен я от фавора...» — ...*Лишенному надежд — чего страшиться?* — Девиз стойков: «Ни страхом, ни надеждой».

С. 437. «Пусть время множит без конца гоненья...» — ...*погибель ждет изгоя...* — Имеется в виду Икар.

С. 439. На свое возвращение в Алькала, куда он был сослан. — *Адонис* — см. примеч. к с. 75.

С. 442. На мою встречу с отцом Педросой. — Монах Григорио де Педроса был сослан за то, что в своих проповедях обличал фаворитов Филиппа III.

С. 443. Описание Кордовы. — *Санбенито* — см. примеч. к с. 90.

Гермес. — У Гермеса, бога купцов и торговли, был дар плутовства и мошенничества.

...*Пускай присочинит к сонету хвост*. — Речь идет о дополнительных трехстишиях, которые нередко появлялись в бурлескных «хвостатых» сонетах (см., например, в данной антологии «хвостатый» сонет Кеведо «Картины из жизни кабальеро, предающихся праздности»).

С. 444. Актрисе Хосефе Вака ее муж, наставляющий ее на ум. — В первые десятилетия XVII в. актриса Хосефа Вака и ее муж, актер Хуан де Моралес Медрано, были звездами испанского театра.

...*И прочь пошел. И с неба гром не грянул*. — Вильямедиа повторяет заключительную строку «хвостатого» сонета Сервантеса «На катафалк короля Филиппа II в Севилье».

С. 447. Эпитафии Родриго Кальдерону. — *Кальдерон Родриго, маркиз Семи церквей* (1570—1621) — испанский политический деятель, фаворит герцога де Лермы и короля Филиппа III. Казнен в 1621 г., когда на трон взошел Филипп IV.

ФРАНСИСКО де РИОХА

С. 450. «Уже Борея гневные порывы...» — *Гвадиамар* — скорее всего, вымышленное автором название реки: первая часть слова — гвади (араб. *гвад* — река; ср. Гвадалквивир, Гвадиана), вторая часть — амар (исп. *amar* — любить).

С. 452. Пример Сагунто. — *Сагунто* — см. примеч. к с. 170.

С. 454. К реке Гвадалквивир. — ...*гесперийских рек красой...* — Гесперия — так древние греки называли Иберийский (Пиренейский) полуостров.

Истр — греческое название Дуная.

Бетис — римское название Гвадалквивира.

С. 455. **К Италике.** — *Италика* — древнеримский город на берегах Бетиса, неподалеку от нынешней Севильи. Город был основан в 207 г. до Р. Х. Публием Корнелием Сципионом. Испанские поэты XVI—XVII вв. неоднократно описывали в своих произведениях руины Италики.

ЭСТЕБАН МАНУЭЛЬ де ВИЛЬЕГАС

С. 466. **К зефиру.** — *Киприда* — Афродита (остров Кипр был одним из главных мест культа богини любви).

С. 468. **Голубка.** — *Диона* — в греческой мифологии дочь Океана и Тефиды, супруга Зевса, мать Афродиты.

Батилл (Бафилл) — в анакреонтической поэзии условное имя прекрасного юноши.

С. 470. **К роднику.** — *Эбро* — река в восточной части Испании, впадает в Средиземное море.

С. 472. **Лето.** — *Филомела* — см. примеч. к с. 128.

Прадо — см. примеч. к с. 368.

Цитера — одно из прозваний Афродиты.

...кто громами правит... — имеется в виду Зевс.

ХЕРОНИМО де КАНСЕР-и-ВЕЛАСКО

С. 476. **Поэт даме своего сердца...** — *Сеговия* (Сеговия) — город к северо-западу от Мадрида, по другую сторону горной гряды Гуадаarraма.

АНТОНИО ЭНРИКЕС ГОМЕС

С. 493. **У кумушек ссора — правда без призора.** — ...*Виновата... распрекрасная сеньора.* — Речь идет о Елене Прекрасной, из-за которой началась Троянская война.

САЛЬВАДОР ХАСИНТО ПОЛО

де МЕДИНА

С. 498. **На одного знакомого, одетого в платье с большими вставками.** — *Фьерабрас* — заглавный герой (рыцарь) анонимной испанской поэмы XII в. (В «Дон Кихоте» Сервантеса говорится о чудодейственном бальзаме Фьерабраса.)

С. 499. «Вы, Христофор-силач, переносили...» — Существует авторский вариант этой эпиграммы:

НАДПИСЬ ПОД ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТОГО ХРИСТОФОРА,
ДЕРЖАЩЕГО НА ПЛЕЧАХ ЗЕМНОЙ ШАР

Пусть шар земной себе на плечи
Ты взгромоздить, допустим, смог.
Однако, где же, человеке,
Нашел опору ты для ног?

(Перевод Вл. Васильева)

Христофор (греч.: несущий Христа) — по библейским преданиям, силач (христианский Геракл), перенесший через речной поток младенца Иисуса, оказавшегося необычайно тяжелым (он был завтрашним днем; в иной интерпретации: всем земным шаром).

АНТОНИО де СОЛИС-и-РИВАДЕНЕЙРА

С. 502. Влюбленный вынужден признаться двум дамам, что любит их обеих одновременно. — *Уйти — оставшись в то же время здесь.* — Парафраз первой строки одного из сонетов Лопе де Веги «Уйти — и не уйти, бежать, остаться».

ФРАНСИСКО де ТРИЛЬО-и-ФИГЕРОА

С. 508. Дамам, которым угодно видеть в поэте своего поклонника. — *Ловко я метаю барру...* — Барра — брус, рейка и т. п.; игра, напоминающая игру в городки.

Селестина — см. примеч. к с. 372.

ТИРСО де МОЛИНА

(наст. имя — Габриэль Тельес)

С. 519. Песня из пьесы «Севильский оболъститель, или Каменный гость». — Перевод пьесы, выполненный К. Д. Бальмонтом (1867—1942), впервые был опубликован в книге «Миф о Дон Жуане» (Составитель Вс. Багно. СПб., 2000). Перу Бальмонта принадлежат также «отрывки из ненаписанной поэмы» «Дон Жуан» (1898).

ПЕДРО КАЛЬДЕРОН де ла БАРКА

С. 526. Сонет из пьесы «Стойкий принц». — Привожу перевод сонета, выполненный Б. Л. Пастернаком (1890—1960):

Казались сада гордостью цветы,
Когда рассвету утром были рады,
А вечером с упреком и досадой
Встречали наступленье темноты.

Недолговечность этой пестроты,
Не дольше мига восхищавшей взгляды,
Запомнить человеку было надо,
Чтоб отрезвить его среди суеты.

Чуть эти розы расцвести успели, —
Смотри, как опустились лепестки!
Они нашли могилу в колыбели.

Того не видят люди-чудаки,
Что сроки жизни их заметны еле,
Следы веков, как миги, коротки.

Пьесу «Стойкий принц» Пастернак перевел незадолго до своей смерти; впервые его перевод был опубликован в 1961 г.

В. Андреев

СОДЕРЖАНИЕ

А. Миролюбова. Искусство острого ума	5
--	---

ЛУИС де ГОНГОРА-и-АРГОТЕ

«Где башня Кордовы гордой...» Перевод С. Гончаренко .	29
«Поет Алкиной — и плачет...» Перевод С. Гончаренко .	31
«Он Первый Знаменщик мавров...» Перевод С. Гончаренко	32
Испанец в Оране. Перевод И. Чежеговой	35
«Посреди коней быстроногих...» Перевод М. Квятковской .	37
«Каторжной прикован цепью...» Перевод И. Чежеговой	41
«Невольника злая доля...» Перевод М. Квятковской . .	43
«Белую вздымая пену...» Перевод И. Чежеговой	45
«Веселую свадьбу...» Перевод С. Гончаренко	47
«Ах, девушки, что ни делай...» Перевод Г. Кружкова .	49
«Праздники, Марика!...» Перевод М. Самаева	51
«Здесь, в зеленых копыях осоки...» Перевод М. Квятковской	54
«Рыдала девица...» Перевод С. Гончаренко	57
«И плюхнулся глупый отрок...» Перевод М. Самаева . .	59
«Звезды теплились в хрустальной...» Перевод Е. Баевской	62
«Без Леды и без надежды...» Перевод М. Самаева . . .	66
« — Кто ко мне стучится ночью?...» Перевод С. Гончаренко	67
«Не свою верность, пастушка...» Перевод М. Самаева .	69
«Из-за черной сензориты...» Перевод И. Чежеговой . .	71
«Разочарованье...» Перевод М. Квятковской	72
Анджелика и Медор. Перевод М. Квятковской	75
«Ты, что целишься так метко...» Перевод И. Чежеговой	80
«Нынче песне подыграю...» Перевод М. Самаева . . .	82
«Жизни радуюсь земной...» Перевод М. Донского . . .	86
«Коль сеньоры станут слушать...» Перевод М. Квятковской .	88
Фортуна. Перевод Г. Кружкова	90
«Каждый хочет вас обчесть...» Перевод С. Гончаренко .	92
«Что несет Эсгеvy ток?...» Перевод М. Квятковской . .	94
«Куль я видел у менялы...» Перевод С. Гончаренко . .	96
«Жить бы мне в покое...» Перевод Е. Баевской	99
«Поутру в дуброве...» Перевод Е. Баевской	101
«Мысль моя, дерзанья плод...» Перевод Е. Баевской . .	102
«Не одни лишь соловьи...» Перевод Вл. Васильева . . .	103
«Голубка, ты умчалась...» Перевод М. Квятковской . .	105
На несносные крики ласточки. Перевод М. Квятковской .	107
Определение времени по невозможным часам. Перевод М. Квятковской	108

Даме, которой поэт преподнес цветы. <i>Перевод Е. Баевской</i>	112
«Как зерна хрусталия на лепестках...» <i>Перевод С. Гончаренко</i>	113
«Пока руно волос твоих течет...» <i>Перевод С. Гончаренко</i>	114
«О влага светоносного ручья...» <i>Перевод С. Гончаренко</i>	115
«Зовущих уст, которых слаще нет...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	116
Даме с ослепительно белой кожей, одетой в зеленое. <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	117
«Я пал к рукам хрустальным; я склонился...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	118
«Взойди, о Солнце, вспыхни, расчерти...» <i>Перевод Вл. Рез- ниченко</i>	119
«В хрустальной чаше ласковых ладоней...» <i>Перевод С. Гончаренко</i>	120
«Рои печальных вздохов, ливни слез...» <i>Перевод М. Квят- ковской</i>	121
«Едва зима войдет в свои права...» <i>Перевод С. Гончаренко</i>	122
«Вы, сестры отрока, что презрел страх...» <i>Перевод М. Квят- ковской</i>	123
«Вы, о деревья, что над Фазтоном...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	124
«Нет ни в лесу, ни в небе, ни в волне...» <i>Перевод М. Квят- ковской</i>	125
«Где кость слоновая, где белоснежный...» <i>Перевод М. Квятковской</i>	126
«О дьявольское семя! Род напасти!...» <i>Перевод С. Гончаренко</i>	127
«Как трепетно, на тысячу ладов...» <i>Перевод М. Квятковской</i>	128
«Доверив кудри ветру, у ствола...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	129
«Не столь поспешно в море огибает...» <i>Перевод В. Андреева</i>	130
Кордове. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	131
«Пусть со скалою веры стройный бот...» <i>Перевод М. Самаева</i>	132
Аутодафе, имевшее место в Гранаде. <i>Перевод М. Самаева</i>	133
На христианские реликвии и портреты отцов церкви, со- бранные в галерее кардинала Фернандо Ниньо де Ге- вары. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	134
Напоминание о смерти и преисподней. <i>Перевод С. Гонча- ренко</i>	135
На могилу Доменико Эль Греко. <i>Перевод В. Андреева</i>	136
Предание о Полифеме и Галатее (фрагмент). <i>Перевод В. Андреева</i>	137
Одиночества. <i>Одиночество первое</i> (фрагмент). <i>Перевод А. Миролубовой</i>	138
К розе («Вчера родившись — завтра ты умрешь...»). <i>Пере- вод И. Чежеговой</i>	140
«Пусть роза прелесть пышную творит...» <i>Перевод М. Квятковской</i>	141
Розе и ее недолговечности. <i>Перевод М. Квятковской</i>	142

Сонет, написанный по случаю тяжкого недуга. <i>Перевод</i> <i>Е. Баевской</i>	143
«Не так неистово сквозь вихрь и свет...» <i>Перевод В. Парнаха</i>	144
«В Неаполь правит путь сеньор мой граф...» <i>Перевод</i> <i>А. Косс</i>	145
«Один мальчишка — плутоватый взгляд...» <i>Перевод</i> <i>М. Самаева</i>	146
«Спесь гранда — грандиознее слона...» <i>Перевод М. Самаева</i>	147
«Вальядолид. Застава. Суматоха!..» <i>Перевод С. Гончаренко</i>	148
«Так вы — Вальядолид, в чьем аромате...» <i>Перевод М. Са-</i> <i>маева</i>	149
Мадрид в 1610 году. <i>Перевод В. Андреева</i>	150
«Я, тетушка, в Маморе. Не успев...» <i>Перевод С. Гончаренко</i>	151
«Желая жажду утолить, едок...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	152
На нимфу Дантею. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	153
«Приор, в сутане прея, делал вид...» <i>Перевод Вл. Васильева</i>	154
«Дон Отхо, душой постоянно кривящий...» <i>Перевод</i> <i>Вл. Васильева</i>	155
Особе, которая слыла девственницей, но таковой не была. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	156
Почитателям Лопе де Веги. <i>Перевод Вл. Резниченко</i> . .	157
Лопе де Вега. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	158
Дону Франсиско де Кеведо. <i>Перевод В. Андреева</i>	159
Письмо некоего друга дона Луиса де Гонгоры, написанное по поводу его «Одиночеств». <i>Перевод Е. Лысенко</i> .	160
Письмо дона Луиса де Гонгоры в ответ на присланное ему. <i>Перевод Е. Лысенко</i>	162

ФРАНСИСКО де КЕВЕДО-и-ВИЛЬЕГАС

Дону Луису де Гонгоре. <i>Перевод В. Андреева</i>	169
Псалом XII. <i>Перевод Н. Ванханен</i>	170
Псалом XV. <i>Перевод Н. Ванханен</i>	171
Псалом XVI. <i>Перевод А. Гелескула</i>	172
Псалом XVII. <i>Перевод А. Косс</i>	173
Псалом XVIII. <i>Перевод А. Гелескула</i>	174
Псалом XIX. <i>Перевод А. Гелескула</i>	175
Псалом XX. <i>Перевод В. Михайлова</i>	176
Псалом XXVI. <i>Перевод Вс. Багно</i>	177
Учит умирать заблаговременно, а еще учит, что та часть смерти, каковая длится дольше, то есть умирание, и есть жизнь, мы же того не чувствуем и о том не сожалеем, а печалит нас та часть смерти, каковая мгновенна, то есть последний вздох. <i>Перевод А. Косс</i>	178

Вспомни ничтожность прожитого и призрачность пережитого. <i>Перевод А. Гелескула</i>	179
Ощути скудость жизни, так неожиданно и нещадно ограбленной смертью. <i>Перевод А. Гелескула</i>	180
Уведомление для жизни и для смерти. <i>Перевод В. Андреева</i>	181
Плач над заблуждениями жизни. <i>Перевод А. Гелескула</i>	182
О быстроте, с какой приближается смерть. <i>Перевод Вс. Багно</i>	183
Неразумие жизни, наступаемой смертью врасплох. <i>Перевод А. Гелескула</i>	184
Рассуждение о том, что имсующий многие богатства беден. <i>Перевод М. Квятковской</i>	185
Равное преступление почитается неравным, если не равны свершившие оное. <i>Перевод М. Квятковской</i>	186
О том, что прозренье — истинное богатство. <i>Перевод А. Косс</i>	187
Сколь ни могуществен оскорбитель, он оставляет оскорбленному оружие для отмщенья. <i>Перевод А. Косс</i>	188
Убеждает богиню справедливости отбросить весы, так как пользуется она лишь мечом. <i>Перевод К. Корконосенко</i>	189
Назидание — полезное для тех, кто стремится украсить себя, обнажая других. <i>Перевод В. Андреева</i>	190
Предостережение об опасности пути, ведущего вверх, особенно если это путь падения других. <i>Перевод В. Андреева</i>	191
Предостережение Испании в том, что, став владычицей многих, возбудит она зависть и ненависть многих врагов, а потому ей всегда надо быть готовой оборонить себя. <i>Перевод Л. Цывьяна</i>	192
Покой и довольство неимущего предпочтительней зыбкого великолепия сильных мира сего. <i>Перевод А. Косс</i>	193
Преимущества добродетели и опасения жестокого властелина. <i>Перевод А. Косс</i>	194
Являет образы обманного и истинного богатства. <i>Перевод А. Косс</i>	195
О чем звонит колокол в Арагоне, по кончине милостивейшего короля Филиппа III, и как по-разному его слышат. <i>Перевод А. Гелескула</i>	196
Причины падения Римской империи. <i>Перевод А. Косс</i>	197
Могущественные и суетные с виду ослепительны, по сути унылы и бледны. <i>Перевод А. Косс</i>	198
О том, сколь обманчива окажется наружная видимость, если судить по истинной внутренней сути. <i>Перевод А. Косс</i>	199
Наслаждаясь уединением и учеными занятиями, автор сочинил сей сонет. <i>Перевод А. Косс</i>	200

Песочные часы. <i>Перевод Д. Шнеерсона</i>	201
Часы с боем. <i>Перевод Д. Шнеерсона</i>	203
Солнечные часы. <i>Перевод Д. Шнеерсона</i>	205
На останки неведомого короля, признанные королевскими лишь по обломкам короны. <i>Перевод М. Квятковской</i>	206
Стоическая проповедь морального порицания. <i>Перевод</i> <i>А. Миролюбовой</i>	209
Критико-сатирическое послание графу-герцогу Оливаре- су, обличающее нынешние кастильские нравы. <i>Пере-</i> <i>вод М. Квятковской</i>	220
Его величеству королю Филиппу IV мемориал. <i>Перевод</i> <i>М. Квятковской</i>	227
О том, как дона Альваро де Луну вели на казнь. <i>Перевод</i> <i>М. Донского</i>	234
Святому Лаврентию. <i>Перевод В. Резник</i>	237
Риму, погребенному под руинами. <i>Перевод В. Андреева</i>	238
Гимн звездам. <i>Перевод А. Миролюбовой</i>	239
Эпитафия дону Луису Каррильо де Сотомайору. <i>Перевод</i> <i>А. Косс</i>	242
На смерть графа Вильямедианы. <i>Перевод А. Косс</i>	243
Бессмертной памяти дона Педро Хирона, герцога Осуны, умершего в тюрьме. <i>Перевод В. Андреева</i>	244
Везувию, который ныне наполовину сад, наполовину вул- кан. <i>Перевод В. Литуса</i>	245
«Я обнимаю трепетные тени...» <i>Перевод В. Петрова</i> . . .	246
Сонет, в котором содержится суждение о сходстве любви и ручья. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	247
Представив ад в себе самом, силюсь укротить его, подобно Орфею, но все напрасно. <i>Перевод А. Гелескула</i>	248
Влюбленный учится любви у неразумной природы. <i>Пере-</i> <i>вод А. Гелескула</i>	249
Сонет, в коем влюбленный преувеличивает свой любов- ный пыл, отчаяние, вздохи и мучения. <i>Перевод И. Че-</i> <i>жеговой</i>	250
Мстительный сонет в форме совета красавице, утратившей былую прелесть. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	251
Река, переполняемая слезами влюбленного, да не останет- ся равнодушной к его скорби. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	252
Утверждает, что тайна красоты — в движении. <i>Перевод</i> <i>А. Косс</i>	253
Рассуждения, с помощью которых доказывается, что мож- но любить сразу двоих. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	254
Влюбленный благодарен обманчивой лести сна. <i>Перевод</i> <i>А. Гелескула</i>	255
О муках любви. <i>Перевод Н. Ванханен</i>	256

Пусть все узнают, сколь постоянна моя любовь. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	257
«По гребню нелюдимого отрога...» <i>Перевод А. Гелескула</i>	258
Среди химер. <i>Перевод А. Гелескула</i>	259
Сонет, в котором объясняется досадное непостоянство любовных тревог. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	260
«Я вечно горю, никогда не сгораю...» <i>Перевод А. Миролюбовой</i>	261
О том, что счастье не в любви, а в мечтах о ней. <i>Перевод Н. Ванханен</i>	262
Определение любви. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	263
Безмолвная любовь. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	264
«Поток риторики, немой и нежной...» <i>Перевод А. Косс</i>	265
Глосса в октавах. <i>Перевод Л. Цывьяна</i>	266
Любовная песнь. <i>Перевод М. Квятковской</i>	267
Влюбленному покоя нет. <i>Перевод Вс. Багно</i>	269
Влюбленный обретает в своей любви все сокровища мира. <i>Перевод Л. Цывьяна</i>	270
Переодевшись простолюдинкой, Флорис идет на ярмарку. <i>Перевод Д. Шнеерсона</i>	272
Портрет красавицы. <i>Перевод М. Донского</i>	274
Любовь, запечатленная в душе, пребудет, когда не останется и пепла. <i>Перевод А. Косс</i>	275
Обреченный страдать без отдыха и срока. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	276
Источая скорбные жалобы, влюбленный предостерегает Лиси, что ее раскаяние будет напрасным, когда ее красота увянет. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	277
Любовь с первого взгляда рождается, живет, растет и становится вечной. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	278
Любовь неизменна за чертой смерти. <i>Перевод А. Гелескула</i>	279
Упорство любви, лишенной надежд. <i>Перевод А. Гелескула</i>	280
Сетования влюбленного перед лицом смерти. <i>Перевод Н. Ванханен</i>	281
Уловкам хитроумным несть числа, но ведь и смерть искусна. <i>Перевод Вс. Багно</i>	282
Лисиде с просьбой дать мне цветы, что у нее в руке, и взять за образец себе ручей. <i>Перевод А. Гелескула</i>	283
О том, что солнце растопит альпийские снега, а глаза моей Лиси не растопят ее холода. <i>Перевод А. Гелескула</i>	284
К Лиси. <i>Перевод Л. Цывьяна</i>	285
Ручей. <i>Перевод Д. Шнеерсона</i>	287
Лирическая летрилья. <i>Перевод М. Квятковской</i>	288
Соловью. <i>Перевод Д. Шнеерсона</i>	289
Носатому. <i>Перевод А. Миролюбовой</i>	290

Освободи женщину от большей и чуждой ей части — из тех, кои ее составляют. <i>Перевод В. Андреева</i>	291
К Аполлону, преследующему Дафну. <i>Перевод К. Корконосенко</i>	292
«Слова твои, Херонимо, — обман!..» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	293
Две разновидности сладострастников. <i>Перевод Вс. Багно</i>	294
Исповедь по заповедям Моисеевым. <i>Перевод В. Андреева</i>	295
О том, что происходило в его время, Кеведо рассказывает в следующих сонетах. <i>Перевод А. Косс</i>	296
Разочарование в женщинах. <i>Перевод Вс. Багно</i>	298
О человеке бедном и женатом. <i>Перевод Л. Цывьяна</i>	299
Об опасностях женитьбы и о причинах нежелания вступать в брак. <i>Перевод Л. Цывьяна</i>	300
Картины из жизни кабальеро, предающихся праздности. <i>Перевод А. Косс</i>	315
Иная песня. <i>Перевод Л. Цывьяна</i>	316
Сатирическая летрилья. <i>Перевод М. Донского</i>	318
Бурлескная летрилья. <i>Перевод Л. Цывьяна</i>	321
Сатирическое послание, имеющее прямое касательство к иным персонам. <i>Перевод М. Квятковской</i>	323
Огородная свадьба. <i>Перевод М. Донского</i>	325
Рассказ неудачника о своем рождении и впоследствиивавших от того злосчастиях. <i>Перевод М. Донского</i>	328
Преимущества первого из мужчин. Главное — отсутствие тещи. <i>Перевод М. Донского</i>	332
Обличаю любовь. <i>Перевод Л. Цывьяна</i>	334
Отповедь попрошайкам, кланчащим пожертвований. <i>Перевод М. Донского</i>	337
Разговор дуэньи с неимущим воздыхателем. <i>Перевод М. Донского</i>	339
Против безудержной поэтической лести. <i>Перевод М. Донского</i>	342
Ответ на просьбу о признании отцовства. <i>Перевод М. Донского</i>	344
Кошачья сходка. <i>Перевод М. Донского</i>	347
Разбитная бабенка расхваливает своего мужа. <i>Перевод К. Корконосенко</i>	353
Где Орфей представлен прообразом счастливого супруга. <i>Перевод А. Косс</i>	354
О том, как мои изъяны видятся со стороны. <i>Перевод М. Донского</i>	356
Бурлескный романс. <i>Перевод М. Донского</i>	358
Сатира («Тем, кто о друзьях умерших...»). <i>Перевод М. Квятковской</i>	360

Отшельница и пилигрим. Перевод М. Донского	363
О любви к монашенке. Перевод Л. Цывьяна	365
«Те, кто в погоне за своим товаром...» Перевод Д. Шнеерсона	366
Продажному судье. Перевод А. Косс	367
Воровской романс. Перевод Д. Шнеерсона	368
На Орфея. Перевод Вл. Васильева	371
Эпитафия Селестине. Перевод В. Андреева	372
Эпитафия грешнику. Перевод Д. Шнеерсона	373
«Вчера не знал я женщины, с которой...» Перевод Вл. Васильева	374
Искушение ростовщика. Перевод Вл. Васильева	375
«Ты знатен, ты в высоком чине...» Перевод Вл. Васильева	376
«Все уверяют, что Элой...» Перевод Вл. Васильева	377
Старухе, которая носила на цепочке золотую фигурку смерти. Перевод Д. Шнеерсона	378
Эпитафия поэту. Перевод В. Михайлова	379
Эпитафия самому себе. Перевод В. Андреева	380
Культистская латиноболтовня. Перевод Е. Лысенко	381

ГОНГОРИСТЫ И КОНЦЕПТИСТЫ

АНТОНИО МИРА де АМЕСКУА

Песнь («Веселый, беззаботный и влюбленный...»). Перевод Вл. Резниченко	393
--	-----

ПЕДРО де ЭСПИНОСА

Перевод Г. Кружкова

Псалом («Тебе возносит небосвод хваленье...»)	397
О познании самого себя	399
Пресвятой Деве Марии	400
К летним ветеркам, с подношением цветов	401

ОРТЕНСИО ПАРАВИСИНО

Послание черным очам. Перевод М. Донского	402
---	-----

АЛОНСО ХЕРОНИМО де САЛАС БАРБАДИЛЬО

Перевод Вл. Васильева

«Ты судился круглый год...»	404
«Сеньор, без всякого стеснения...»	405

ЛУИС КАРРИЛЬО де СОТОМАЙОР

Перевод А. Косс

О бессмертии мысли	406
О дерзновенности мысли и об утешении	407
Предупреждение об опасностях, коими грозит море	408
В своей беде поэт сравнивает себя с Фазтоном	409
О быстролетности времени	410
Пример того, что все на свете преходяще	411
О том, что надобно страшиться благоприятства Фортуны	412
О разлуке после отплытия на галере	413
Горькая правда о жестокости любви	414
Одной даме, которая то откидывала покрывало, то снова прятала лицо	415
К лимону, который одна дама бросила с балкона сочинителю	416
Романс («Грусть велит мне песни множить...»)	417
Эклога	418
Песнь («Снега сошли, оделся луг травой...»)	419

ХУАН де ТАССИС-и-ПЕРАЛЬТА,

граф ВИЛЬЯМЕДИАНА

Беседа двух пастухов о правлении короля Филиппа IV. Пе- <i>ревод А. Косс</i>	420
Глосса. <i>Перевод А. Косс</i>	423
«Рассказать про круговерть...» <i>Перевод А. Косс</i>	425
«Ни взлететь, ни пасть во прах...» <i>Перевод А. Косс</i>	426
О красоте всего сущего. <i>Перевод А. Косс</i>	427
К ручью. <i>Перевод А. Косс</i>	428
«Пройдя чреду и радостей, и мук...» <i>Перевод А. Косс</i>	429
«Он, в белоперый облачен убор...» <i>Перевод А. Косс</i>	430
«Пришел, увидел, был я побежден...» <i>Перевод А. Косс</i>	431
«Вторично я на опыте своем...» <i>Перевод А. Косс</i>	432
«Хоть аспид злой к твоей груди приник...» <i>Перевод А. Косс</i>	433
«Молчанье, в склепе я твоём укрою...» <i>Перевод А. Косс</i>	434
«С тех пор, как отлучен я от фавора...» <i>Перевод А. Косс</i>	435
«Двойная мука мне в удел дана...» <i>Перевод А. Косс</i>	436
«Пусть время множит без конца гоненья...» <i>Перевод</i> <i>А. Косс</i>	437
«Сколь малым времени обязан тот...» <i>Перевод А. Косс</i>	438
На свое возвращение в Алькала, куда он был сослан. <i>Пере-</i> <i>вод А. Косс</i>	439
Против придворных соблазнов чстолюбия. <i>Перевод</i> <i>А. Косс</i>	440

«Избыть бы тщетные мои стремленья...» <i>Перевод А. Косс</i> .	441
На мою встречу с отцом Педрасой. <i>Перевод А. Косс</i> . .	442
Описание Кордовы. <i>Перевод А. Косс</i>	443
Актрисе Хосефе Вака ее муж, наставляющий ее на ум. <i>Перевод А. Косс</i>	444
На чету необыкновенно безобразных графа Саласара и донью Марию Ласо де Кастилья. <i>Перевод Вл. Васильева</i> .	445
На придворного альгвасила дона Педро Верхеля. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	446
Эпитафии Родриго Кальдерону. <i>Перевод Вл. Васильева</i> .	447

ФРАНСИСКО де РИОХА

«Я полон самым чистым из огней...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i> .	448
«В тюрьме моей, где в скорбной тишине...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	449
«Уже Борея гневные порывы...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i> .	450
«Как я устал брести Фортуне вслед...» <i>Перевод Л. Цывьяна</i> .	451
Пример Сагунто. <i>Перевод Л. Цывьяна</i>	452
На погибшую Атлантиду. <i>Перевод Л. Цывьяна</i>	453
К реке Гвадалквивир. <i>Перевод Л. Цывьяна</i>	454
К Италике. <i>Перевод Л. Цывьяна</i>	455
К розе («Пылающая роза...»). <i>Перевод Вл. Резниченко</i> .	456
К желтой розе. <i>Перевод Л. Цывьяна</i>	457
К богатству. <i>Перевод Л. Цывьяна</i>	458

ПЕДРО СОТО де РОХАС

Ад любви в сердце. <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	460
Щеглу. <i>Перевод А. Косс</i>	461
Мадригалы. <i>Перевод А. Косс</i>	462

ЛУИС де УЛЬОА-и-ПЕРЕЙРА

Перевод И. Чежеговой

«Божественные очи! Не тай...»	464
Праху возлюбленного, помещенному вместо песка в песочные часы	465

ЭСТЕБАН МАНУЭЛЬ де ВИЛЬЕГАС

К Зефиру. <i>Перевод М. Талова</i>	466
Стенания птицы. <i>Перевод В. Андреева</i>	467

Голубка. <i>Перевод В. Андреева</i>	468
К роднику. <i>Перевод В. Андреева</i>	470
Лидия и пчелы. <i>Перевод В. Михайлова</i>	471
Лето. <i>Перевод В. Михайлова</i>	472

ХЕРОНИМО де КАНСЕР-и-ВЕЛАСКО

Перевод Вл. Васильева

Сатира («Хоровод, кружись! Игру в пинки затеем...») .	474
Поэт даме своего сердца, израненный камнями, которыми запустили в него похитители плащей	476

МИГЕЛЬ МОРЕНО

Перевод Вл. Васильева

«Алонсо выдал твой секрет...»	479
«Завистников чрезмерно много...»	480
«Дабы на слуг ты положиться мог...»	481

БЕРНАРДИНО де РЕБОЛЬЕДО

Перевод Вл. Васильева

«Ана, будь умней немного...»	482
«У доньи Клары грустный вид...»	483
«Я в церкви спросил у возлюбленной...»	484
На трусливого врача	485
«Ты, брат, охотник до похвал...»	486

АНТОНИО ЭНРИКЕС ГОМЕС

Перевод Д. Шнеерсона

«Не ведая причины стольких бед...»	487
«Когда, изгнанник, растравляя раны...»	488
Война	489
Честолюбие	490
Судье	492
У кумушек ссора — правда без призора	493

САЛЬВАДОР ХАСИНТО ПОЛО де МЕДИНА

Романс («Ах, как мчится по полянам...»). <i>Перевод А. Големба</i>	495
Эпитафия пропойце. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	497

На одного знакомого, одетого в платье с большими вставками. <i>Перевод В. Андреева</i>	498
«Вы, Христофор-силач, переносили...» <i>Перевод В. Андреева</i>	499

АНТОНИО де СОЛИС-и-РИВАДЕНЕЙРА

Роза. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	500
Против одиночества. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	501
Влюбленный вынужден признаться двум дамам, что любит их обеих одновременно. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	502
Беспутной женщине. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	503
Весьма тощему сеньору. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	504
Престарелой кокетке. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	505
Некоей сеньоре, посылая ей кувшин со святой водой. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	506

ФРАНСИСКО де ТРИЛЬО-и-ФИГЕРОА

Перевод М. Яснова

Презрение к судьбе	507
Дамам, которым угодно видеть в поэте своего поклонника	508
Одной монахине, которая хотела, чтобы за ней ухаживали	511
«К чему судьба, тебе хватает пыла...»	513

ТИРСО де МОЛИНА

Из пьесы «Стыдливый во дворце». <i>Перевод А. Эфрон</i>	
Сонет («Когда за серебристою рекою...»)	514
Из пьесы «Благочестивая Марта». <i>Перевод М. Донского</i>	
Сонет («Бык пахаря, влача постылый плуг...»)	515
Сонет («Жизнь безнадежна, как крошечный ад...»)	515
Из пьесы «Дон Хиль Зеленые штаны». <i>Перевод Э. Линецкой</i>	
Песня («Листья тополей...»)	517
Песня («Своей надежды весело...»)	517
Из пьесы «Севильский обольститель, или Каменный гость». <i>Перевод К. Бальмонта</i>	
Песня («За любовь мою когда ты...»)	519
Песня («Знайте все, кто ждет от Бога...»)	519
Эпиграммы. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	
«Когда любовь не праздная игра...»	520
«Замечено, что женщина всего...»	520

«Как-то раз палач с учеником...»	520
«Жил да был король. При нем...»	520

ПЕДРО КАЛЬДЕРОН де ла БАРКА

Из пьесы «По секрету — вслух». <i>Перевод М. Донского</i>	
Песня («Когда полна дурманом голова...»)	522
Из пьесы «Дама-невидимка». <i>Перевод Т. Щепкиной-Куперник</i>	
Сонет («Так велика к тебе любовь моя...»)	524
Сонет («Но если мы свободно выбираем...»)	524
Из пьесы «Стойкий принц». <i>Перевод Б. Дубина</i>	
Сонет («Они смеются, чуть рассвет проглянет...»)	526
Эпиграммы	
«Один никудышный художник...» <i>Перевод В. Андреева</i>	527
«Придворный угощал посла...» <i>Перевод Вл. Васильева</i>	527
«Латал подмастерье жилет...» <i>Перевод Вл. Васильева</i>	528
«Случаются четыре стадии...» <i>Перевод Вл. Васильева</i>	528
«Я слышал, что, когда однажды...» <i>Перевод Вл. Васильева</i>	528
«Гнусавый Пабло в плен попал...» <i>Перевод Вл. Васильева</i>	529
«Спросил безумец: «Чем нетрудно...» <i>Перевод Вл. Васильева</i>	529
«Нельзя столь несчастливым стать...» <i>Перевод Вл. Васильева</i>	529
«В лохмотьях, голодом томим...» <i>Перевод Вл. Васильева</i>	530
«Небо — предзнаменованье...» <i>Перевод Вл. Васильева</i>	530
Комментарии. <i>В. Андреев</i>	531

БРЛ

ПОЭЗИЯ
ИСПАНСКОГО
БАРОККО

